Топор хулиганиста

Александр Тюрин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Задача, стоящая перед любым особистом, предельно проста — выявить преступника и обезвредить его. И неважно, в какой из космических нор этот преступник пытается скрыться, герой нового романа Александра Тюрина след не потеряет. Тем более что действует он в хорошо знакомом и привычном ему мире, до предела насыщенном компьютерами и прочими заумными штуковинами. Перед вами захватывающий отечественный киберпанк!

- Александр Тюрин
  - Вместо пролога:
  - 1. «Посиделки»; закрытая зона «Мичуринск», астероид Гаспра, январь 2053 г.
  - 2. «Незнайки в Солнечном городе»; Марс, солнечный город Свободобратск, апрель 2053 г.
  - 3. «В дебрях народного хозяйства»; орбитальный рабочий поселок «Шанхай»-44»
  - 4. «Кочан против головы»; орбитальный рабочий поселок «Шанхай-44»
  - 5. «Гуляй-поле»; Меркурий, закрытая зона «Мирный»
  - 6. «Аллегро вивач̀е»; Меркурий, закрытая зона «Мирный», плато Теночтитлан
  - 7. «Попутная радость»; Меркурий, закрытая зона «Мирный»
  - 8. «Метростроители»; Марс, район Лабиринтис Ноктис
  - 9. «Задушевный разговор»; Марс, солнечный город Свободобратск
  - 10. «Забавы весталок и вестанцев»; астероид Веста, солнечный город
  - 11. «Челюсти», кластер Веста-3, закрытая зона «Кибальчич»
  - 12. «Новый друг хвостатей старых двух»; кластер Веста-3, закрытая зона «Кибальчич»
  - 13. «Станционный смотритель»; орбита Юпитера, станция «Медуза»
  - 14
  - 15. «Игры с крейсером»; система Юпитера, Адрастея
  - 16. «Прогулки по Европе»; система Юпитера, Европа
  - 17. «Водяной и его зверюшки»; Европа
  - 18. «На сервер с черного входа»; Европа
  - 19. «Оседлав зверя»; Юпитер

○ 20. «Праздник в сети»; система Юпитера, Ганимед
○ Вместо эпилога:

Александр Тюрин
Боятся ли компьютеры адского пламени

Свет — это тьма, поставленная раком.

пока неизвестный китайский мыслитель

Вместо пролога: «На обломках интернета разгорается третья мировая» (New-York Times, 23 февраля 2012 г.)

Не прошло и пары лет, как счастливый Масаеши-внук, владелец «Yahoo Softbank Corp». объявил, что скупил практически все крупные серверы Интернета, а также запустил на орбиту спутниковую систему, которая поддерживает решетку мгновенной связи. За каких-то два года Yahoo!!! превратился из заурядной поисковой машины с давно осточертевшими баннерами во всеведущую и вездесущую глобальную кибероболочку с таинственным именем — виртуальный эксперт Гальгальта. Все пользователи Интернета, поддавшись на гипнотическую рекламу, обзавелись своим полномочным электронным двойником, по прозвищу «джин», для путешествий в сетевом пространстве. И этому сверхскоростному джину стали без ограничений доступны все сокровищницы, прописанные в МетаВеб, от онлайновых распродаж до девушек, «мечтающих познакомиться». Но самое главное, мировая информационная паутина получила глобальную антивирусную защиту, Гальгальта безжалостно уничтожил мириады «вирусов», «червей», «троянцев» и «спам-боты», которые превращали даже компьютер твоей тетушки в форменные джунгли.

И вот, не смотря на этот хоровод побед, на пресс-конференции в Международном Центре Торговли вместо счастливо-улыбающегося Масаеши-внука двухгодичной давности мы увидели растерянного потного человека, который пугался каждому новому вопросу и все старался расплакаться по старинному японскому обычаю.

Итак, мистеру монополисту не по себе. На глобальную антивирусную систему нашелся глобальный же вирус. И вот уже почти неделю Гальгальта молчит. В состоянии хаоса сотни правительственных и частных программ, связанных с виртуальным экспертом, как младенцы с матерью. Единое кибернетическое пространство рассыпается на глазах, оставляя мир в куда худшем состоянии, чем пару лет назад. Финансовый кризис превращается в финансовый водоворот, доллары возвращаются в Америку, сметая все рынки на своем пути. Оборонные системы США, проводившие столь рискованную игру с Китаем, Индонезией и Всемирным Халифатом, пребывают в

состоянии коллапса. Ударный американский авианосец «Хиллари Клинтон» потоплен в Южнокитайском море — скорее всего, стаей модифицированных осьминогов, начиненных по самый клюв пластиковой взрывчаткой. Индонезийские военные открещиваются от своей причастности к «осьминожьей» атаке. Наверное, сама тихоокеанская фауна открыла сезон охоты на американские корабли и субмарины.

Идут тяжелые бои под Владивостоком и Хабаровском между российской морской пехотой и десантно-штурмовыми частями неизвестной страны с применением кевларовых микроробботов типа «инь» и «янь», обладающих стайным интеллектом.

Не умолкает канонада в районе Севана, где армяне и дивизия российских военных советников противостоят очередному наступлению Пантурецкой конфедерации. Пантурки направляют в бой так называемых «янычаров» — военнопленных, у которых мотивация изменена при помощи диффузного наноимпланта, инъецированного непосредственно в мозг.

Индия использовала спутниковые гамма-лазеры «Глаз Шивы» для распыления президентского дворца в Исламабаде.

После введения шариатского запрета на вино Франция охвачена беспорядками. Левоисламистское правительство борется против праворадикальных виноделов, блокируя дороги с помощью чрезвычайно эффективного металлорганического клея. На стороне виноделов выступили парижские проститутки, раздраженные законом об обязательном ношении паранджи в общественных местах. Группа девиц легкого поведения сегодня ночью овладела Версалем, судьба президента де ла Моля неизвестна. Стражи Исламской революции, охранявшие президентскую резиденцию, бежали, испугавшись «принять смерть от руки женщины».

Бушует море там, где раньше были Нидерланды. Доктор абу-Али ибн-Сина, лидер фундаменталистской группировки «Физики Ислама», поделился мнением, что погружение этой страны в пучину морскую — есть кара свыше за сотрудничество голландских властей с сионистами в 16 веке. Божья кара осуществлена с помощью подрыва «грязных» бомб в Гольфстриме.

По свидетельствам очевидцев, на границе с Бельгией море превращается в агрессивный коллоидный раствор, который разъедает даже резиновые перчатки. В растворе присутствуют наночастицы, на поверхности которых при помощи электронного микроскопа можно разобрать слово «месть».

Третью неделю вся Германия страдает от дезинтерии. Эпидемия была вызвана синтетическим диверсионным вирусом «Арык-9», эволюционизирующим в сосисках и колбасе. Страна

столкнулась с серьезными проблемами при утилизации огромного количества жидких отходов.

Стаи генетически измененной саранчи со знаками полумесяца на крыльях опустошают киббуцные поля в Израиле.

В мусульманских кварталах Лондона, Берлина и Нью-Йорка состоялись публичные казни провайдеров и пользователей сети, которых обвиняют в связях с сатаной.

Земной шар быстро покрывается синяками и кровоподтеками и скоро на нем живого места не останется.

Гальгальта, очнись и скажи нам в каком мире мы будем жить через пять лет и будем ли жить вообще?

1. «Посиделки»; закрытая зона «Мичуринск», астероид Гаспра, январь 2053 г.

Открылся люк, похожий на жвала жука, и выплюнул малосимпатичного во всех отношениях человека. Пожалуй, только убогий рост мог вызвать к нему какое-то сочувствие. Да и то ненадолго.

За столом, не имеющем ножек, сидело уже двое. Один — поперек себя шире. Другой — узкий, влажный и склизский, как облизанный леденец. Впрочем, пигментный штамп над его правым глазом свидетельствовал о стандартной процедуре клоноинкубации.

Прибывший коротышка оглянул встречающих и выдохнул с каким-то странным двойным шипением.

— Такое впечатление, Анпилин, что ты еще и задницей дышишь, — осклабился человек-леденец.

— Твое внимание к моей дыхательной системе так трогательно, Додо-Дубль. — отозвался коротышка. — Особенно после того, как на вашей гостеприимной Гаспре мне разок уже отключили кислород. Десять минут в безвоздушном коридоре. И это после того, что я долго-долго удирал от ментов в контейнере с сильнозамороженным фаршем. Сто восемьдесят миллионов километров при температуре минус сто пятьдесят.

— Но ты вроде жив-здоров, малыш. Глазки по-прежнему бегают, ушки оттопырены.. — включился человек-квадрат. — Я рад, хотя, в общем-то мне плевать, живой ты или дохлый. Гораздо важнее то, что ты продал Зонненфельду, и что собираешься всучить нам.

— Ну, если ты так торопишься.

Анпилин засунул длинный узкий палец под верхнее веко и стал отжимать глазное яблоко книзу — пока не блеснул встроенный в глазную впадину контейнер. Затем, наклонившись над стаканом, направил в него струйку молочного цвета.

— У тебя в башке, кроме этого коктейля, что-нибудь еще есть? — справился человек-леденец. Впрочем, вопрос не требовал ответа.

Стакан наполнился едва ли на четверть, а потом заскользил к центру стола. Взоры всех трех собеседников впились в его содержимое. Мощная пленка поверхностного натяжения быстро сжала жидкость в пузырь. Пузырь стал выбираться из стакана,

поплевывая по дороге крохотными струйками.

— Ну и как это называется? — несколько недоумевая, спросил человек-квадрат.

— Карл, дорогой, это назы…. — начал Анпилин.

— Стоп! Заткнись, блин! — заорал человек-леденец. Из рукава его комбеза влетело в руку нечто напоминающее солонку; из нее выпорхнули искорки, мгновение спустя превратившиеся в лезвие из зеленоватого огня.

Однако для коротышки по имени Анпилин мгновения не были скоротечными. Нейроакселераторы ускорили движения его челюстей, губ, голосовых связок.

— … вается белая…

Лезвие уже превратилось в зеленый веер, которая вошел в тощую шею Анпилина.

— … улыбка…ккх…

Лезвие перерезало голосовые связки Анпилина и разделило напополам его трахею.

Голова Анпилина соскальзывает с шеи. Массированный выброс экстраморфина купирует боль, которая врывается в его мозг через пять секунд. Правый его глаз будет видеть еще шестьдесят секунд, но задние доли мозга, получающие зрительную информацию, проработают едва ли полминуты.

Глаз Анпилина видит, как из превратившейся в пенек шеи прорастает алый куст. Мозг Анпилина еще осознает, что это хлестнувшая из разорванных сосудов кровь. Видит глаз и то, как зеленый веер входит в покинутое головой тщедушное тело, разрезая его наискось от плеча. А еще умирающий взгляд фиксирует, что молочный пузырь, выбравшийся из стакана и получивший звуковую команду, бросает струйку в глаз Карла фон Талера.

Человек-квадрат не успевает заслониться ладонью и его пораженный глаз сразу разбухает под аккомпанемент страшного рева, вылетающего из широкой глотки.

Задыхающийся мозг Анпилина не дает ему дальше любоваться столь приятной картиной. Умирающий коротышка видит мрачные тиски, которые сходятся, сдавливая свет и заслоняя мир. Стиснутый свет напоследок становится ярче, но тут же, окончательно истощившись, проваливается в точку и исчезает.

Человека по имени Анпилин больше нет. Ширококостный Карл фон Талер с мгновенно набухшим глазом валится на пол и несколько раз подпрыгивает на нем как мячик, ведь сила тяжести на Гаспре совсем незначительная.

Человек-леденец увиливает от другой струйки, выпущенной

пузырем и пытается юркнуть в люк, напоминающий рот таракана. Другая струйка, отразившись от стены, ударяет его в глаз, который сразу взрывается. Додо-Дубль скользит на животе по полу, врезается головой в стенку и, трепыхнувшись пару раз, застывает.

Куски коротышки Анпилина мокнут в луже крови. Однако, его кровь не растекается по полу, напротив, она втягивается обратно в расчлененное тело. Голова его приходит в движение с помощью гримас, а если точнее, сокращений мимических мышц лица. Она направляется к шее, которая уже покрылась протеиновой пенкой.

От шеи Анпилина к Талеру и Додо-Дублю протягивается с десяток тонких вибрирующих трубочек. Несколько раз ужалив дородного Карла, они полностью переключаются на Додо, который безропотно жертвует свою кровь коротышке.

С помощью рук сползаются вместе куски Анпилина. «Стыки» заполняются подвижными слизневидными образованиями, которые быстро застывают и становятся швами.

Через две минуты Анпилин открывает глаза и начинает воспринимать образы. Еще через тридцать секунд полисахаридный чип заканчивает регенерацию нейронов и электрохимические импульсы влетают по оптическому нерву в зрительный центр мозга.

Изображение фокусируется и воскресший коротышка видит люк, через который пытался ускользнуть Додо-Дубль. Анпилин, роняя слюну — рефлекторные цепи еще не совсем отрегулированы — ползет, потом идет на четвереньках, наконец поднимается и приваливается к люку.

Люк сканирует коротышку и, использовав полностью положенные пять проверочных секунд, сообщает несколько недовольно:

— Количество расхождений не превышает допустимого значения, так что я не могу не пропустить вас, Додо.

— Чтоб тебя мастер разобрал. — откликается коротышка, пробуя голосовые связки и не удивляясь тому, что люк спутал его с безвременно почившим Додо-Дублем.

Анпилин проходит по длинному коридору вдоль сломанного транспортера, смахивающего на разлившуюся ртуть. В конце коридора его встречает охранник, чье лицо закрыто полупрозрачным металлорганическим забралом вполне естественного происхождения — нарост идет от надбровных дуг. Под кожей его предплечий ходят жилы, напоминающие провода. Ладони-грабли сжимают плазмобой двадцатого калибра.

Но рослый охранник не сочится спокойной уверенностью как

обычно, он слегка растерян, даже постукивает пальцем по забралу, словно недоволен изображением. Затем говорит неожиданно высоким голосом, более подходящим для девушки.

— Черт, в глазах муть какая-то. Додо, это ж ты; неужели ты отчаливаешь, не прикончив Анпилина? Чего, не понравилось на Гаспре?

— Там хорошо, где нас как будто нет, Мэри Джон, — отзывается Анпилин.

— Ты всегда так говоришь, Додо, а потом вещи пропадают.

— Если честно, я в Афины намылился.

— Что-то я не знаю такого астероида.

— Это город на Земле, такой же древний как и Иерусалим. И надо туда поскорее, потому что срок командировочного удостоверения истекает; как ты понимаешь, оно тоже ворованное.

2. «Незнайки в Солнечном городе»; Марс, солнечный город Свободобратск, апрель 2053 г.

Эта игра называлась «мяч» — просто и со вкусом, в древнегреческом стиле. Одежды игроков именовались туниками, а игровой зал, на тот же манер, гимназием.

Одной стороной гимназий был обращен к городу, его мраморным портикам, агорам, мусейонам, проскенионам, ипподромам и парфенонам. Будучи воскрешен, Ветрувий сразу бы умер бы от восторга при одном взгляде на Свободобратск.

С другой стороны открывался вид на величественную гору Олимп, густо заросшую вечнозелеными кипарисовыми рощами, кое-где прикрытую вуалью облаков и патиной дождей. Сегодня гора казалась похожей на столб изумрудного дыма, тянущийся к небу.

А небо было залито таким ярким аквамарином, как это возможно только на красном коммунарском Марсе.

Мяч был один к одному сгусток холодного огня, ниспосланный громовержцем Зевсом. На какие-то доли секунды он прилипал к рукам игроков, получал мысленный приказ, а затем уносился, петляя и кружа, как живая молния.

Игроки имели вид не только совершенный, но и стимулирующий у лиц противоположного пола выделение сексуальных гормонов.

Волосы мужчин напоминали золотую стружку, челюсти вписывались в волевой квадрат, кожа блестела, подчеркивая рельеф мускулатуры. Женщины выглядели более разнообразно: волоокие или же раскосые, бронзово или белокожие, но одинаково вдохновляли красотой мужчин.

Тела игроков не были искажены ни мутациями, ни болезнями, ни косметохирургией и соответствовали всем канонам Праксителя.

Вот одна юная богиня подпрыгнула, пользуясь пониженной силой тяжести, застыла в воздухе словно облачко, изогнулась как татарская сабля и шлепнула по мячу, который полетел по одной из десяти миллионов заложенных в него траекторий.

Девушка в сальто-мортале вернулась на вибрирующий вогнутый пол. А молодой полубог ринулся со струящегося словно водоворот потолка, однако не сумел остановить огненный шар, который, просочившись между его могучих рук, исчез в

зеркальной выпуклости ворот. Да и возвращение на площадку оказалось не слишком удачным и игрок растянулся на полу.

Раздались хлопки, заиграл сиянием орган «Аврора» и победительница решила уделить внимание огорченному сопернику с явно пострадавшей задней частью:

— Ау, Владик, как там твоя докторская поживает?

Атлет-ученый, толкнувшись ладонями, пружинисто вскочил на ноги и ответил на благозвучном русском-4, распространенном в академических кругах.

— На кафедре много я удачливее, дева, чем на игралищах задорных. И мускулы ума мне напрягать привычнее, чем мышцы рук и ног. Научный мяч вчера я протолкнул в ворота. Короче, докторскую я защитил.

— А как ты относишься к поздравлениям в виде братско-сестринских поцелуев, мышцеголовый ты наш?

Отношение было самое положительное и пухлые губы белокурой Эльвиры прижались, если точнее, присосались к тонкому отменно смуглому лицу Владислава Бергерманна. Заодно она утирала ласковой ладошкой мелкие бисеринки пота с его высокого лба.

— Какой же это братско-сестринский? — стали уличать другие игроки, а одна шоколадная девушка с миндалевидныи глазками и тысячей извивающихся косичек метнула в Эльвиру пожалуй даже сердитый взор.

— Постойте, сограждане, из-за поцелуев мы забыли спросить Бергерманна, какова ж собственно тема его доктората, — напомнил мужчина, что выглядел за счет двух-трех морщин несколько старше и мудрее других. Не дожидаясь ответа, он стал освежаться кипящей, но ледяной амброзией. Пил он быстро, но никакого бульканья вовсе не было слышно.

— Историей альтернативной назвал бы тему я свою, — отозвался Владислав, несколько смущенный общим вниманием.

— И, конечно же, альтернативка получилась жуткой, — заметил камрад со следами возраста и мудрости на лице. — Юкико не стонет во сне, после того, как ты с ней поделишься знаниями?

— Да, да, камрад Сысоев, я могу все рассказать о тезисах Владислава, — с превеликой готовностью выкрикнула «шоколадка».

— А ну-ка, давай-ка… Что там Бергерманн накатал? — подначили остальные игроки, впрочем на лице у пожилого-умудренного мужчины уже отразилось некоторое сомнение.

— Это все у Владика очень интересно, так интересно, товарищи. — взахлеб пустилась девица. — Это как будто в 2012

году НЕ СОСТОЯЛАСЬ историческая победа Партии Простых Пользователей Сети на последних выборах в европейский парламент, не был создан Коминфтерн. В 2013 году не была провозглашена ГДР — Глобальная Демоинформационная Республика. И члены Партии Простых Пользователей не объединилась с лучшими менеджерами дот-комовских Компаний в ВАК — Всемирный Актив Дот-Коммунаров. В 2014 году не вошли в братскую ГДР измученные разрухой страны Восточной Европы, Африки и Передней Азии. В 2015 году Компартия великого Китая не назвала себя неотъемлемой частью Всемирного Актива Коммунаров. В 2016 году не провозгласили ГДР своим информационным отечеством народы Америки, Индии, большого Нью-Йорка и Юго-Восточной Азии, обескровленные мировой войной и обессиленные нуждой. В феврале 2017 года семь ведущих транснациональных корпораций, занимающихся производством программного обеспечения, не перешли полностью и окончательно на сторону информационной демократии. В октябре 2017 года не завершилась победой в мировом масштабе Великая информационно-демократическая революция…

— И как же это обескровленные, понимаешь, народы могли бы обойтись без информационного отечества? — вдруг пробубнил человек по имени Данилов. — Обескровленные, но не безмозглые же.

Все оглянулись на этот тусклый надтреснутый голос. И увидели очень плохо оформленную внешность. Зеленоватый оттенок кожи указывал на ошибку в цветовой гамме, а оттопыренные уши — на искажение пропорций. Этот неряшливый гражданин совершенно не заботился о своем мимике. Подобной маской мог пользоваться только неразвитый человек, напрочь лишенный всяких эстетических чувств. Или же сотрудник Особого Отдела, особист-оперативник.

Но никто из игроков в мяч не знал, что подлинная внешность Данилова была еще ужаснее. Жидкие кудри и усы-сосульки, опухший вплоть до бульбы нос, незажившие язвы на бледной физиономии и кое-как приживленный пластырь из полисахаридов на худой фурункулезной ляжке.

При исполнении последнего задания пострадала не только наружность особиста. Вредительские интеллекулы, прорвав защиту, произвели некротические атаки на все важные органы Данилова.

Даже сегодня наномониторы игроков, зондируя Данилова, выдавали сигналы опасности. Именно поэтому, с самого начала игры солариты старались держаться подальше от камрада из

Особого Отдела и не часто посылали ему мяч.

Однако малопривлекательный гражданин не мог обидеться и уйти, потому что, тем самым, выступил бы против основного инстинкта.

«КОММУНАР БОЛЕЕ ВСЕГО НУЖДАЕТСЯ В РАДОСТНОМ ОБЩЕНИИ С СЕБЕ ПОДОБНЫМИ». — произнесла тихим, но проникновенным баритоном его совесть.

Впрочем, никто не знал, как выглядят на самом деле и другие игроки. Впрочем, никто из соларитов и не хотел этого знать. Конечно же каждый мог отключить мимик как себе, так и другим. Но ведь это было бы бестактным! Твой друг мог оказаться сегодня больным и уставшим, даже изуродованным врагами прогресса.

А если он стареет быстрее, чем хотелось бы, и нанодоктора не успевают восстанавливать его клетки, чинить его хромосомы и насыщать живительной влагой его ткани?

Мимиками были прикрыты не только люди, но и вещи, дома, площади-агоры, Олимп и прочие горы, марсианские равнины. Ведь все должно быть прекрасным, не только душа, но и тело, и одежда, и еда, конструкционные материалы, и природа. А какая радость будет при виде протертых лоснящихся рукавов комбинезона, облупившегося потолка, подгоревшей котлеты, каменистой пустыни или огромной горы ржавого цвета?

Девушка Юкико нарочито не оглянулась в сторону человека по имени Данилов и только прошептала: «Сам ты тупорылый», а красавица Эльвира нарочито грозно произнесла:

— Ты лучше, помолчи, Данилов, и не встревай в игру разума. Твое дело — ловить за зад хулиганов и пачкунов.

В солнечном городе никто не боялся особистов, их даже жалели, ведь те работали лишь в закрытых зонах и рабочих поселках. Только там. Общественным здоровьем самих соларитов мог интересоваться разве что Всемирный Актив Коммунаров, если точнее его районные комитеты.

— …Согласно альтернативной истории Владика, в 2014 году не состоялся знаменитый съезд активистов-коммунаров, — нетерпеливо продолжала Юкико, — и великий Борис Гольдманн не провозгласил курс на превращение хаотического МетаВеб-пространства в гиперкомпьютерную сферу разума, в Великое Киберобъединение. И не был создано Главинформбюро. Не возникла глюонная решетка суперсвязи. И каждому человеку не было даровано бессмертие в виде капсулы Фрая…

— По-моему, тема надуманная, бредни братьев Гримм, — снова затрындел Данилов. — Без капсулы бессмертия все бы просто взбесились. А без Великого Киберобъединения планета Земля бы просто погибла. Вы же все в курсе, что первый

берлинский гиперкомпьютер занимается стратегическим планированием, хранит копии всех легальных мимиков, всех резервных джинов …

— Бу-бу-бу. Источник «Краткий курс истории ВАК», запись вторая, седьмой кадр, третья строчка сверху. Данилов, не будь занудой, — стала тормозить красавица Эльвира недалекого особиста, остальные же просто морщились, словно перед ними кто-то сморкнулся через левую ноздрю. — Мы тебе не хулиганы-малолетки из рабочего поселка, и нечего тут прописными истинами трясти.

— Тем более, что они хоть и прописные, но не такие уж и истины, — произнесла зрелая женщина по имени Зухра Эдуардовна, вовсе не принимавшая участия в игре, но чей мимик был, пожалуй, прекраснее всех остальных, а голос сочился бархатными обертонами. — В паутине МетаВеба тоже имелись свои интеллектуальные кибероболочки и назывались они виртуальными экспертами. Например, Гальгальта, который был создан на базе экспертно-поисковой системы «Yahoo!!!». Говорят, что Гальгальта обладал немалой мощью, и готов был на многое, но ему претило заниматься всякими кухонными делишками…

Зрелая женщина высказывалась очень смело, но аккуратно, никак не показывая, что у него испорчены основные инстинкты.

— Кто много говорит, тот в тюрьме всю жизнь сидит, — обиженно прозудел Данилов.

— Вы себя поставьте на место Данилова, Зухра Эдуардовна, — вступилась за туповатого особиста добрая и красивая Эльвира, — каждый день он воюет с вредителями-хаккерами, которые отравляют наше сетевое пространство гнусными мимиками, уродуют нашу генетику и портят метаболизм, и, между прочим, бредят воссозданием Гальгальты.

— В самом деле, Зухра, — заметил старший камрад, явно имевший с ней доверительные отношения, — если ты забьешь всякой ерундовиной голову Данилову, он будет гораздо хуже бегать и прыгать. Именно такие, с позволения сказать, способности ему понадобятся в самое ближайшее время. Это я тебе как его начальник говорю.

— Ах да, — сказала прекрасная и зрелая дама. — Извините меня, Данилов, я не учла морально-психологического климата, в котором вы ежедневно пребываете.

— И кто интересно звал сюда этого дуболома Данилова? — шепнула девушка Юкико. — Просто в душу насрал.

— Давайте-ка, о мужи, без дев продолжим сей спортивный спор, — предложил Владислав. — Юкико, пригласи богинь всех наших в Мусейон и новой композицией своей блесни, как Солнце,

уронившее лучи в снега Килиманджаро.

— Еще как блеснет, если поднимет пыли чуть меньше, чем в прошлый раз, — пробурчал известный зануда Данилов.

«Шоколадка» просигналила недовольство своими раскосыми и бездонными зеницами, однако удалилась вместе с остальными «богинями». Перед этим девушки задорно прокричали официальные слова прощания: «СПАСИБО ВЕЛИКОМУ ГОЛЬДМАННУ ЗА НАШУ ПРЕКРАСНУЮ ВСТРЕЧУ».

Вместе с ними ушла та, что была подобна супруге Зевса Гере, что не принимала участия в игре, но наблюдала за всем каким-то внимательным и одновременно отрешенным взглядом. Мужчина по имени Фридрих Ильич Сысоев пару раз подмигнул ей. Но другие относились к этой женщине с выраженным почтением и называли только Зухра Эдуардовна. И Фридрих Ильич и Зухра Эдуардовна получили свои полушутливые-полууважительные отчества не от отцов — каковых, конечно, не было в природе — а от знаменитых деятелей прошлого: Валерии Ильиничны Новодворской и Эдика Лимонова, мечтавших об информационно-демократической революции, но не доживших до нее.

Едва девы упорхнули щебечущей стайкой по радужной внезапно возникшей эстакаде в другой зал, как вместо мягкого большого и почти-разумного мяча в зале появился черный тяжелый «тупой» снаряд, а игроки с русского-3 перешли на русский-2:

— Да не тряси ты жопой перед воротами.

— Ты, козел! Не видишь, где морда, а где мяч?

— Да он не по воротам, а мне по яйцам целится.

Мужчины носились от стен к стойкам, взбирались по ним, прыгали с потолка, атаковали корпусом и делали подкаты с подсечками, швыряли снаряд руками и лупили по нему ногами. Через несколько минут первые красные кляксы расплылись по овальному полу и потолку, на скрытых мимиками физиономиях засветились кровоподтеки. А к концу игры белые одежды стали пятнистыми как шкура какой-нибудь ящерицы. Чего опять-таки мимики не выдавали, демонстрируя одну лишь непорочную чистоту.

Данилов конца игры не увидел. В тот момент, когда он перехватывал снаряд, брошенный через все поле, и хорошо открылся, Владислав вломил ему локтем под дых — да так, что там черная дыра образовалась.

Данилов уползал в раздевалку под ионный душ, бормоча: «Ну, я тебе в следующий раз закатаю, ученый… крупный, бля, по паскудности…», а вслед ему с довольной улыбкой смотрел красавец и мыслитель. Впрочем, в слуховые нервы камрада

Бергерманна через нейроконнекторы сейчас вливалась музыка, под которую Юкико предпринимала танцевальные извивы в Мусейоне.

Минут пятнадцать водно-вихревого массажа и боль отошла. Данилов вышел в портик. В пострадавших местах тела шуровали нанозащитники-микродоктора, отчего синяки и ушибы отдавали сладковатым жжением. Гора Олимп, украшенная статуями величайших сынов человечества, от двухсотметрового Платона до полукилометрового Гольдманна, и циклопическими катапультами ракетных стартов, сейчас напоминала бутафорию из запаршивевшего театра. Похоже что-то не ладилось с ее мимиками. Данилову впервые захотелось узнать, а какого на самом деле роста каменный Гольдманн.

Платона признали одним из отцов-основателей современного информационного общества в 2021 году (Билл Гейтс был провозглашен классиком на год раньше). И, в соответствии с воззрениями древнегреческого философа, было определено, что пользоваться благами информационной демократии — занятие таки не для всех. Тогда появились деление на солнечные города для самых продвинутых коммунаров, рабочие поселки для работяг и коммунаров низшего звена, ну и закрытые зоны для всяких подонков. В это же время было без ложного ханжества отмечено, что даже самых передовых соларитов нельзя занять на все 24 часа творческим трудом и потому надо уделять внимание играм, зрелищам, а также здоровым проявлениям любви. Но так, чтобы это не стало средством проникновения идеологического противника.

Кстати, за использование «левого» игрового софта или переделку джина, суд народного разума отправит соларита в биостазис на пару лет. После отлежки выдадут джина самого дубового и через него заболванят психопрограммами на полную катушку.

А как же иначе? Здоровые удовольствия не должны подменяться вредоносным развратом, от которого один шаг до предательства.

За попытку пошуровать наноботами в своем чипе Фрая, уже светит срок в серных кальдерах Ио. Вернешься лет через семь с задницей, потрескавшейся от мороза и кучей ксенотрансплантатов в теле, сменивших изношенные органы. И то не в солнечный город, а в рабочий поселок. Ксенотрансплантаты, как правило, берутся от свиней, заодно можно схлопотать и целый букет «свинских» инфекции.

А за изготовление и употребление левой капсулы бессмертия — аннигиляция. Уничтожение тела, всех киберимплантатов,

стирание резервного джина и персональной информации на гиперкомпьютерах. Вместо вечной жизни — дым из выхлопной трубы.

«И ПРАВИЛЬНО, ПОДЕЛОМ», — произнесла совесть. Все жестко, но оправданно. Карательная механика создана логикой Великого Киберобъединения и включена в нормальный метаболизм космического тела державы. Без нее нас ожидает всеобщий распад и мегасмерть.

Данилов вдруг подумал, а почему ни разу не один соларит не пернул, по-крайней мере в его присутствии, и даже не обдал запахом пота, как это часто бывает в рабочих поселках. Неужели пищеварительная и кожно-выделительная системы настолько облагорожены учеными? Или… на обонянии тоже есть фильтр? И вообще, сколько этих фильтров в нем?

А бес с ним, если есть, значит, так надо… Внутренний голос его совести как будто произнес, что «СОКРЫТИЕ ВОНИ ОТ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ИМЕЕТ БОЛЬШОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ. ВСЕ ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА, ВО ИМЯ ЕГО САМОУВАЖЕНИЯ И УВАЖЕНИЯ К ДРУГИМ». Конечно, какое самоуважение, если все вокруг зажимают носы?..

Данилов любил, послюнявив палец, изготовить самокрутку. Во первых, сигареты в солнечных городах не подлежали распределению «по потребностям», а в закрытых зонах дешево стоил лишь пачечный табак. Во-вторых, нравилось ему добавлять в табак немного конопляного «хэша». Трава cannabis, высаженная каким-то шутником в оранжереях пригородной Аркадии, почему-то очень долго дожидалась уничтожения. Зачем торопиться, писать кипятком? Пользуются же все нормальные солариты амброзией, веществом амфетаминового ряда? Амброзия относится к числу умеренных стимуляторов, но распределяется вполне легально. Камрады ведь должны сохранять бодрость духа и тела?

Данилов затянулся и увидел на колонне дорического стиля подмигивающую надпись: «Пароход плывет, небо алое, будем рыбу кормить коммунарами». Надпись конечно не было реальной, а лишь мерзостью, пробравшейся в один из городских мимиков, но все-таки…

«Кибердезинфекторы проявляют забавную халатность. Похоже кому-то надо, чтобы эти словечки появлялись. — подумал Данилов. — Может, они нужны для возбуждения в соларитах благородной ненависти к врагам прогресса?» Если бы ему поручили слежку, то уже через пару дней можно было бы вычислить хаккера-пачкуна и оторвать ему ручонки. Наверняка, это не злостный враг режима, а киберонанист какой-нибудь,

уставший от бесконечного серотонинового кайфа в мультяшных кущах нелегального софта.

Данилов еще раз окинул взглядом город, чьи портики, колоннады, амфитеатры, гимназии, агоры слегка мерцали под мощным и очень дорогостоящим прикрытием гравиполя, которое представало зыбким ореолом. Классика и монументализм. Все правильно, все закончено, все совершенно. Данилов вдруг подумал, что не знает, существует ли на самом деле сияющий город на холме. И это сверх-передовое гравиполе. Может, вместо того, угрюмые бункеры из стали и бетона на манер оборонительного рубежа или военного укрепрайона?

Ведь то, что он видит «собственными глазами», является лишь одним из сенсорных «окон», открытых джином. Конечно же, через это, оптическое, окно идет живая и подлинная визуальная информация… но ведь кое-что, не дойдя до зрительных центров, замещается мимиками.

«КОЕ-ЧТО — И ЛИШЬ ВО ИМЯ ОБЛАГОРАЖИВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ». — выговорила совесть.

Или почти все — «во имя» затуманивания мозгов? Может, через нейроконнекторы его потчуют одними только мимиками из прекрасной сенсоматрицы, которая изображает идеальный город.

Данилов впервые ощутил некое облегчение из-за того, что лишь половина его жизни проходит в Свободобратске, среди его роскошных мимиков, а вторая половина — там, в ничем не прикрытой срани рабочих поселений и мерзости закрытых зон.

Но совесть тут же пристыдила его: «КИБЕРОБЪЕДИНЕНИЮ НЕТ НУЖДЫ ОБМАНЫВАТЬ СОЛАРИТОВ, ОНО ВСЕ ДЕЛАЕТ ДЛЯ РАСКРЕПОЩЕНИЯ ДУХА И ПЛОТИ. ДА, И ПЛОТИ ТОЖЕ. ЧЕГО ТУТ СТЕСНЯТЬСЯ».

Тут, конечно, все красавцы, все танцоры и художники, все ученые, младшие, старшие научные сотрудники, доктора, профессора, академики. В них всех заложена… нет не психопрограмма, а некий посыл — творить и радоваться этому. Они, похоже, все еще радуются. Хотя насчет творения… Кругом висят говорящие барельефы и горельефы великих мыслителей и первооткрывателей. Эти светлые личности наоткрывали-наизобретали уйму полезных вещей. Но и закрытые зоны не спят, изобретают всякие гнусности. Таким, с позволения сказать творчеством, занимаются особисты вроде Данилова. Приходится отлавливать этих самых «творцов», которые работают на бандгруппировки. Отлавливать и направливать в «исправительно-оздоровительные учреждения». Говорят, что и там им предлагают потрудиться на благо общества. Но толку от этого мало. Умники, связанные с криминалом закрытых зон, на благо трудиться

совсем не хотят. И идут на общие работы даже в серных кальдерах Ио. Если азиаты, то вообще кончают с собой — раз, раздавил ампулу, вшитую в щеку, и кураroид перекрыл нейромышечные связи — выноси готовенького.

«ДАНИЛОВ, ТЫ ПРОСТО — ЧЕЛОВЕКОНЕНАВИСТНИК И ЗАНУДА. ТЕБЕ ПОРА НА СТОЛ К ПСИХОТЕРАПЕВТУ», — несколько устало произнесла совесть. Да, психотерапевт может и поменять часть мозгового вещества, особенно в лобных долях, где часто идут хаотические процессы.

Из-за колонны внезапно появилась Эльвира в сиянии своих белокурых волос и в белой тунике с голубой каймой — которая текла как волна и не стекала.

Прелестница почти бессловесно потянула Данилова за собой и вскоре оказались они в укромном месте, среди развалин храма, заросших рододендронами и миртом. Да и от самой солнечной девы накатывал будоражащий букет запахов.

— Возьми меня, примитив ты мой, — шепнула она, подняв лицо и руки к солнцу.

— Куда? То есть, именно сейчас? — растерялся Данилов. Впервые соларитка предлагала ему любовные утехи, достойные Зевеса и Геркулеса.

Ее туника сама, без помощи рук, поползла вверх, обнажая мрамор ног, а вот ласковая ладошка девы стала гулять в районе чресел мужчины, вызывала трепет в самых разных членах. Вскоре туника словно истаяла на груди, открыв пронзительному взору Данилова яблоки золотистые, которые вызывают аппетит и слюнотечение у любого порядочного соларита.

Под напором соблазнительных образов и запахов забурлила кровь и энергия стала распрямлять кое-какую плоть.

Однако в этот момент, предвосхищающий чудо, Данилов позорно сбежал.

Ему показалось вдруг, что у Эльвиры есть… усы. Такие же как у него.

Где-то позади растаял крик разобиженной девы:

— Чертов импотент, да чтоб тебе бешеный робот очко порвал!

3. «В дебрях народного хозяйства»; орбитальный рабочий поселок «Шанхай»-44»

Орбитальный поселок своей модульной конструкцией напоминал кристалл соли из учебника химии. По-крайней мере на подлете, километров со ста.

В узлах этого «кристалла» размещались пункты управления, энергетические или жилые блоки, в то время как на связующие стержни нанизаны были производственные комплексы.

После прилета в поселок Данилов, постарался затеряться в лабиринте коридоров. Если тебя не видят друзья и товарищи, значит и враги-недруги тоже. Для отвода глаз у него был мультипаспорт на ветеринарного фельдшера по имени Дэн-Ни-Ло.

Кодовый ключ, имевшийся в заначке у его джина, успешно преодолевал двери, люки и мембраны. Этот код-вездеход обязывал кибероболочки не препятствовать доступу и даже не фиксировать приход и уход Данилова в протоколе событий.

Впрочем у противника, наверняка, имелся такой же ключ-код…

Данилов перестал держаться за леер и дал потоку теплого злопахнущего воздуха подхватить себя. Мимо труб и агрегатов газообмена его донесло до входа в вентиляционный тоннель, прикрытый колючей решеткой. Тоннель уводил в главный цех птицефабрики. Противник, возможно, где-то там — на открытом месте ему уже не спрятаться, остается только хорониться по всяким темным углам.

Инфосканер бодро «просветил» окрестные кластеры сетевого пространства, а заодно «прошерстил» все электромагнитные излучения на предмет осмысленной информации.

Получившаяся информационная картина нарисовалась в отдельном окне, где-то на четверть заслонившем «живой» оптический обзор.

Тусклые фиолетовые линии — электропроводка и цепи автоматического управления. Несколько синих лент — потоки низкой информационной насыщенности, скорее всего производственный контроль. Зеленая трасса — уже вектор слежения с достаточной менталоемкостью, но это не более чем контроль жизнеобеспечения.

Ключ-вездеход и с решеткой вентиляционного тоннеля не

подкачал. Ее колючки мирно расплелись и штыри мягко втянулись в стенки, мембрана нанозащиты с чмоканьем раскрылась, пропуская особиста.

Данилов отправился по тоннелю, который извивался в свое удовольствие, отчего «сила тяжести» то нарастала, то падала. Соответственно свободный полет нередко сменялся лягушачьими прыжками.

В окне инфосканера появилась жирная оранжевая полоса, вьющаяся по решетке суперсвязи куда-то вдаль.

Инфосканер подслушал бегущие по ней сообщения:

> *Мимик 12 — не идентифицирован. Графическая запись 25 — не идентифицирована. Текстовый массив — производственный. Проверка списка. Проверка закончена. Результат отрицательный…*

Значит, это просто милицейская зонд-линия по опознанию воров и потрошителей, находящихся во всекосмическом розыске.

Данилов расширил диапазоны наблюдения.

Все производственные комплексы и жилые блоки «Шанхай-44» давали незамысловатый информационный узор, почти что геометрической правильности и регулярности, что птицефабрика, что рыбозавод, что плантации. Местный космопорт выглядел покруче. Он, как и полагается, снопами разбрасывал паутинки дальней связи по глюонной решетке.

Гражданин Анпилин явно нигде не наследил. Но он наверняка здесь, в рабочем поселке. Прячется как глист в одном из производственных комплексов.

Входные ворота космопорта сохранили его инфослепок, ведь прилетел он рейсом с Фобоса. Немного погодя удалось опознать его по характерным нуклеотидам, белкам и феромонам, хоть он, паскуда, и прикрывался фальшивым мультипаспортом на имя Махмуда Кебапче, чужими запахами, поддельной радужкой и накладным папиллярным рисунком. Выход из поселка для этого бандюги Данилов заблокировал. Значит, остается только прочесывать местность и искать, как ищут любую вошь…

Поток воздуха протащил тело Данилова по вентиляционному тоннелю до самого конца и втолкнул в огромное помещение вполне определенной геометрии. Оно было цилиндрическим, нанизанным на одну из стержневых осей «кристалла соли».

По цилиндрическому мирку путешествовала тьма тьмущая каких-то мелких объектов. Если точнее это была толпа крохотных белых шариков. Шарики-путешественники вылетали из перфорации одного торца, покрывали примерно километровый путь и втягивались перфорацией другого.

Внутрь большого цилиндрического помещения был вставлен еще один цилиндр, менее внушительного размера. Поверхность его источала какой-то серый туман, который при телеувеличении оказался гранулированным кормом.

Ну, конечно же, это заурядный птичий корм. А белые шарики — это и есть курочки-мутантки. Птички старательно пачкали пространство, образовывая облака, состоящие из лишних перьев и помета.

Данилов оттолкнулся от увлажнителя, похожего на расческу, проплыл сквозь перьевую туманность и ухватил одну из птичек двумя руками.

Проектировщики старательно приспособляли кур к потребностям мясной отрасли, кромсая и перекраивая хромосомы своими наноманипуляторами и энзимороботами. Из-за этого леггорны лишились и костей, и большей части мышц и кудахтания. Только помаргивающие глазки-бусинки да бессмысленно тыкающийся клюв выдавали в шарике живое существо.

На южном торце курочки появлялись, скорее всего, из инкубатора с бесконечно делящейся яйцеклеткой, а на северном они превращались в фарш. Прожаренные микроволнами куриные котлетки, после вакуумной сублимации отправлялись прожорливым шахтерам Пояса Астероидов и обожающим покушать тоннелеукладчикам Марса.

Окно инфосканера снова привлекло толику внимания. Возле Данилова вилась слабенькая, но устойчивая желтая паутинка. Трасса слежения. Косит под ведомственную, но явно левая. Противник? Анпилин? Цель рядом?

Анастасий Анпилин, именуемый также Додо-Дубль, был работой Данилова. Анпилин-Додо был весь из себя незаконный и левый.

Анпилин хозяйничает в левых кластерах сетевого пространства, которые не контролируются гиперкомпьютерами через карту размещения записей. Имеются, имеются до самих нынешних пор такие дикие кластеры в зазорах Великого Киберобъединения, они и являются Гуляй-полем для хаккеров-виртуальщиков.

Анпилин производит в подпольных цехах, замаскированных под цветочные оранжереи и грибные плантации, модельные наркотики, которые могут навсегда увести человека из нашей светлой реальности, например, в сенсорное поле Мезозойской эры — включив дотоле спящие участки мозга, всякие там задние доли, доставшиеся нам от рептильных предков. Даже инкубаторские детишки сейчас знают о существовании

палеонаркотиков.

Нанохаккеры, работающие на Анпилина, заражают воздух и воду молекулярными роботами-вредителями, интеллекулами, что особенно опасно в замкнутых пространствах орбитальных и планетарных поселений. Сколько уже соларитов и особенно коммунаров-активистов превратились, кто в идиотов со слюнями до пола, кто в монстров с рогами и копытами, после того как хаккерские интеллекулы прорвали нанозащиту и испоганили генокод.

Данилов непроизвольно поморщился и машинально взглянул в окошко органического сканера. И сейчас в его лобных пазухах были заметны повреждения слизистой, но, слава Гольдманну, вредительские интеллекулы были там давно остановлены и расщеплены. (А, кстати, собирались они врезать по особисту по мозгам). Наномонитор показывал, что трудолюбивые наноботы-защитники все еще занимаются починкой поврежденных клеточных ядер и дезинтеграцией изуродованных протеинов…

Даже микрочип Фрая, чип бессмертия, гнездящийся и произрастающий в мозгу Анпилина был левым. Да еще каким левым.

Если бы не это прискорбное обстоятельство, то бандита Анпилина должны были бы отлавливать менты — сотрудники службы Общественного Здоровья, а не агент Особого Отдела Главинформбюро.

Кстати, некоторые юные солариты не въезжают, как это капсула Фрая может быть левой. Ведь она завязана на регулярный обмен данными с гиперкомпьютерами и постоянно сбрасывает им персональную информацию, которая после воскрешения, в новой жизни, используется для восстановления прежней личности в клоне. Как бы не так, детишки дорогие, — у бандитов свои места для сброса информации и свои клонопитомники.

Итак, негласное задание — уничтожить Анпилина вместе со всеми потрохами и капсулой Фрая, да так, чтобы места мокрого не осталось. Гласное и письменное — задержать для выяснения его роли в Афинских событиях, где он выступал под именем Додо-Дубль. Тех самых событиях, когда неожиданно собравшаяся на Акрополе десятитысячная толпа пыталась разгромить основной процессор четвертого гиперкомпьютера. Того самого гипера, что неофициально именуется Афродитой и ведает жизнедеятельностью, а также культурой. Лишь массовое применение шприцпуль с перепрограммирующими средствами позволило тогда увести разбушевавшихся граждан с Акрополя в Пирей, где большинство из них по невыясненным причинам утонуло в море. Конечно же, хаккеры обвинили в этом

Главинформбюро. Но кому не ясно, что именно Анпилину было выгодно избавиться от людей, которые могли дать против него показания.

Трасса слежения вилась по-прежнему рядышком, хотя сам «следящий» пока никак не фиксировался. Но, скорее всего, находился он на северном торце фабрики — там, где круглые курочки исчезали в отверстиях перфорации, чтобы начать новую котлетную жизнь. Данилов оттолкнулся от увлажнители, вскоре заплутал в облаке протеиновой крошки, где не видно не зги, шмякнулся о кормящий цилиндр и наконец направился в нужную сторону, помогая себе ионным движком, напоминающим пивную бутылку.

Чем ближе к «северу», тем теснее становилось Данилову в куриной толпе. Он с большим неудовольствием отметил, что курочки-шары имеют довольно крепкие клювики, которые, видимо, специально были созданы для измельчения твердых протеиновых гранул. Сейчас безмозглые существа охотно пускали свое беспощадное оружие в ход.

Данилов был в приличной куртке, сшитой из широкомолекулярных мультифункциональных нитероботов. Она впитывала пот, подогревала, охлаждала, имела накопитель памяти на несколько ментобайт и процессор с частотой в десять гигагерц, но плохо помогала от куриного оружия.

Генные инженеры похоже перестарались по части упрощения куриных мозгов, поэтому птицы, как осатаневшие фурии, бросались на Данилова, пытаясь его расклевать в пух и прах. Психофейс быстро разобрался со мотивационной матрицей курочек: если ТЫ, гад, не белый, не шаровидный и не плоский, то значит съедобный. Клюй его, братва, насмерть!

Данилов не столько сражался с вражеской ордой, сколько пытался защитить глаза. И заодно удерживал внимание на окне инфосканера. Желтая паутинка стала заметно ярче и сделала петлю вокруг него. Выходит, наблюдение пристальное и неотвязное, а тут еще этот позор — вздорное сражение с куриным войском.

Может, сперва отыскать оператора фабрики и попробовать остановить всю эту производственную махину? Но попробуй найди. Закрытого канала связи у этого оператора, конечно же, нет, а вызывать по открытому — значит, провалить операцию. Анпилин скажет «спасибо, козлик», сынсталлирует себе нового джина, нарисует новый мультипаспорт и успеет добраться до Пояса Астероидов. Ищи его там свищи до второго пришествия Гольдманна.

И еще, как сказать, придется ли Данилову продолжать эту

розыскную работу. Вполне вероятны мертвый сон в долгой очереди на воскрешение и траурная голография на доске почета с бегущей строкой типа «Наш товарищ Данилов (версия 2.0) безвременно заклеван насмерть».

Но совесть шепнула ему: «НЕ УНЫВАЙ, ОСОБИСТ». И как будто увидел Данилов многокилометровую надпись, вырубленную на северном склоне горы Олимп, так что даже из космоса видно: «Нет дороги, которую не пройдет настоящий гольдманист!» А если не пройдет, то проплывет.

Осаждаемый злодейками-курочками Данилов подплыл к отверстиям торцевой перфорации. Здесь птицы немножко тормозили и уже не так ярились на него, может своими одногаммовыми мозгами все же чувствовали близкий каюк…

Ключ-код открыл Данилову ремонтный люк. Особист протиснулся в помещение, похожее на какую-то лубочную пещеру из луна-парка. Конусовидные выступы вроде сталактитов по всем поверхностям, все заляпано темно-красной кровью шаровидных несушек. Впрочем, ни живых ни мертвых не было видно. Данилов снова стал изучать технологическую схему птицефабрики и чуть было не попал под нож лазерной мясорубки.

Произошло это кошмарно быстро.

Оп и конусовидные мембраны раскрыли свои поры, через которые влетела на бойню порция кур, штук триста, не меньше. Причем без перьев, которых уже успели ободрать клейкие силикатные валики. Раз-два и лазерный нож мигом исполосовал все пространство и то, что в нем находилось.

Данилов совершил кульбит, какой до него мог сделать пожалуй лишь Борибабин и несколько приближенных к нему учеников. Слава Гольдманну, джин успел взбодрить внутримозговые и нейромышечные связи душем из «черной вдовы». Лазерный нож превратился из снопа огоньков в стегающий кнут, в быстро извивающуюся яркую змейку — конечно же в ускоренном восприятии Данилова. И движение этой змейки на особистское счастье было правильным, регулярным.

Она безжалостно кромсала курочек, но Данилов сумел проскочить под один ее изгиб, потом под другой.

Нож-истребитель исчез. Мясное крошево висело густым багровым туманом в воздухе. Цветом и видом выделялись только клювики.

Потом крошево дисциплинировано выстроилось в линейки, мясо в одни, клювики в другие. Замелькали искорки ионизации и полуфабрикат торопливо втянулся в поры конусовидной мембраны — Сам Данилов почувствовал лишь краткое пощипывание своей плоти под действием электрофореза.

Чтобы с плотью не случилось чего похуже, Данилов нашел выход. Вернее, инфосканер указал стрелкой на люк, используемый роботами-наладчиками. Данилов сбежал, когда в мясорубку уже влетела следующая партия общипанных кур, чтобы принять мученическую смерть.

Пульс — сто сорок. Адреналин зашкаливает. Надо поскорее добавить в кровь ингибитор, вроде монаминовой оксидазы.

Данилов оказался в просторном помещении. Пожалуй лишь потолок был низковат, да неряшливо бугрились мембраны стен и пола — очевидно это был резервный разделочный цех. Но никакой производственной активности здесь не предвиделось — в чем инфосканер клялся и божился. Пол слегка колыхался под ногами и это единственное, что казалось неприятным. Инфосканер прощупывал окрестности насчет входов-выходов, а уши Данилова, вернее модифицированные во время полетного биостазиса слуховые нервы, уловили вдруг странный звук, похожий на кудахтанье. Очень тихое, но многократное стереофонически размноженное кудахтанье.

Вначале Данилов подумал, что до него доносятся голоса обреченных кур. Но сразу же он вспомнил, что куры нового поколения — не только бесправные, но и безгласные. Это обстоятельство несколько его напрягло. И он совсем завибрировал, когда желтая паутинка слежения завязала петлю на его шее.

Инфосканер мог еще долго сверять свои оперативные данные со схемами курятника, хранящимися в архивной «папке» у джина, а Данилову оставалось надеяться только на себя.

По дороге к «Шанхаю-44» фоторецепторы-колбочки в его глазах увеличились в числе, наноботы-защитники модифицировали и зрительные нервы. Поэтому Данилов уловил, что промелькнула тень. Но разглядеть не смог. Джин тоже не сумел распознать изображение, полученное им через нейроконнекторы.

И тут снова… Данилов едва успел отпрыгнуть и откатиться от зеленой молнии, которая прошла сквозь мембрану. Оперативнику на сей раз показалось, что «зеленая молния» была частью какого-то живого объекта. Джин смог «собрать» образ врага — что-то похожее на анаконду. Но откуда тут анаконда? И как может животное управлять искусственной мембраной?

И животное может, если ему на эмбриональной фазе добавить интеллекта генными инъекциями, и если правильно зарядить его психопрограммой.

На Данилова в упор посмотрела зеленая заостренная голова без лба, с круглыми белесыми глазками и морщинистой кожей.

Да анаконда по сравнению с ней — просто красавица. Пасть непрекрасного создания раскрывалась все шире, показывая, что состоит из четырех челюстей, каждая из которых украшена тремя рядами дециметровых зубов-спиц. Те перемещались из сложенного горизонтального положения в вертикальное. С зубов свисала синеватая слизь, может быть яд или слюна, натекшая в предвкушении обеда. Раскрытые настежь челюсти превращали голову твари в подобие тюльпана. Глазки ее вдруг выскочили из орбит и закачались на мускулистых стебельках — щелевидные зрачки сужались и расширялись, ловя нужную фокусировку. Сама голова покачивалась на длинной шее, будто в такт неслышной музыке, но, скорее всего, выбирая момент для решающего удара.

Данилов впервые пожалел, что не взял себе помощника из числа местных коммунаров, работающих в ментовке — райотделе Службы Общественного Здоровья. Уж больно тупыми они показались. Хоть тупые, а можно было б одного из них скормить твари вместо себя.

Интересно жует эта «вальсирующая Матильда» свою добычу как крокодил или глотает целиком как змея?

Задав резонный вопрос, Данилов почувствовал общую слабость. «Адреналиновый перегрев плюс психическая травма», как доложил джин. С ним нельзя было не согласиться. *Курица, милая безропотная и надежная кормилица человечества, которая никогда и ничем нам не угрожала, стала смертоносным монстром.*

Первая голова нанесла удар, затем клюнула и вторая — тоже пропущенная мембраной.

Один зуб твари сумел зацепить штанину. Хорошо, что материя была без титановых ниточек, поэтому просто порвалась.

Инфосканер наконец рапортовал, что выход отсюда есть и прочертил путь эвакуации. Мимо двух кошмарных голов, которые выжидающе качались на своих длинных лысых шеях и… кудахтали. Явилась и третья голова.

Это впечатляло. Согласованность движений указывала на то, что все три головы принадлежат одной курице.

Кто породил эту птицу? Гангстер Анпилин? Или, может, директор птицефабрики, который облегчил себе жизнь с помощью нелегальных интеллекул? Этот курозавр и яички кладет, и расхитителей народного добра мочит.

Говорят, что иногда помогает прямой взгляд в глаза животному. Ответные взоры курозавра выразили только умственное превосходство и ненависть к врагам куриного отечества. Головы зловеще закудахтали, показывая, что человек-несун унесет отсюда только смерть.

Данилов был, конечно же, вооружен, но его обычное оружие

— антиорганический цеп — на курозавра не подействовал. Тот лишь слегка чихнул, показывая крепость своей нервной системы. Лазерные же импульсники и плазмобои в орбитальных поселках были запрещены, как минимум до объявления чрезвычайного положения — больно хрупкой и важной была здесь система жизнеобеспечения.

«ДЕРЖИСЬ, СОЛАРИТ. КОММУНАРЫ ЧАСТО ПОГИБАЮТ, НО РЕДКО СДАЮТСЯ». — подбодрила совесть.

У Данилова в руке закачался десантный термонож с несколькими прыгающими лезвиями, старинное и надежное оружие. Куриная королева в свою очередь показала еще три головы. Ситуация почти безнадежная. Шесть хорошо вооруженных против одного. Шесть, защищенных мембраной, против одного, полностью открытого — словно дерьмо на блюдечке.

Одно лезвие скользнуло по шее курозавра, но из пореза, оголившего зеленоватое словно бы трупное мясо, даже кровь не брызнула.

Школа Борибабина делает ставку на быстрое завершение поединка, чем более он затягивается, чем больше вливается в кровь синтетических стимуляторов, тем сложнее управлять своей силой и чувствовать силу противника. И при этом сенсея обвиняли в том, что он злоупотребляет нейроакселераторами — наверное, чтобы не допускать его учеников на официальные соревнования. А Борибабин тем, кому доверял, говорил, что это конкурсы психопрограмм и делать там нечего. Однако начальство его терпело, потому что он тренировал особистов.

Данилов поставил нервы на акселераторы умеренной инъекцией никотина-плюс. Три минут в запасе имеются.

Но курозавр не торопился и не частил, он хорошо разбирался в искусстве убийства, это у него было врожденное. И быстроте его рефлексов мог бы позавидовать сам Борибабин.

Головы курозавра исполняли боевой танец вокруг Данилова, пытаясь запутать его ложными выпадами. При помощи психофейса особист пытался разобраться в курином кунфу. Безуспешно. А потом вдруг отключился от всего на мгновение, как советовал Борибабин, укрыл сознание в пустоте, где нет различия между курозавром и человеком… И перешел в атаку.

Атака была обманом. Ушел особист от рванувшихся к нему голов, выдернул из держателя трубу пожаротушения и, крутанувшись, по-матадорски точно воткнул ее в одну из куриных глоток. Крепкая труба не поддалась зубам-стилетам, направила бурную пену в шестое горло монстра.

Решение оказалось верным. Глоток у курозавра много, а пузо одно. Поэтому в одну куриную пасть пена сейчас вливалась, а из

других выливалась вперемешку с блевотней. Худо стало несушке многоглавой. Надолго ли? Ну-ка еще увеличим давление. Раздался хлопок и головы печально поникли, пена уже не шла из них, а изливалась где-то там через разорванное чрево курозавра. Можно было закрывать кран… Чу, кажется опять послышалось зловещее кудахтанье, только более басистое. Еще один курозавр? Брат торопится отомстить за сестру?

Данилов мгновенно определил, куда стекают фановые воды, поднапрягшись, вывернул шпигат и нырнул в канализационную систему, которая несла в своих руслах помет, экстрагированный из куриного фарша.

Плюхнувшись в поток жидкой грязи, оперативник едва успел надеть зажим на свой нос. Все остальное, а именно переход к водному образу жизни, произошел самостоятельно, по программе…

Пока он летел с Марса на «Шанхай-44» в состоянии ограниченного биостазиса, наноботы-защитники заполнили легкие специальной губчатой биомассой, напоминающей по строению пресноводную гидру. Биомасса должна была развернуться в нужный момент и заблокировать доступ воды, одновременно снабжая альвеолы дополнительным кислородом. А еще наноботы снабдили Данилова жаброподобной дыхательной системой, чьи пластины располагались за ушами.

Канализация, принявшая тело Данилова, пронесла его вместе с мутным потоком по склизским узким трубам и, нигде не отфильтровав, перекинула в соседний производственный комплекс, который представлял собой большой аквариум рыбозавода. Тем временем закончилась и минута полуобморочного удушья, когда организм переключался на новый тип дыхания.

Цилиндрическая емкость огромного аквариума оказалась сильно загромождена трубами, которые подводили питание и обогащали воду кислородом. Плетение ионообменных фильтров и грязепоглотителей образовывало сложный рельеф, как в какой-нибудь Марианской впадине. Здешняя вода некогда была льдом одной из комет, явившейся из пояса Куипера. Она была темной, мутной, но модифицированные фоторецепторы-»палочки» в зрачках Данилова улавливали тепловое излучение и показывали, что его окружают довольно хладнокровные товарищи рыбы. Приплывший в аквариум куриный помет служил им отменной пищевой добавкой. Большие эллипсоидные и довольно плоские, эти рыбы идеально подходили для разделки и жарки. Глаза им не полагались, да и плавники выглядели довольно символическими. Зачем вам глаза и плавники, если вас направляют куда-надо

неспешные потоки, извергаемая кишками водометов?

Данилов оторвался от главного течения и нацелился на черпаки, выгребающие из аквариума самых откормленных рыб, иные из которых ростом и массой не уступали корове.

Совсем впритык к особисту проплыла рекордсменка, диаметром в три метра. Рыбы не умеют кричать, поэтому она молча показала рыхлое вздутие на своем боку, из которого как ленты на ветру вились… огромные цепни с головками, похожими на шлемы древних водолазов.

Данилова чуть не вырвало, что было бы совсем некстати при новом типе дыхания. Один цепень как будто потянулся к Данилову и он отчаянно задрыгал ногами, пытаясь увернуться и одновременно управиться с сильнейшим блевотным позывом.

Инфосканер нарисовал уточненный маршрут, который повел Данилова мимо баков, где подрастали мальки, затем среди трубчатых сетей, которые преграждали старым рыбинам путь на «площадку» резвящегося молодняка.

В одном месте сеть провисла и, когда Данилов пытался обогнуть ее снизу, турбулентность подхватила его и втолкнула в тупик, где уже застряла двухметровая рыбина. Видимость была паршивой, даже в инфракрасном диапазоне, но рыба сразу показалась деформированной.

Вначале Данилов подумал, что из нее выпала кишка. Но кишки не бросаются на людей!

В одно мгновение нечто обвило Данилова и намертво примотало обе руки к телу. В лицо человека глянуло то, что не только лицом, но и мордой назвать невозможно.

Это был не безобидный цепень, не разжиревшая цестода, потому что много толще и с плавниками. Круглая пасть-присоска вызывала желание закрыть глаза. Пасть напоминала воронку с шипами; утопленные вглубь челюстные пластинки длиной не уступали зубным протезам графа Дракулы. Череп как будто отсутствовал вовсе. А зачем девять отверстий на боку у этой миноги, размером с мурену? Глаза, жабры или прорези, куда надо кидать монетки?

Пасть-присоска потянулась к груди заплутавшего подводника. Тот отчетливо понимал, чем это грозит. Предыдущая жертва через две большие прорехи в боку демонстрировала пустое чрево. Собственно от рыбины остались только чешуя да кости, и этот натюрморт оживляли разве что мелкие сапрофиты.

В нас всех, кто не прошел специального перепрограммирования, гнездится архетип неприятия длинных-безногих-безруких тел, и, похоже, не без основания. В Данилова была загружена специальная психопрограмма на этот счет,

поэтому отвращения он не почувствовал, просто его обуяла жуть, выраженная в усиленном распаде глюкозы.

Челюстные пластинки миноги выдвинулись вперед, а боковые зубы изменили угол атаки. Это было бы даже любопытно, если б она атаковала кого-то другого. Но ее пасть не присосалась к куртке Данилова. Он тут же почувствовал боль — зубы еще не вошли в его кожу, но уже защемили ее.

Вот теперь срочно требовалась квалифицированная помощь.

Слишком срочно, поэтому уже не требовалась.

Эх, почему он не трахнул Эльвиру? Подумаешь, усы почудились. Удачи от такого воздержания не прибавилось, да и непросто найти бабу, любительницу экзотики, которая погладив свежие рытвины на его щеках, не смоется куда подальше.

«ИМЕЮЩИЙ ЛЕГАЛЬНУЮ КАПСУЛУ ФРАЯ И НЕ ИМЕЮЩИЙ СУДИМОСТИ ПО СТАТЬЕ 21876-98 — НЕ ПОГИБНЕТ ВОВЕК», — напомнила совесть. Капсула Фрая, чип бессмертия, неизбежно уцелеет, пусть миноги с червями и сожрут самого особиста. Не судимый да не умрет.

Можно уже пожелать самому себе успехов в следующей жизни.

Чип Фрая сейчас заканчивает накопление его персональной информации и фиксирует финальную конфигурацию личного кибердвойника-джина. В момент смерти тела чип Фрая заархивирует системный журнал джина, а также «проглотит» психоматрицу, которая есть не что иное, как оцифрованная душа. Чип Фрая уцелеет при любых форс-мажорных обстоятельствах. Психоматрица будет сохранена во всей ее полноте, со всеми познающими и сознающими векторами. В клонированном теле воскреснет и будет жить именно он, прежний Данилов. Психоматрица и персональная информация сформируют в новом мозгу все то, что определяло личность прежнего Данилова. Личность образцового гольдманиста. С помощью резервной копии, хранящейся на первом гипере, будет воссоздан его верный кибердвойник.

«ТЫ БУДЕШЬ ЖИТЬ ВЕЧНО, — с пафосом произнесла совесть, — ЕСЛИ ОСТАНЕШЬСЯ ПРЕДАН ДЕЛУ ВЕЛИКОГО КИБЕРОБЪЕДИНЕНИЯ».

Все правильно, даже если эта чертова «кишка» и проглотит его чип Фрая, тот все равно будет обнаружен по сигналу вечного нейтринного маяка.

Данилов хотел было уже затихнуть, но что-то все-таки толкнуло его на дальнейшую драку — может азарт. Ему удалось прижать агрессивную «кишку» к острому краю ближайшего бака. Она заерзала и ослабила хватку. Данилов, высвободив правую

руку, полоснул миногу термоножом вдоль и поперек. Из нее вышла дымка зеленоватой крови и она сдохла, куда менее мучительно, чем все ее жертвы.

Данилов выбрался из тупика и первым делом стал восстанавливать дыхание. Под водой это непросто — в легкие как будто забит рулон туалетной бумаги и полное ощущение того, что вот-вот задохнешься.

Затем надо было по новой определить, где находятся черпаки, выгребающие рыбу…

Массивный грязепоглотитель бросил странную тень, узкую и длинную. И эта чертова тень устремилась к нему. Да какая там тень. Еще одна минога. Супер-суперминога.

Судя по сопоставлению размеров, предыдущая гадина была всего лишь мальком…

Данилов плыл стилем «лягушка» через лес металлических конструкций, отчаянно удирая от монстра, который свидетельствовал о вопиющей антисанитарии на рыбной фабрике. С западной стороны аквариума как раз открылись огромные окна из диамантоидного стекла и море света затопило водный мир.

Данилов почти ничего не видел в этом сиянии и само собой не обращал внимания на информационные паутинки. Он промахнулся мимо черпаков, ударился головой о какую-то балку, водоворот втянул его в тоннель и оставил в полусферической емкости, заполненной икринками размером с футбольный мяч.

Внутри одной из них он увидел… корону. Золотая рыбка!

Красноватое сияние икринок размягчало Данилова, руки и ноги не желали больше напрягаться, он засыпал. Джин бормотал про странные выбросы нейроингибитора-бунгаротоксина, ну да отстал бы он. Мама, где ты мама?..

Золотая рыбка исполнила сокровенное желание — дала ему, инкубаторскому, маму. Впрочем сквозь сладкий сон прорывались обрывки какого-то кошмара. Зеленое тело, длинное и жирное, круглая пасть с четырьмя рядами зубов, девять глаз-буравчиков…

Потом вдруг стало очень больно, боль разрывала его грудь, сочилась щелочью по жилам. Джин что-то кричал ему, компот из разных картинок, долетая до зрительных центров мозга, превращался в какой-то цветной водоворот, до которого Данилову уже не было никакого дела. Свет съежился в точку и потух. Последнее, что он слышал, было: асфиксия, кислород — 10 % от нормы…

Когда он очнулся, то сперва почувствовал небрежные стыки металлических конструкций у себя под спиной. И то, что чешутся жаберные пластины у него за ухом — так с ними всегда при

пересыхании, иной раз просто пытка. А затем увидел телескопическую клешню, которая нацеливала зонд на его нос. Ну и первым делом оттолкнул ее, хотя рука едва слушалась и скорее напоминала вареную сосиску…

— Иди ты тогда в баню. — голос поступил извне.

Данилов посовещался с джином, который сообщил, что кровоснабжение тканей в норме и серьезных органических нарушений нет, нанодоктора сейчас штопают микроразрывы в легких и стимулируют некоторые померкнувшие участки мозга.

Утопленник сел, прокашлявшись, оценил лужу, которая с него натекла, затем глянул на говорившего про «баню». Вернее, говорившую.

Тетка в оранжевом комбинезоне. Оранжевый — любимый цвет работяг. Наверное, она вкалывает здесь, на рыбозаводе.

И помещение было совершенно производственного вида, с приличной силой тяжести. Неподалеку колупалась с аппаратурой еще одна баба с влажными волосами и в таком же рабочем комбезе. У обоих физиономии красные, черты резкие — будто в два приема их выстругали. У той, что ближе, были слишком грубые ладони, которые скорее подошли бы механику с какого-нибудь допотопного атомолета, у другой чересчур широкие плечи. И никаких попыток прикрыться мимиком.

«Эх, бабоньки, как же вас угораздило оказаться столь непохожими на Эльвиру, Юкико и Зухру».

Эльвира, Юкико, Зухра. Суперконфетки.

Ну кем еще могут быть клоны третьего или четвертого поколения от каких-нибудь любимых артисток и манекенщиц времен великого Гольдманна вроде Шарон Стоун, Клаудиа Шиффер и Наоми Кэмпбелл. Кочует микрочип Фрая, эта «волшебная лампа Алладина» для джина, для персональной информации и психоматрицы, из одного тела в другое. И каждое последующее тело подвергается все большей генетической коррекции и верификации. Заодно и психопрограммированию. Во имя достижения все большего совершенства. Вот какие смелые у солариток язычки, спокойно толкуют на темы вроде альтернативной истории.

А эти краснорожие бабоньки, если и клоны, то в самом первом поколении, без всякой евгеники и верификации, никто не занимался их красотой — для трудов праведных и так сойдет. И если что-то развито в них, то не красота и генетическое совершенство, а выносливость и сопротивляемость космическим ветрам.

С одной стороны Юкико, Эльвира, Зухра и другие соларитки, с другой — фабричные тетки, разница налицо.

Значит, Главное Управление Жизненных Процессов все-таки занимается не всеобщим улучшением человеческого рода, а кастовой евгеникой и селекцией, хотя и втолковывает, что одинаково заботится о геноме каждого человека.

Еще Данилову пришло на ум, что когда-то он уже думал об этом, но потом почему-то забыл.

— Эй, любезный, ты чего задумался? Здесь тебе не Академия Наук. — сказала рукастая тетка. — Скажи нам «спасибо», утри нос и тикай.

— За что спасибо? — буркнул растерянный Данилов.

— Эй, Кац, подружка, слышь, чего он говорит? — рукастая обратилась к широкоплечей товарке. — Зря ты его вытаскивала, хоть он красавчик. А я его почто откачивала?

— Значит, это ваше хозяйство, — Данилов вспомнил свой обычный тон, которым он разговаривал с фабричными женщинами. — Это, значит, у вас кишмя кишит метровыми червями и двухметровыми миногами, которые шагу не дают ступить порядочному человеку.

— Слышь, Кац, насчет чего он лопочет? Насчет того, что У НАС кишит!

— Может, засунуть одного «порядочного человека» обратно, туда, откуда он взялся? — впервые подала голос женщина по имени Кац. — Слушай, Блюм, подружка, подхвати чего-нибудь потяжелее и трахни его по башке, а я обратно заповторю его в отстойник. Будет там усами шевелить до второго пришествия своего Гольдманна.

— Ладно, ладно, — сказала женщина по имени Блюм. — Человека сейчас от страха Кондратий хватит. А ведь он такой красавчик. Жалко будет.

— Жалко у пчелки в жопке, — отозвалась Кац и отвернулась.

— Слышь, усатенький. — сказала Блюм. — Мы тут только дерьмо чистим. Пуцфрау, понимаешь ли. Ученые твои, мудодеи, перековыряли все, понимаешь, хромосомы, слепили этих рыбин, отчего производство рыбопродуктов у нас сейчас самое высокое за все историю вселенной. Но рыбки-то гнилые, карпики эти долбаные. Может, ученым вашим липовым только в носу ковыряться надлежит?

— Послушайте, камрад Блюм, большая часть всех нежелательных мутаций — это дело нелегальных наноботов, скажите спасибо хаккерам-вредителям. — напомнил Данилов.

— «Послушайте, камрад Блюм», — передразнила Кац. — Блюм, ты не видишь, что ли, это мент, нюхач. Я как на свету его увидела, сразу поняла, что легаш.

— Ну, легавый тож человек, особенно такой

симпампушный. — примирительно сказала Блюм. — Особенно, когда глазки-буравчики закрыты… Эй, усатый, а правда что вам, чистеньким клонам с обычными бабами трахаться запрещено, чтобы породу не испортить? В вас даже психопрограмма заложена: едва на бабу полезешь и сразу понос: выгребай лопатой из штанцов.

— Ничего они там не испортят. — произнесла Кац, жуя что-то похожее на подметку. — У них семенные канатики в прямую кишку выведены. А у особенно продвинутых в левом яйце вместо половых желез дополнительный гипоталамус стоит. Про некоторые особенности соляриток, я сейчас и говорить не стану — чтобы товарищ не слишком расстроился.

Последняя фраза выглядела совсем клеветнической, но Данилов решил не обращать на нее никакого внимания.

— Ну, бабы, такое впечатление, что вы ко мне и в задницу заглядывали и яичко щупали.

— А что, я могу проверить, яички там или уже яичница, — игриво произнесла Блюм и протянула свою крепкую мозолистую ручищу к одному известному месту ниже пояса.

Мошонка Данилова инстинктивно поджалась и он торопливо заговорил.

— Да нет же, я не говорю, что виноваты лишь нанохаккеры и прочие отщепенцы. Наука тоже попадается в ловушки, которые повсюду порастaвила природа-мать-перемать. Но если бы не ученые и не новые общественно-информационные отношения, человечество сейчас сидело бы по горло в кровавом болоте войн и угнетения.

— Мы тут такое дерьмо чистим, что почище вашего болота будет, а они там гольдманнские премии получают, — не унималась Блюм.

— Ничего они не получают, за грубые ошибки первый гипер заставит их отвечать. Случались даже приговоры к высшей мере. — возразил Данилов.

Тут Кац просто просквозила его негативным взглядом. Она не так проста — видимо знает про дело Миронова, Шац и Киссельмана. Люди эти полезли не туда куда надо и хотели слепить из абстрактной теории бомбу для всего общества, люди получили по заслугам.

А еще Данилов помнил, что работяги очень неподатливый материал. Ведь на них почти не действуют те меры, которые полагаются при всяких несущественных нарушениях, вроде отдельных клеветнических или просто глупых высказываний.

— У вас отвечают только те, кто уже отправился лизать задницу великому Гольдманну. — умудренно произнесла Блюм.

Данилов знал это оборот — он означал, что человек умер полностью и окончательно. «ЭТИ ШМАРЫ ПОКУСИЛИСЬ НА СВЯТОЕ», — строго произнесла совесть. Постараясь сохранять спокойствие и контролировать нервные цепи, Данилов произнес максимально твердо:

— У нас никто не умирает. Слышите вы, Блюм. Смерти нет — вместо нее праздник нового рождения. Капсула Фрая — это залог воскрешения и вечной жизни. Наш общественно-информационный строй дает человеку все, о чем он мечтал тысячелетиями: разумное благополучие, беспрепятственное развитие и, в конце концов, бессмертие.

Почуяв нешуточную угрозу, Блюм несколько стушевалась.

— А то как же, зачем подыхать, кончаться, откидывать хвост, играть в ящик? Конечно, вместо смерти конкретно праздник нового рождения. Как соберешься помирать от какого-нибудь гепатита Икс, привозят тебя на каталке в отходную комнатку, рядом с моргом и разделочным цехом, и оттуда мясники-потрошители выбегают, бухтят: «Эй, у нас смена кончается, план горит, давай поторапливайся родиться вновь». А тебе на это нассать, знаешь же, что отдашь свое старое тельце на удобрения, получишь свеженькое, новенькое, вот с такими сиськами. И будем мы с Кац шагать из одной жизни в другую, из одной в другую. Все как доктор Фрай прописал… Нет, начальник, мы тут не катим баллон на вечную жизнь, мы это дело всенародно одобряем.

— Они покусились на святое, — вдруг повторила женщина по имени Кац слова даниловской совести. — У нас никто не умирает. — произнесла она непонятным тоном, то ли подтверждающим, то ли ироническим. — Просто некоторые превращаются в головастиков, а некоторые в ковырялок.

— Ковырялок, головастиков, — проговорил Данилов непонятные слова. — Что вы имеете в виду?

— Ничего мы не имеем в виду, у нас и виду-то никакого нет, а находиться в этом производственном помещении даже легавым запрещено. Нечего вам на нас свое драгоценное время расходовать, не злоупотребляйте своей добротой, — гаркнула Кац. — Так что, вперед. Вы на первой палубе блока Фау, можете перенастроить свой инфосканер, если он немного прибалдел.

Данилов, перед тем как выйти в распахнувшийся люк, полуобернулся и сказал:

— Спасибо, Кац, спасибо, Блюм. — а потом добавил слова официального прощания. — Спасибо великому Гольдманну за нашу прекрасную встречу.

— А за разлуку он нам ответит, — шаловливо протянула Блюм. — Прощай, красавчик. Один диктатор ляпнул как-то, что с

массой надо обращаться как с женщиной, а я тебе скажу напоследок, что с бабой надо обращаться как с массой.

А Кац вообще не откликнулась, как будто забыла о нем вовсе. Последнее, что он заметил — лица-то у них не только резче острее, но и как-то значительнее, чем у соларитских богинь.

И тут Данилов неожиданно подумал, что не знает, как на самом деле выглядят Эльвира, Юкико и Зухра. Ну да, должны быть суперконфетки. Ведь каждое следующее поколение подвергается очередной верификации и коррекции. Этим занимаются наноманипуляторы пекинского гиперкомпьютера и надзиратели-наноботы первого гипера, которые сильны, как самые опасные вирусы и вычищают все самые малые погрешности и отклонения… А может подлинная индивидуальность и есть погрешность? А может одаренность и есть отклонение? И даже во внешней красоте еще как посмотреть, что погрешность, а что яркая особенность.

«ПОГРЕШНОСТИ НАКАПЛИВАЮТСЯ И В ИТОГЕ ГУБЯТ СИСТЕМУ», — внушительно произнесла совесть. И Данилов, конечно же, был с ней совершенно согласен. Обойдемся без особой индивидуальности у красавиц-соляриток. Значит, так надо, чтобы система была устойчивее…

В любом случае, Юкико, Эльвира и прочие коммунарки также хороши как в математике как и в постели.

Хороши в математике… Впрочем, в соларитской математике он хреновый специалист, только знает, что для дела от нее никакого толку нет.

И насчет постели — сам он для соляриток словно зараза, поэтому трахаться приходится разве с бабами из рабочих поселков и закрытых зон, тщательно зондируя их перед этим и заметая следы после. Или клади пенис на полку. Кстати, Сысоев явный либерал в половом вопросе, никаких взысканий Данилову за связи с заводскими телками и прочими оторвами не накладывал. Только предостерегал от секс-мимиков и киберсуккубов, которых подбрасывали в сеть извращенцы-хаккеры. В половом-то вопросе Сысоев либерал, однако заметно ежится от смелых разговоров своей подруги Зухры и прочих соларитов. Фридрих Ильич — старый лис и поэтому четко сечет, что за смелостью привилегированных людей всегда что-то стоит. Или распад системы, или какая-то игра на выявление нестойких.

4. «Кочан против головы»; орбитальный рабочий поселок «Шанхай-44»

Данилов не любил космических поселков из-за их замкнутости. Даром, что пустота вокруг. Эта пустота была безмозглой уничтожающей силой, кипящей тьмой, которая искала любую щелку, чтобы ворваться внутрь и растерзать все живое. Даже из поселкового космопорта не открывалось множества путей-дорог; наоборот, те, что имелись, напоминали узкие шахты, пробитые сквозь ад к другим, таким же крохотным, замкнутым миркам.

Имелась еще, само собой, Земля. Но для большинства тех, кто попал в космос, обратный путь на планету-маму был закрыт — пониженная гравитация и невесомость вымывали кальций из костей, искажали обмен веществ. Да, собственно, никто из космических жителей, даже из рабочих поселков, не стремился на историческую родину. Пускай, в космических гетто всю жизнь надо будет дышать запахами озона и резины, но там, под голубым небом, все жестче и страшнее.

Конечно и на Земле цепь бесконечных войн и терактов, характерная для начала века и называемая малой мировой войной была остановлена, когда воцарилась разумная необходимость в виде ГДР.

Вначале в район бедствия приходил гиперкомпьютер со своими верными и присными, ну и занимался тем, что было не по зубам всяким Yahoo!!! и Гальгальтам — он работал. Давал хлеб насущный с вареньем. Монтировал однотипные протеиновые фабрики, работающие на любом мусоре, по быстрому разбирался с инфекциями и эпидемиями, протягивал рельсы трансрапидов и оптоволоконные кабели. Изничтожал бандитов и контрабандистов, сколько бы стволов у тех не было — эти нетоварищи отправлялись в качестве сырья на пищевые фабрики. Опутывал заводы, фермы, конторы, магазины своей паутиной наблюдения и контроля. Как из кубиков собирал столовки, бани, пункты санобработки и сортиры, включающие полную переработку дерьма. Недаром говорили, что свобода — это осознанная большая нужда. Кое-что из сортиров снова поступало на стол по замкнутому циклу, но мало кто замечал такую особенность.

Делалось все силами макромашин, микромашин, наноботов,

силами и верой людей. Делалось быстро, порой в одночасье. Так что у большинства простых граждан (99 %), неискушенных в технологических хитростях, создавалось ощущение, что сказка претворяется в жизнь.

И большинство простых граждан душой и всем телом поддерживало великие и прекрасные гиперкомпьютеры. Кто ж попрет против сказки? Ведь тебе откуда ни возьмись — еда, кров, работа, вера, чувство локтя, когтя, безопасность и в конце концов бессмертие.

Простонародье всех цветов кожи всех видов кучерявости молилось на Киберобъединение. Миллиарды китайцев и индусов шли волной-цунами за гиперами как за самыми прекрасными девушками. Немцы вдохновенно, словно Бетховен и Моцарт, организовывали толпу, имплантируя в мозги отсталых камрадов биоинтерфейсы и нейроконнекторы. Русские, где надо и не надо, отчаянно бросались грудью на любую амбразуру.

Гиперы отнимали старую семью, старую свободу, старую веру, но мало кому было до этого дело, кроме религиозных фанатиков и политических авантюристов.

Открытые враги быстро превращались в заурядных кретинов благодаря наноботам очень удачной серии «С». Микророботы прикреплялись к коже или слизистой, которую протыкали стрекательной нитью и вводили через нее «малышей». А те занимались истреблением нервных клеток в преступных головах. Всякие Рэмбо едва успевали взвизгнуть «Yahoo!!!», как становились кроткими и послушными словно овечки. Потом заткнули и мусульманских фанатиков, сторонников Бен-Беллы. Говорят, что боевые наноботы серии «С-2Э» врезали фундаменталистам прямо по яичкам и прочим важным эндокринным железкам, производящим половые гормоны, отчего, так сказать, состоялась самая массовая в истории операция по перемене пола. И фанаты, оставив всякие крики и понуро опустив член, отправлялись чистить отхожие места.

Для особых отсталых товарищей, которые не могут отличить балета от туалета, были созданы резервации — бегайте там себе на здоровье, размахивая каменными топорами да ржавыми автоматами Калашникова, и ждите, когда сверху посыплются соевые конфетки с начинкой из контрацептивов.

Последний анекдот на эту тему. Один вождь жалуется другому. Никак не могу объяснить моим, что солариты — тоже люди. Мои отказываются их есть.

Всю остальную планету заняли рабочие поселки: клонопитомники, заводы, шахты, оранжереи, плантации. Нет на Шарике ни солнечных городов, ни закрытых зон — чтоб никому

завидно не было. Все мозги подконтрольны гиперам; где не уследит Великое Киберобъединение, там доработает Главинформюро, состоящее из маленьких исполнительных одноликих китаез. Все население разделено на две рабочие вахты — две недели труда, две недели в биостазисе, Две трудовые недели земляне днюют и ночуют на рабочем месте, а биостазис коротают в спальнях, где их как килек в банке. Для двух недель сна в «маринаде» (так именуется биостазис у остряков) выделяется ячейка размером не больше гроба. А что, нечего расходовать попусту еду, одежду, энергию и прочее. Спасительный для планеты порядок.

Но черт те знает откуда взялись у Киберобъединения новые противники, и на Земле, и в космосе. Уже не пахнущие мочой луддиты с молотками, не блохастые повстанцы с гранатометами, а хаккерская шваль, человекомикробы. На свету — обычные труженики заводов и лабораторий, в темноте — хитроумные черти, которые проникают в любую дырку и щель. Хаккеры-виртуальщики орудовали в завихрениях глюонной решетки суперсвязи, тонких зазорах между сферами контроля разных гиперкомпьютеров. Нанохаккеры отравляли мир молекулярными роботами-зловредами: нанитами и диверсионными интеллекулами. Все необходимое оборудование эти паскудники носили с собой, если точнее внутри себя, или маскировали под обычные вещички типа зубной щетки или расчески, которая могла являться целым биокибернетическим синтезатором.

Липидные микросхемы, вшитые полосками под кожу, кальций-углеродные кристаллочипы памяти, вмонтированные в зубы, полиуглеродные процессоры, спрятанные под ногти, наноботы-ассемблеры, плавающие в закупоренных участках кровеносных сосудов, наноботы-репликаторы, расположившиеся в жировой прослойке. Иной раз приходилось до винтика разбирать человека, чтобы найти всю такую амуницию. А порой разбирали, но так ничего и не находили — глубоко, значит, замаскировал все, падла.

На Земле хаккеры спокойно избегали обязательного двухнедельного сна, расщепляя своими наноботами биостатические препараты — и заодно превращая добропорядочные «спальни» в бордели и артели.

В космосе пристанищем для хаккеров стали так называемые закрытые зоны, где они роились как мухи над дерьмом. Увы, среди хаккеров часто попадались люди той национальности, к которой относился великий Гольдманн. (Но про между прочим, классик рассорился с еврейской общиной города Росток, где он проживал, за то, что не желала слушать его лекций по поводу

самовозникновения высшего разума в сети.) После взятия Иерусалима гэдээровским спецназом уцелевшие израильтяне были распылены по всей Солнечной системе, так что процент их оказался повсеместно ничтожным. Однако случилось несколько дерзких диверсий на клонопитомниках, когда какие-то негодяи тщательно рассовали иудейских живчиков по миллионам склянок с яйцеклетками…

У Данилова никогда не возникало сомнений в правильности остальных масштабных мероприятий Актива Коммунаров, например в переселении трехсот миллионов голодающих африканцев и азиатов в Европу и Северную Америку. Однако, как и любой другой молодой оперативник он начал с вопроса: «А почему Всемирный Актив разрешил закрытые зоны?» На что старший камрад ответил, слегка прищурив левый глаз: «А чтобы все балбесы увидели преимущества нашего гольдманнистского образа жизни перед диким хаотическим».

Может, и так. Но на бытовом уровне кочевала догадка — закрытые зоны нужны, чтобы там процветала левая наука и технология, которые зачастую давали фору и официальным. Почему бы и нет? Со временем Данилов согласился с этим. Отчего, в самом деле, общественно-информационный строй должен одинаково преуспевать во всех отношениях? Гольдманизм несет порядок, систему, разумность, целесообразность и все такое, что особенно ценно в мире с крайне ограниченными ресурсами. А творчество вырастает из хаоса, из избытка, оно граничит с болезнью, с гнилью. Гнилые места должны существовать, но не мешало бы их понадежнее закупорить, закапсулировать…

Со злополучного рыбозавода Данилов попал в жилой блок. Кругом шастали люди со страшными мордами, в потрепанной мешковатой одежонке — ну да, мимики здесь совсем не обязательны — и далеко не все торопились по делу. Пара прыщавых до полной гнусности пацанов стали клянчить у Данилова допаминовку — так называлась дешевая подкормка для свиней, благодаря которой те превращались в огромные и довольные шары из сала. Годилась эта отрава и для людей.

У особиста даже не было сил отогнать их — голова все еще болела и как будто скрипела даже. Подкатывала и тошнота. Мальчишки, чтобы доканать его, стали плясать, под музыку, производимую словно бжиканьем десятка пил по стеклу. Они дергались, подражая движениям робота-экскаватора, крутились как волчки на грязном полу, прыгали с задницы на голову и обратно. Данилов помчался от них по палубе Фау-2, потом спустился на лифте вниз. Тут его взяла в осаду какая-то

зататуированная баба, которая явно принимала его за своего дружка. Баба была «под мухой», то ли накушалась алкоголя, то ли нанюхалась дешевого эрзац-кокаина, от нее еще несло таким букетом из пота, прогорклого сала, воблы и чеснока, что Данилов не мог уже держаться и стравил в углу.

После этого баба наехала на него еще мощнее, ее поддержали какие-то типы с физиономиями как мятая туалетная бумага и длинными корявыми пальцами, похожими на сучья. Настоящие лешаки, ГУЖП явно пропустило генные аберрации. Данилов с трудом прорвал блокаду, стараясь не применять заметные приемы — наступил на ногу, толкнул, дал локтем под дых.

Он стремительно метался по палубе, выискивая транспортер или лифт и краем глаза подмечая, что трое или четверо работяг заторопилось следом, играя чем-то в карманах. Знал он эти «игрушки» — свинчатки, кастеты с выдвижными алмазными зубчиками, самоскручивающиеся (на горле) цепочки, сюрикены с тепловым наведением, дубинки-телескопы, термоножи.

Данилов свернул в первый попавшийся коридорчик, который, как ему казалось, уводил к какому-то складу, но вдалеке замаячила еще одна подозрительная компания. Даниловская рука рванула ручку первой попавшейся двери, на которой были нарисована тарелка с супом. Сработал ключ-код и Данилов оказался в сумрачном помещении. Грибная плантация, вернее подсобка при ней — для хранения всякой амуниции. Можно было прийти в себя, а затем и поразмыслить.

Вместе с джином Данилов проанализировал системный журнал — особенно записи, оставшиеся от подводной прогулки. Ихтиомутант, золотая, блин, рыбка, являлась источником сильно действующего модельного наркотика, который прилично долбанул по психике, особенно по задним долям мозга.

Коронованная рыбка плодотворно сотрудничала с суперминогой. Одна загоняет, другая дурь наводит. Хорошенькая смычка.

Можно было, конечно, валить это безобразие на диких нанит, которые давно отбились от всяких рук. Но диким наноботам не свойствен комплексный подход. Обычно они ограничиваются несколькими сильными, но мало соответствующими друг другу изменениями — хромосомку слизнут или закольцуют цепочку генов, или заактивируют участок генома, проспавший сто миллионов лет.

Из-за этого пострадавший просто окочурится. Или вдруг состарится в хлам. Или серьезно выпадает в осадок — начнет например обрастать шерстью, чешуей, рогами. И возвернется к первоначальному состоянию, лишь пройдя многомесячное

компенсационное лечение у нанодокторов. Директор рыбозавода на такие шутки само собой не решился бы.

На рыбозаводе явно действует мафия и ее специально запрограммированные наноботы-интеллекулы. Не для шуток — для бизнеса.

К куртке прилипла чешуйка, оставшаяся от миноги, той самой, что довольно успешно охотилась на него. Уже поверхностный анализ ДНК и белков показал, что эта суперминога просто машина для убийства. И машина эта была сделана из рыбки длиной в десять сантиметров, некогда занимавшейся мирным трупоедством под донной решеткой, куда падали всякие останки.

Интеллекульная диверсия была хорошо спланирована — причем этим занимался какой-то мощный наркоделец.

Одни рыбешки производили наркотики, другие охраняли «производство» от незапланированных гостей. Сами работники рыбозавода, видимо, старались не лазать в глубокие места. Хотя вполне могли быть подельниками-соучастниками.

Не забыл особист Данилов и женщин с именами Кац и Блюм. Кац действительно вытащила его из отстойника, где копилась всякая гниль и куда он провалился, после того как потерял сознание. Там либо минога прикончила бы его, либо доканала бы нехватка кислорода. Но помощь подоспела вовремя. Можно даже сказать — подозрительно вовремя. Как именно Кац прикончила миногу, Данилов мог только догадываться. А может и не прикончила вовсе, а договорилась с ней полюбовно. Шутка, конечно.

Надо бы допросить работниц. Или поручить это дело местному следователю из Службы Общественного Здоровья. Но на первое мероприятие — времени в обрез, а второе… следователи разные бывают. Может, и так случится, что Данилов посадит людей, которые спасли ему жизнь… Конечно, это мягкотелость, которая может потом боком выйти.

В любом случае в омут его заманил коварный враг. Анпилин-падла. Анпилин знал, что там творится. А поскольку даже у самых близких друзей-гангстеров не принято выдавать тайны своих угодий, то с вероятностью 90 % — это был личный участок Анпилина-Кебапче.

И, кстати, изготовитель наноботов-интеллекул тоже угадывается. Данилов открыл ближайший вход решетки спецсвязи и пролетел по милицейским базам данных. Чешуйка имела как бы фирменное клеймо — методику генной модификации. Именно такой пользовалось несколько левых ученых из закрытых зон «Земля-12», «Мичуринск», «Кибальчич» и

«Мирный», что на Меркурии. Список пока что был слишком широк.

Через кого из них можно выйти на Анпилина? Ладно, додумаем по дороге, сейчас лучше податься в космопорт и проверить записи, оставшиеся от пассажиров за сегодняшний день. Возможно, Анпилин-Кебапче снова наследил.

Данилов стал отпирать ту дверь, через которую попал на грибную плантацию. И на этот раз неудачно. Как будто кто-то снаружи повесил простой амбарный замок.

Надо было искать другие выходы. Джин мигом проложил маршрут на карте «Шанхая-44» и заодно, перед глазами, в оптическом окне, возникла голубая путеводная нить. Надо пересечь грибную и капустную плантации, а дальше уже цех по переработке овощей, из которого прямая движущаяся дорожка в космопорт.

В темный отсек, где выращивались шампиньоны, как раз сбрасывался ил, оставшийся от карпов. Плантация, где имелось только инфракрасное освещение, напоминал преисподнюю — конечно, в понимании всяких отсталых греков и римлян. Огромные грибы самых причудливых, но почему-то всегда кошмарных форм всасывали остатки жизни, сохранившиеся в иле. По грибам ползали плоские черви, которые слизывали с грибов катаболическую слизь. Грибы не отказывались шамать мертвых червей. Черви грызли умирающие грибы. Их ротовые отверстия противно пытались присосаться к коже Данилова. Их холодные морщинистые тела не раз скользили по его голой щеке или шее.

В капустной оранжерее было куда приятнее. Идеальные параллельные ряды с благоухающими кочанами цветной капусты, сильно облагороженой протеинами и витаминами. Каждый кочан метр-двадцать в диаметре. Почему-то вспомнились параллельные процессоры транскомпьютеров. Ласковый «солнечный» свет лился из панелей где-то с трехсотметровой высоты. Даже шмели летали, здоровые как воробьи, но безобидные. Серебристо-голубое небо и серебристо-голубая вогнутая земля. Небо и земля были, конечно, лишь впечатлением, иллюзией, но удачной, потому что в наиболее удаленных от наблюдателя Данилова местах серебристость пропадала, оставляя лишь насыщенную желтизну.

И вдруг засигналил недремлющий инфосканер, следом подключился и органический сканер.

Обнаружились следы Анпилина!

Его сальные выделения были замечены там и сям, на кочанах, прыскалках, трубах. Экспресс-анализ ДНК дал идеальное совпадение с данными, хранящимися в досье Особого Отдела. Может, Анпилин еще недалеко, может, прячется где-то на грядках

или в баках с компостом. Сидит, понимаешь, по шею в дерьме. Вот удача так удача.

Данилов, осторожно пробираясь среди кочанов в две трети человеческого роста, следил одновременно за «живой» картинкой в оптическом окне, за окнами инфосканера, психофейса и органосканера.

Двадцать, тридцать шагов, паутинка на экране инфосканера стала усложняться, но потом ее сбила волна помех. В оранжерее что-то сильно фонило.

Данилов остановился и попытался сосредоточиться.

Именно потому, что внимание рассеивалось. Вернее несущественные детали перли на передний план, а существенные ускользали. Стала жутко интересными форма капустного кочана, прожилки на листе. На кой все это? Надо сосредоточиться на главном, но он уже забыл, что важно, а что нет.

Впечатление такое, будто кто-то помешивает ложкой в его голове. Так бывает после хорошей дозы опиатов. Однажды его обкурили в закрытой зоне «Кибальчич», и сейчас было что-то вроде этого. Память не слушается его, изливает все, что захочет, мысли не стыкаются друг с другом, все пофиг. Кто он, чего ему надо? Дурнота, дурь перекатная, мысли разбегаются, несмотря на то, что джин усердно впрыскивает габергик в передний мозг, что должно привести нейронные цепи в рабочее состояние. По идее.

Изменились альфа и дельта-ритмы. Замедлилось сердцебиение. На лбу выступил холодный липкий пот. А если он сейчас начнет помирать? Сейчас, когда ему почему-то трудно верить в капсулу Фрая.

Цилиндр капустной плантации как будто сжимается, его фальшивые земля и небо сходятся между собой, заставляя особиста сгибать колени и наклонять голову. Все больше ощущается сдавливание сверху и снизу, и Данилов, поддаваясь ему, распространяется вширь; его голова, налившаяся тяжестью, уже на уровне капусты, уже лежит на грядке, такая же беспомощная, как и остальные кочаны. Почему голова обзывается кочаном? Почему в немецком это просто одно слово? Kopf.

Голова смахивала на кочан. Кочаны — на головы знакомых и незнакомых людей.

Теперь когда собственная голова почти не варила, словно тут и там в нее были вставлены пробки-затычки, органосканер наконец определил, что эта капуста не только протеиновая. Она — вычисляющая, запоминающая и даже думающая. Черт тебя раздери, ни на какой план-карте не значится, что здесь расположена киберорганическая, накопительно-вычислительная система. Про думающую капусту особист Данилов до сих пор

даже и не слыхал. Вот про садки с головоногими моллюсками, используемые как высокоэффективные нейронные сети, известно всем особистам. И октябрятам тоже.

Личность Данилова расползалась по серебристым пульсирующим паутинкам, размазывалась желтыми полосами, крошилась в золотистую крошку.

То ли капуста захватила его нейроконнектор, то ли уже подсадила в его мозг свой собственный адаптер. В любом случае Данилов чувствовал, как она мацает его мысли одну за другой.

Какая-то информация закачивалась в него — словно он был очередным разумным кочаном в капустной сети — но джин не мог декодировать сигналы, ссылаясь на незнакомый протокол передачи данных. Коды беспрепятственно вливались через некий нейроадаптер в его голову, внедрялись в его сознание новыми психосхемами. Краски давно уже потеряли геометрическую правильность, стали пестрым густым вихрем, который до тошноты крутил его. Было рвотно и тяжко. Ломка.

Джин выдавал грустные сообщения про искажения мозговых волн и даже показал примерное расположение нелегального нейроадаптера. Передние доли мозга, лимбическая система.

Где-то в капусте затаился мощный и коварный чип, манипулирующий нервной тканью с помощью тоннельно-мезонного эффекта. Эта мысль была совершенно здравой, но на нынешнем этапе совершенно бесполезной.

Данилов тонул в беспредметном океане неосмысляемой информации и бестолковых эмоций, где он был волной, струйкой, которая рисковала каждую секунду исчезнуть.

Ему не за что было уцепиться, массивы его воспоминаний оказались перекрыты, остались только самые свежие и самые сильные.

Владислав, Эльвира, Юкико выглядели бледными скользкими тенями — словно зацветшие мокрые тряпки на заборе. Ведь они всего лишь мимики под управлением образцовых джинов. И только резкие черты и отрывистый голос Кац спасли Данилова от растворения, заново прочертив в его психоматрице волевой вектор. Активизировавшаяся психоматрица через нейроконнекторы вызвала восстановительные функции.

Данилов наконец услышал своего джина, который докладывал, что ему удалось заблокировать нелегальный нейроадаптер и стереть психопрограммные объекты, незаконно проникшие в мозг.

С помощью психофейса был разоблачен и вражеский кочан.

В обычном оптическом окне это был кочан как кочан. И трудно было поверить в его злодейскую натуру, в то, что это

логовище нейроманипулятора.

Но Данилов, как профи, сразу поверил.

Теперь, когда вредная суть кочана оказалась разоблаченной, можно было направить на него свою ярость.

И началась великая битва человека против капусты.

Особист, сжимая зубы и катая желваки, кинулся на кочан, но враг был силен и оборонялся, как это принято, с отчаянием обреченного.

Капустный чип не просто тормозил особиста, он будто заливал его смолой, не давал ему дышать, словно сжимал в тисках и становился коленом на грудь.

Властелин капусты подсадил в задние доли мозга Данилова еще один нейроадаптер и с помощью холинестеразы блокировал синапсы.

Посиневший особист едва успел пробить блокаду инъекцией «мускаринового гриба». И с яростным криком «За нашу космическую Родину» наконец достал врага.

Нейроманипулятор был вырван из кочана и беспомощно закопошился на ладони — на вид что-то вроде медузки, биочип на десяток ментобайт памяти и двести мемоватт интеллектуальной мощи.

Капустный король был запрограммирован конкретно на Данилова, иначе не удалось бы ему так быстро и удачно атаковать мозги особиста. И в мозгах сейчас словно мины рвались — это наноботы-защитники разрушали чужеродные нейроадаптеры.

По решетке спецсвязи ушел запрос в базу данных Особого Отдела и вскоре прилетел ответ: этот чип-манипулятор наверняка произведен в закрытой зоне «Мирный».

Все теперь сходилось: и интеллекулы, что мастерят суперминог с золотыми рыбками, и капустный нейроманипулятор были изготовлены по заказу Анпилина на Меркурии, в «Мирном». И если враг уже ускользнул со «Шанхая-44», то на Меркурии о нем могут кое-что порассказать.

Данилов, шатаясь, прошел через цех обработки овощей, где мирно спало несколько работяг. Впрочем, их можно было бы обозвать и крестьянами. Похоже, они обкурились опия, добытого из заботливо выращенного оранжерейного мака. Данилов подумал и о том, что «крестьяне» пали жертвой каких-то экспериментов капустного манипулятора и заснули надолго. В любом случае, эти падшие люди уже не контролировали несколько конвейеров, с десяток фасовочных, помывочных и упаковочных роботов, но и не задавали лишних вопросов. И прокатившись вместе с ящиками по дорожке-транспортеру,

Данилов оказался в космопорту «Шанхая-44». Если точнее в маленькой конурке стартового контроля, прилепившейся к одной из труб космопорта, изрядно напоминавшего огромный орган.

Через час напряженной аналитической работы туман спал и стало ясно, что Анпилин из орбитального поселка уже убрался. Утром он прошмыгнул через контрольные ворота для персонала, лишь слегка «наследив». Какой уходящий борт приютил бандита — осталось тайной. Но зацепка имелась, хорошая зацепка — тот самый ученый-левак из зоны «Мирный», что сотрудничал с Анпилиным.

«Я его достану, этого гангстера, если не мытьем так каканьем». — смог пошутить особист. Однако беспокойство, слабо выражаемое в биохимических индексах, шуршало в душевных закоулках, словно мышь. Слишком легко асоциальный элемент наносит удары по сотруднику особого отдела Главинформбюро. Совсем бесхлопотно пробивает хваленую защиту. Нет ли утечки информации, нет ли предательства?

«ЧТО ЗА АХИНЕЯ, — возмутилась совесть. — КИБЕРОБЪЕДИНЕНИЕ НЕ ДЕЛИТСЯ ИНФОРМАЦИЕЙ С КАКИМИ-ТО МИКРОБАМИ».

Все правильно, Объединение не делится информацией с болезнетворными микробами вроде Анпилина и держит каждого чиновничка за яйца, чтобы и тот не делился.

Через полтора часа отправляется борт до орбитера «Меркурий-2», и Данилову надо туда же. Прощай, «Шанхай-44». Спасибо великому Гольдманну за нашу прекрасную встречу. За встречу с интересными и опасными людьми.

5. «Гуляй-поле»; Меркурий, закрытая зона «Мирный»

То, что это закрытая зона, заметно стало еще с высоты в пятьдесят километров.

Пылевая завеса оказалась хлипкой, отчего и просматривалась сотня сухопутных кораблей: огромных мобильных платформ с мачтами-столбами, на которых намонтировано-навешано всякого разномастного жилья — дома-шарики, дома-гроздья, дома-колбаски. На временной стоянке, которую можно было назвать городом, платформы выстроились двумя концентрическими кругами, образовав посредине площадь имени Бардака.

Данилов посетил ее «с экскурсией» сразу после посадки трясучего челнока, спустившегося с «Меркурия-2». На площади парковалась куча всякой мелкой техники, с которой старатели ездили на прииски — транспортеры, вездеходы, экскаваторы, жилые трейлеры, самоходные и прицепные бурилки с дробилками. Посредине, заменяя кремлевские башни, биг-бены и прочие александрийские столпы, высилась тетраэдрическая антенна суперсвязи.

Тут же располагалось и кладбище, где «открытым способом» лежали мешки с погибшими старателями. Когда отсюда уйдет городок и нахлынет солнце, произойдет торжественная кремация. Данилов сомневался, что все покойники при жизни имели легальную капсулу Фрая, однако у всех у них имелась дырка за правым ухом — след изъятия.

По соседству с кладбищем был разбит базарчик — иные «солидные» лавочки имели даже гермошлюз, но многие торгаши устраивались прямо на мешках с «сосульками» — так непочтительно прозывались почившие товарищи.

Широченные траки платформ оставляли после себя настоящие каньоны — на взгляд из космоса похожие на следы огромных змей. Башмаки же Данилова мягко пружинили — почва была насыщена гелием. На горизонте, сквозь пылевую атмосферу, сиял меркурианский восход, затягивая треть неба оранжевизной — как будто на городок надвигалась стена кошмарного пожара.

Но «Мирный» не торопился уходить. Рядом было золото, основа квантовых чипов, также гафний, неодим, осмий, рений. Впрочем раскатывать губу на огромное богатство не приходилось. Закрытая зона располагалась на планете, с которой не так просто улететь. И хотя добра тут навалом, попробуй наживи капитал. Ведь добро это надобно приносить в фирму «АОУ Терминатор».

Тебя там ожидают самые низкие во вселенной закупочные цены, самый смешной в целом космосе курс обмена местных кредиток на солары, ну и налоговый инспектор, который поинтересуется заплатил ли ты за чистый воздух, многоженство, многомужество и монументальную скульптуру.

А вот аппаратура жизнеобеспечения, бабы, женокиберы, «тормоза» для мозгов и всякие прибамбасы вроде персонального глюковизора, расширенного нейроконнектора и софтов, симулирующих райскую жизнь — идут по заоблачным ценам. Их доставляют из других закрытых зон, находящихся за миллионы километров отсюда.

Можно, конечно, добраться до орбитера «Меркурий-2» или, скажем, «Гермес-Коммерц», где уже настоящий базар. Но билет на челнок стоит твоей трехмесячной работы. Да и в толпе дот-коммунаров старатели чувствуют себя неуютно.

Естественно, что можно попробовать мафиозные каналы. Каковые существуют. Но мафиози могут расчитаться с тобой выстрелом в затылок, так что от капсулы Фрая и мокрого места не останется. А борцы с мафией запросто устроят тебя в «исправительно-оздоровительное учреждение» на Ио. Твою жизнь продлят за счет инъекций модернизированных онкогенов — они усиливают регенерацию, но ты при этом обрастешь соединительной тканью и станешь похожим на бегемота…

Данилова первым делом заинтересовали старательские вездеходы. Они стояли табором на главной и единственной площади, подняв капоты и проветривая твердотопливные реакторы. Старатели не боялись радиации, они жрали без устали конфеты с начинкой из энзимоботов, починяющих хромосомы, хлебали как заведенные антиоксидантное пиво и бегали отлить через клапан в ближайшую сторонку — вверх улетали настоящие фонтаны. Просто-таки Долина гейзеров получалась. Нетоварищи явно подвергали себя и «левым» модификациям для повышения устойчивости — у многих заметны были наросты панцирного типа, отливающие металлом. (Только вот не сделали ли этих ниндзя-черепашек опять-таки в инкубаторах ГУЖПа, подумал вдруг Данилов. Тогда получается, что весь разгул криминалитета — это дело, запланированное в недрах Киберобъединения.)

Но совесть тут же сделала втык: «НЕ ОСУЖДАЙ ТОГО, ЧТО НЕ ПОНИМАЕШЬ. КРИТИКАН ВЫИСКАЛСЯ. РАЗВЕ ТЕБЕ, ХУДАЯ ГОЛОВА, ПОСТИЧЬ ОБЩУЮ СИММЕТРИЮ, ПОНЯТНУЮ ГИПЕРКОМПЬЮТЕРАМ?»

В конце концов предстояло отыскать того парня, который смастерил нейроманипулятор. Но вначале надо было выйти на давнего знакомого по кличке Краб. Знакомый осведомитель,

конечно, не напрашивался на свидание, но бармен-мутант из одного кабачка шепнул за сто меркурок, где можно найти Краба. В долине Теотикалли.

Данилов за тридцать меркурок взял напрокат у одного потертого алкаша тоже потертый, старенький, но довольно мощный вездеход.

Однако топливные стержни можно было приобрести только в конторе фирмы «АОУ Терминатор», где место в очереди стоило десять кредиток. Но даже с этим местом очередь подошла бы лишь через пару часов.

Данилов потолкался на площади и, соскучившись, двинулся было к одной из крайних платформ, где располагалась контора, но вернулся с полпути. Ему не понравился один взгляд из толпы, ошивающейся на майдане. Так и есть. Когда он вернулся, его машину как раз пыталось раскурочить трое мужиков.

Мужики при виде Данилова не стали тикать. Наоборот, стояли и ждали, сияя мордами приличной дебильности. Бес его знает, что это за люди? Большие взаправду крутые или просто маленькие, но наглые?

— Разум да соединит нас, — произнес Данилов слова официального приветствия, но мужики только скривились и набрякли кулаками.

— Ну ты, фраер, если хочешь, чтобы все чин чином, давай делись, — наконец прохрипел один из мужиков. — А то больно жадный. Съел на тысячу рублей, а насрал на рубль.

В закрытых зонах есть и воры в законе, и рэкетиры, и мафия, и гоп-стопы, и отморозки, и карманники, и шпана. Особняком стоят крепко переделанные мутанты — «мутные», которые тоже живут по своим понятиям. Из них выделяются самые-самые — Монстры или Ящеры. Один из этих жлобов явно был Ящером.

Борибабин всегда учил, что драться с толпой даже удобнее, чем с одним, особенно в стесненном пространстве. Противники больше думают не о том, как уложить тебя побыстрее, а как не запаять собственному товарищу промеж рог. Пространство на парковке в самом деле было стесненным и укрытым от взглядов с базарной площади.

Пока мужики пытались организовать свое наступление на пятачке между двумя вездеходами, Данилов нанес несколько ударов на среднем уровне, ложных и настоящих. (Конечно, у него имелся импульсник, но применять его значит засветиться. Органический же цеп плохо действовал через скафандры и сразу выдавал мента.) Впрочем тычков в пах и под дых хватило, чтобы выключить двоих из общения. Они все-таки оказались обычными нахалами. К тому же хилыми и легкими. Один из них решил

полежать на грунте, другой помчался вдаль с кудахтаньем на устах.

Но третий все же был *ящером*. Оставалось только гадать, зачем он подключился к мелкой растащиловке. Но ящер же, какие могут быть сомнения. Рука длиннее твоей раза в полтора и на конце то ли три длинных пальца, то ли грейфер. А жилы-то жилы — на каких-то внутренних анаболиках заматерели и стали будто тросы. «Грейфер» на правой руке был приспособлен для того, чтобы закручивать гайки, вытаскивать гвозди, рвать, душить. Чуть тяпнет за шею и все, нет кадыка.

— Возьми свой черпак и иди греби дерьмо, — сказал Данилов, когда понял, что ящер настроен очень серьезно.

— Я раздавлю вот этими пальчиками пианиста твою поганую капсулу Фрая, — посулило чудовище.

— Да ты не пианист, ты — юморист.

Монстр кинул свой «грейфер» в сторону даниловской шеи, а в левой его руке мелькнул термоножик, которым скафандр порезать — раз плюнуть. А скафандр — это вам не кимоно, раз расстегнется, уже не скоро поправишь, только в следующей жизни. Ящер к тому же чем-то прыснул. Желтая дрянь залепила забрало шлема, хотя и не так как желалось «мутному».

Полуослепший Данилов выбрал ката «водоворот», которым можно было уйти от мощно атакующего противника, да так, чтобы сразу же перейти в контратаку и уложить его.

Если бы не получилось, то лежать бы Данилову на площади в мешке, служа табуреткой под чьей-то задницей, и ищи-свищи тут капсулу Фрая. Но «мутный» попался на крючок, его занесло вперед — и удар по вражескому загривку был точен. Подвернулся еще буксирный трос, свисающий с соседнего вездехода, которым удалось зацепить рухнувшего на колени монстра и слегка придушить.

— Так почему мне не надо убивать тебя, мудачина? — спросил Данилов, когда немного погасил ярость ингибиторами. — Если действовать «по понятиям», то я должен сейчас тебя замочить. Ну, скажи, хотя бы, что ты молодое дарование и завтра выступаешь на конкурсе имени Чайковского.

— Ты всяко не прикончишь меня, чистюля, — прохрипел ящер.

— Зря ты так уверен. Я ведь не пионерка. — рука Данилова натянула трос. Силенок хватит еще на полминуты, затем или душить или отпускать.

— Может ты из этих…

Непонятно было, кого ящер имеет ввиду, ментов или академиков. Академики — были очень крутыми умными

образованными урками, которые всегда косили под ученых, но действовали как полные беспредельщики. — Давно видел Краба, ящерка? — спросил Данилов.

— С неделю назад в долине Теотикалли. Это двадцать километров отсюда.

— Знаю. Надеюсь, что сейчас ты станешь разговорчивым, как старушка за чашкой чая.

Данилов постарался еще больше натянуть трос, хотя нормальный человек на месте ящера давно бы скончался.

— Краба уже пришили. Трупака на нашу площадь не привезли, потому как он на ментов работал. Но это не я его угомонил, не волнуйся. — уже с некоторой натугой произнес ящер.

— Тогда ты сам найдешь мне человечка, который мастерит чипы-манипуляторы и прочие интересные штучки.

Воспользовавшись секундной слабостью ящера, Данилов выудил шприцпистолет и сделал ему укол спецсредства, прямо через скафандр, в мышцы — интеллекулы модели «Вулкан-2». Конечно же, официально это средство считалось чисто бандитским, ну а неофициально…

— Не найдешь его за 24 часа и у тебя случатся большие неприятности. — сказал особист чистую правду.

— На понт берешь, фраер. — прошипел ящер. — Я не боюсь склеить лапы. У меня тоже есть капсула Фрая.

— Знаю. Левая. Мои дружки-интеллекулы тоже левые. Они уже облепили твою капсулку и все ее проводки. Чуешь, что может случиться с твоим драгоценным бессмертием?

— Лажишь, фраер. — непокорно отозвался ящер. — Капсулу Фрая никакая интеллекула не возьмет.

— Сама по себе ни за что не возьмет, она не для этого. Но она ассемблирует из подручных материалов прямо у тебя в башке маленькую рентгеновскую пушку и затем вжарит по твоей хиленькому чипу Фрая. Вот и все. После этого воскрешать тебя из мертвых, все равно что изготавливать крупный рогатый скот из тухлых котлет. Или, может, ты надеешься что у тебя есть бессмертная душа? Она у тебя случаем не в заднице? Только не пропердел ли?

Ящер морально испекся и пустил дымок. Это было видно невооруженным глазом.

— Этого мастера зовут Уголек. — упавшим голосом произнес мутант. — Но сейчас его здесь нет.

Данилов ослабил удавку, ящер не дернулся.

— Давай, рептилия, не будем тянуть друг друга за жало. Где?

— У самого терминатора. Он же псих. Совсем забуревший.

— Разбалансированный, что ли? Переперчил со стимуляторами?

— Да нет, с неврологией у него полный ажур. Просто парень возомнил себя хер знает кем, короче полный вывих в башке. И у тебя есть хорошая возможность в этом убедиться. — Ящер постарался злорадно ухмыльнуться. — Искать его надо на плато Теночтитлан, там он пасется, но точно не знаю где.

— Придется узнать. Со мной поедешь. Будем вместе искать этого мастера, словно грибники-ягодники. Ты, как — хороший товарищ?

— Плохой. Хорошие товарищи из нас говно делают.

— Ну, ну, не будем драматизировать, ящер.

— Меня зовут Пианист. И я очень ненормальный, в смысле тянусь к искусству. Люблю оперу-жоперу и балет-минет.

Да, Пианист вряд ли бы мог вкалывать на заводе-фабрике на манер нормальных людей. Хотелось бы сказать, что его сделали в левом клонопитомнике, но характерный пигментный штампик над глазом выдавал совершенно правильное происхождение этого ящера.

Чтобы получился такой как он, или в клоноинкубаторе должна была ошибочка выйти, или… намеренно сделали его таким — специально для закрытой зоны! Чтобы, например, демонстрировать потом ужасы чуждого нам «хаотического» образа жизни.

— Поедешь, ящер, на своем дерьмоходе. Так что иди, заправляйся, расходы я тебе оплачу. Тебя и в самом деле зовут Пианист?

— В самом. Однажды я прикончил одного лабуха из оркестра, и скачал все, что можно, из его джина в своего. И, кстати, неплохо научился играть одной рукой. Второй-то только кромсать можно.

— За того оркестранта отсидел?

— За того отсидел. Три года на Фебе.

Феба тоже была скверным местом, купающимся во всяких излучениях Юпитера. Из пяти заключенных через три года остается один, и тот жалкий калека.

— Ну, в общем тебе и солировать, счастливчик. Поедешь впереди.

6. «Аллегро виваче»; Меркурий, закрытая зона «Мирный», плато Теночтитлан

Когда они двинулись в путь, было уже ясно, что Пианист — опустившийся ящер. Он не только сосал из бутылочки что-то с сильным запахом сивухи и гнилых протеинов, но вдобавок захватил с собой подружку — тощую девку, по виду шлюху с не слишком большим, но горячим стажем.

Ее глаза с линзами-проекторами то светились кроваво-красным как у вампира, то становились черными провалами, как у хтонической богини. А-ля дикообраз двигались волосы-иглы, шлейф из запахов-афродизиаков заставлял все вокруг стоять торчком. Плюс голографическая майка, которая умножает бюст раза в три. В общем, Данилов ее сторонился — чтобы подальше от греха. Впрочем, сам источник «греха» на него особого внимания не обращал.

Терминатор знай себе приближался и пожар озарял уже минимум полнеба. Пылевое озеро в метеоритном кратере сменилось каньоном, проплавленном в силикатной породе потоком жидкого железа, затем дорога пошла вверх по твердой металлической породе с приличными выщербинами от мелких метеоритных ударов.

Плато Теночтитлан казалось безжизненным. Лишь кое-где виднелась брошенная техника. Здесь уже ничего интересного для старателей. Лишь дешевое железо, которое в Поясе идет в печь целыми астероидами. Инфосканер выдавал только бледные трассы далеких радиообменов и бодрую штриховку от передач меркурианского широковещания насчет подвигов молодых коммунаров по всей солнечной системе. К западу от плато виднелся большой разлом, из-за которого как раз надвигался убийственный меркурианский день.

— Слушай, Пианист, как ни прискорбно, но у тебя осталось 12 часов. — напомнил Данилов.

— Не волнуйся, начальник, пососи лучше леденец. — Ящер окончательно признал в нем мента, но трепаться на майдане о таком «знакомом» конечно не стал бы — чтобы не разделить участь Краба.

— Этот мастер там, — ящер показал на сияющую полосу терминатора, за которым наползал ад. — Давай, начальник, коли́ в мою жопу свой антидот.

— Я понимаю, что краткость сестра твоего таланта, но все же слишком скупо ты выражаешься. Кто там?

— Уголек. Возле самого терминатора.

— Что, твой Уголек действительно съехал с катушек? Трудно в это поверить, зная, какие штучки он мастерит.

— Чтобы это мастерить, надо быть психом. Надо находиться подальше от людей. И надо иметь много энергии. Смотри туда.

И действительно, когда Данилов распахнул окно телеувеличения и добавил светофильтры, то стали заметны темные пятнышки в предтерминаторном мареве. Впрочем для инфосканера они были по-прежнему хорошо заэкранированы.

— Ни на одном из этих пятнышек нет таблички с надписью «Уголек». — несколько растерянно пробормотал Данилов.

— Это только у тебя на лбу написано, что ты мент. Даже если ты подойдешь к нему на расстояние полуметра, ты не увидишь никакой надписи. Вот когда ты станешь трупом, Уголек аккуратно расфасует тебя по пакетикам с красивыми ярлычками.

— Ты мне надоел, шут гороховый. — Данилов ширнул ящеру через скафандр заряд антидота-расщепителя.

Какие там «понятия» у мутных? В учебниках криминалистики насчет этой темы по нулям. Вряд ли муташки соблюдают заповедь, что обманывать нехорошо. Но ведь и ящер не уверен, что Данилов на самом деле вколол ему спасительный антидот.

Мутант с каким-то замысловатым прищуром посмотрел Данилову вслед. А ящерская подружка глядела только на своего урода.

— Так почему ты собственно грохнул того пианиста? — спросил Данилов напоследок.

— Из любви к искусству. Я подумал, почему он, а не я…

Человек, обитавший в предтерминаторном мареве, не пытался удрать. Он видимо был уверен в себе на все сто. Температура в кабине Даниловского вездехода быстро поднялась с обычных семи Цельсия до тридцати пяти. Уже жара. Пришлось добавить охлаждения комбезу, чтобы не стать красивым как сваренный рак.

А чтобы тому мужику не испечься, действительно надо иметь очень много энергии — согласился Данилов. Зато, в натуре, никто не мешает. Тут он лорд и барон.

Во владениях лорда по кличке Уголек был уже заметен фургон с модулем жизнедеятельности, энергоузел, от которого тянулись прямо в наступающее пекло какие-то серебристое полосы, и трейлер, похожий на лабораторный блок.

Собственно к этому трейлеру Данилов и подкатил. Температура в самой кабине была уже сорок восемь градусов, а за

бортом — семьдесят один.

Трейлер был совершенно непроницаемым для инфосканера, также как и фургон.

Не добившись ничего со сканированием, Данилов вышел из своего вездехода. От почвы шли сильные испарения — ртуть, свинец, олово, серебристые, желтоватые, зеленые. Находится на «улице» было неприятно и Данилов незатейливо постучал в дверь трейлера.

Тот открылся, впустив посетителя в шлюзовую камеру. Наружный люк закрылся, мощная помпа мигом высосала из шлюза меркурианские испарения и заменила их воздухом.

— Добро пожаловать в обитель «„Чистая нега“. Но в скафандре входить не разрешено.

Это сказал квазиживой привратник. Рост два с половиной метра, голова с двумя лицами, светлым и темным, говорит на беззвучной интерлингве, иероглифы появляются в коммуникационном окне посетителя.

— Привет, многоуважаемый Янус! Недавно я неудачно сварил супчик в невесомости, получил ожоги, антиожоговый дермапластырь имеет питание от скафандра. Я сниму только шлем, пойдет? — предложил Данилов.

После секундной паузы Янус известил, обернувшись светлым лицом:

— Без шлема разрешено. Но сдайте аккумулятор от своего импульсника.

Затем внутренний люк распахнулся и пропустил обезоруженного Данилова внутрь трейлера.

Внутри царила приятная прохлада, градусов десять Цельсия; плетение оптоэлектронных проводов и многоглазье индикаторов придавали интерьеру несколько ярмарочный вид. Емкости, автоклавы, реакторы, центрифуги, стол со спектрометрами и спектрографами, стол с туннельным микроскопом и наноманипуляторами, стол с лазерными скальпелями и сшивателями, бозоновый пресс, установка электрофореза, два ящика с биоорганическим компьютером. Судя по отводным трубам для катаболических жидкостей и шлангам-питателям, вечно голодный мозг-кисель работал как черт за сотню килокалорий глюкозной похлебки в день.

Среди этого бардака, столь непохожего на аккуратный простор коммунарских лабораторий, носилось несколько тварей, смахивающих на пауков, и выполняло всякую мелкую, но полезную работенку — то ли это были обычные насекомые с модифицированной генетикой, то ли биополимерные роботята. На стенке висело неожиданное иконографическое изображение —

синеватый Кришна в его вселенском облике.

Потом Данилов увидел в одной большой чаше Гадость. Привратник показался по сравнению с ней милейшим существом. Данилов сглотнул, потому что горло болезненно сжалось. Она напоминала и клубок сплетенных змей, и медузу. Ее щупальца могли протянуться в любой конец фургона и, например, переставить какую-нибудь пробирку с одного места на другое.

Органосканер с некоторой задержкой отклассифицировал это достижение биотехнологии: на базе сульфурорганики, интенсивная способность к регенерации, правда, собственного генокода нет, получает энергию от реакций хемосинтеза на основе серы. Наверное, она еще серной кислотой плюется, подумал Данилов и постарался отойти подальше.

Зато психофейс порадовал: у этой твари были мотивационные и эмоциональные матрицы, характерные именно для человека, а не для рептилий и медуз. Стандартный набор пси-программ, рассчитанных на человеческий интеллект. И даже те психокоды, которые загружаются в коммунаров.

Одно из щупалец потянулось к напрягшемуся особисту набухшим концом, который имел ротовое отверстие, околоротовую присоску и глазок. Сантиметрах в двадцати от лица Данилова опасный отросток пустил слюни и зашипел. Запахло сероводородом.

— Не бойтесь. Оно не цапнет. Пока я не прикажу. Или пока оно не разозлится.

Данилов ожидал, что творцом таинственного создания окажется низкий сгорбленный лысый человечек в пальто и очках.

Так нет же. Рослый атлетически сложенный красавец, длинноволосый блондин в шортах. И можно быть уверенным, что это не мимик. За пределами солнечных городов видеть объекты без мимиков уже не табу — глазей на здоровье. Но Данилов машинально потеребил контрольную панель джина, не идет ли лажа через нейроконнекторы в зрительные нервы?

Как же тут существует этот Уголек, на грани жизни и смерти, без дискотек и баров, без подружки?

— Ага, уловил, — отозвался Уголек, который конечно же пользовался нелегальным психофейсом для подслуха мыслей. — Подружка-то как раз есть. Такая может и бар с дискотекой, и даже стриптиз устроить.

В большой чаше произошли метаморфозы клубок змей превратился в голову со змеиными волосами. Потом змееволосы стали кудрями, оформилось и тело. Все было в лучших канонах Фидия с изрядным добавлением Эль-Греко. Ноги и руки пожалуй длиноваты, также как и шея и зубы, нижняя часть лица чересчур

выдается вперед, талия будто перетянута невидимой веревочкой, васильковые глаза больше на размер чем надо. Дама получилась хоть куда, но все равно страшная.

— Ну что, хочешь меня, усатик? — проворковала Галатея гостю, набрасывая на себя чехол от компьютера и устраиваясь все в той же чаше в соблазнительной позе полулотоса.

Да, лексикон еще тот.

— Вот что такое настоящий мимоид, — похвастался Уголек. — Я первым применил полиуглеродный каркасно-осевой скелет спикульного типа. Она же наощупь ничем от бабы не отличается, попробуйте сами. В хорошую погоду эта девушка получает энергию не за счет окисления серы, а из реакций фотосинтеза, так что к ароматам уже не подкопаешься. Но в плохую приходится ее духами поливать. А теперь исчезни, дорогая… Она нам будет мешать, у нее психика сырая.

— Совершенно с вами согласен. — четко произнес Данилов.

И красавица снова обратилась в чудовище, чмокающее в чаше.

— Итак, товарищ Дэн-Ни-Ло, какими судьбами, чем обязан? — спросил мастер-атлет, мигом просканировав подставной мультипаспорт Данилова.

— Интересуюсь вашими работами, нейроманипуляторами и таким прочим.

— А где вы с ними сталкивались, любезный? — поинтересовался Уголек.

— В рабочем поселке «Шанхай-44». Например, чип на капустной плантации. Есть там и другие интересные штучки с Меркурия.

Особист старался спрятать ненужные сейчас мысли, удержать их в тени, ведь нелегальные психофейсы способны даже в подсознание проникать.

Сам Уголек для криминологического психофейса Данилова был закрыт, что делало еще более темным и подозрительным. Похоже, что подзаработать пару монет — не единственная цель в его жизни.

— Мне нужен еще один нейроманипулятор, господин ученый.

Один из пауков пополз по атлетическому торсу Уголька, но тот не обращал внимания, наверное потому, что любил всю эту нечисть.

— Для действия в какой среде?

— В достаточно агрессивной. Спутники Юпитера.

— Органический менточип на Ио или Европе? Это интересно. — оживился Уголек. — Я, пожалуй, готов. Вы готовы расплатиться чем-нибудь ценным? Я имею ввиду, не

меркурианскими кредитками.

— Солары сгодятся?

— Он еще спрашивает.

На лице у Уголька нарисовалась искренняя радость, какая только бывает при заключение удачной сдели.

— Господин ученый, я прибыл из кластера, где царит бахвальство. Увы и я не чужд этому. Не могли бы вы открыть имя того клиента, который приобрел у вас капустный манипулятор? Если точнее, тот идентификатор, который имелся у клиента в мультипаспорте… Я готов заплатить за ответ.

— Ага, понятно. Кто кого переплюнет. Увы, я стираю сведения о визитерах из протокола событий… Кажется, одно время я даже помнил идентификатор этого парня. Помнил, а потом забыл.

— Если не возражаете, господин мастер, я назову вам несколько имен. Анпилин. Анастасий Анпилин. Махмуд Кебапче. Мэри Джон Вибратор. Черный Чип. — Данилов перечислял не только имена бандитов, но и идентификаторы пропавших без вести граждан, которые могли стать добычей уголовников.

— Не то… — досадливо отмахнулся Уголек.

— Стойчо Трахов. Карл фон Талер. Додо-Дубль.

— Только не эти.

— Адреналиновый Король. Марко Маньяна.

Красавец-ученый даже не кивнул, но психофейс уловил, что он отреагировал. И сразу информационная паутина протянулась от Данилова через решетку спецсвязи. Начался поиск по базам данных Киберобъединения. И вскоре закончился.

Маньяна. Человек под этим именем и с соответствующим мультипаспортом вылетел из «Шанхая-44» на Марс, в космопорт Лабиринтис Ноктис. Папилярный рисунок кожи и узор радужки отличались от тех, что были у Анпилина. Ну на то он и гангстер экстра-класса.

Человек по имени Маньяна с орденоносного Марса пока никуда не улетал.

— Между прочим, для меня каждый клиент в своем роде единственный и неповторимый, — ученый решительно потер ладони. — Что угодно именно вам?

— Мне нужно нечто большее, чем капустный дирижер. Не просто чип, который способен дирижировать оркестром на грядке. Мне нужен устойчивый манипулятор, кремний — или металлорганический, который может выстроить интеллектуальную структуру в любой среде на любой основе, хоть это будет лед на Европе или серные соединения на Ио.

Данилов хотел растормошить Уголька и у него это

получилось. Даже без психофейса было заметно, что левый ученый встрепенулся.

— Ну что ж, клиент имеет право хотеть. Мне, конечно, неплохо бы навести справки о том, кто вы такой, господин Дэн, выдаете или не выдаете ли себя за того, кем не являетесь.

— Вы делаете это сейчас, — отозвался Данилов, наблюдая в окошко инфосканера, как вьется вокруг него информационный щуп.

— Зачем вам все-таки понадобилась киберструктура на Ио или Европе?

— Капсула Фрая слишком тесна для меня, я хочу быть целой планетой, — сказал Данилов и подумал, что переборщил, разыгрывая из себя крутого.

— Что ж, неплохой ответ, господин заказчик, вполне разумное желание. Вам наверное кажется, что господь Бог оставил в некоторых областях слишком большие пробелы?

Уголек не ждал ответа, он сам хотел говорить о наболевшем.

— Уже сейчас я делаю то, чего нет и близко в Его творении, господин Дэн. Кто я, ученик или конкурент? Меня интересует ад. Почему в этой бездне должны обитать только тусклые тени? Я хочу заселить ее нормально отструктурированными объектами. Это посильнее, чем кибернетизация спутников Юпитера.

Уголек вероятно был хорошим биокибернетиком, но он явно сшибся с катушек. Пора сматывать удочки.

— Вот проектное задание, — Данилов положил на стол емкий кристалл памяти и несколько золотых пластин, конечно же фальшивых. — А это задаток Увы, я должен сейчас откланяться.

Он подошел к двери шлюза и та распахнулась.

— Ваш шлем, — сказал привратник и с должным почтением подал деталь скафандра примерно так, как лакеи подавали шляпу господам.

Но отличие от лакеев все-таки имелось. В последний момент Янус повернулся другим лицом. Он ударил шлемом господина прямо в лоб, а затем схватил жесткими кремнийорганическими ручищами за горло. Вторая личина Януса, темная и вурдалачья, потянулась кривыми зубами к физиономии особиста.

— Но выходить вам живым не разрешено, — объяснил свои действия привратник.

Полгода назад, после неудачной схватки с Адреналиновым Королем, череп Данилова был армирован металлокерамикой, так что удар шлемом он пережил. С помощью ката «волнорез» он вывернулся из жестких лап привратника и двойной подсечкой сшиб его с ног.

Но когда Данилов уже потянулся за шлемом, открылся

наружный люк и воздушная волна выбросила его наружу.

По счастью, отсутствие шлема было восполнено аварийной биополимерной маской, мгновенно обхватившей голову.

Особист побежал к своему вездеходу, но не добежал.

По песку скользнула тень и не успел Данилов ничего сообразить, как прекрасная Гадина обняла его и прижала к свинцовой глыбе. Замечательно длинные ноги сдавили его так, что и не продохнуть. Глядя со стороны на красавицу и Данилова — не дать не взять парочка во время страстного любовного поединка.

А меркурианский день уже подступал вплотную — стена нестерпимого сияния, из-за которой кипящей волной возносились вверх легкоплавкие элементы.

Женская голова беззвучно шепнула ему: «Ты мой, сейчас я узнаю каждую твою хромосому», наполняя фразу из дешевого сетесериала резко отрицательным смыслом. Пухлые совсем как у Эльвиры губы присосались к маске Данилова.

Черт, ну что же ему все не везет? Сейчас она его так оттрахает, что мокрого места не останется. Какое там мокрое место на Меркурии.

Лилит. Медуза Горгона. Она не торопилась, красный раздвоенный язык прошелся ласкающим движениями по маске Данилова.

— Ты бы знал, как мне надоел Уголек, он такой бесчувственный в отличие от тебя.

Свинец, казалось, размягчался под его спиной и жег все сильной. Утонуть в свинцовой луже — вот мерзость и больно-то как будет. И совсем мало надежды, что капсулу Фрая отыщут в толще металла после меркурианского заката.

Фургон и два остальных модуля Уголька уже двинулись в путь. Наступала пещь огненная. Но Медуза Горгона не торопилась.

Сейчас солнце перейдет через разлом и…

— Ну, подари мне акт напоследок, дай, расстегну скафандр.

Из ее псевдогрудей вышли крюки и зацепили титануглеродную ткань скафандра. Сейчас рванет и все. Ткань треснула…

И тут прямо в чувственный рот красотки шлепнулась ракета. Лилит затрепетала и разлетелась ошметками. Зеленая липкая дрянь прилипла к скафандру, кое-что попало и на маску.

К Данилову подъехал вездеход, в котором нетрудно было узнать машину ящера.

— Ну, что, поквитаться приехал? — спросил одуревший от жары Данилов. — Как же вы мне все надоели.

— Подружка сегодня хорошо мне дала, так что в мудях заиграл нравственный императив и я решил быть добрым и отзывчивым, — сообщил Пианист. — Ты, конечно, мент, чистюля. Но немножко не тот коммуняка, на которого блевануть хочется.

7. «Попутная радость»; Меркурий, закрытая зона «Мирный»

На платформе фидерного космопортика, имеющего вместо названия только номер, Данилов ожидал челночный борт. Паршивая тряская посудина должна была закинуть его на орбитальную узловую станцию «Меркурий-2». Оттуда предстояло лететь рейсовым лайнером до Фобоса в двухнедельном «маринаде», ну и дальше опять на фидерном челноке до Лабиринтис Ноктис.

Орбитер «Меркурий-2» уже принадлежал нормальному «открытому» миру, старатели оказывались там ненадолго, когда их вызывали для проработки или по большой хозяйственной необходимости, и сильно торопились назад. Фидерный космопорт же был еще достаточно злачным местом, где на каждом шагу орудовали скупочные и заготовительные конторы, вокруг которых кучковались спекулянты и прочие криминальные элементы. Мелкие торгаши подмигивали хитрыми крысиными глазками, предлагая левый софт невысокого пошиба или «косяк», шлюшки надрывным шепотом рекламировали тысячу и одну радость почти задаром и тыкали тебе в бок острым кроваво-красным коготком. Впрочем, Служба Общественного Здоровья здесь присутствовала и негласно, в виде детекторов, и явно в виде молодцеватых милиционеров с черными непроницаемыми забралами на лицах — эти внушительные «статуи» дежурили возле контрольных ворот.

До посадки оставалось двадцать минут, когда Данилов отметил возле себя активность какой-то шмары. То есть, вначале он просто понял, что его пытаются заарканить. Ее чулки ползали как змеи по ногам, скручиваясь и накручиваясь, юбка расчетливо играла глубиной разреза, свитерок окатывал тело словно морская волна и вздымался будто цунами на бюсте, из пунцового рта, жующего резину, вылетали хихикающие разноцветные пузыри. Стандартная косметохирургия в стиле Барби придавала ей ничего не выражающий вид. Однако, по иглам а-ля дикобраз на голове и красным фонарям глаз Данилов узнал подружку ящера Пианиста.

— Разум да соединит нас. — поприветствовал особист.

— Надеюсь, что не только разум, — намекнула на что-то девушка. — Никак ты, усатенький, на свой Марс собрался?

— Возможно, — уклончиво произнес Данилов, — вообще, я тебя поблагодарить хотел. Ты так хорошо…

— Дала Пианисту, — подсказала шлюха.

— Что он был столь добр в этот отвратительно солнечный денек.

— Ну, благодари. Только учти, «спасибо» мне недостаточно. — без обиняков высказалась девица.

— Понял. Тридцать меркурок тебя устроит, солнышко?

— Нет, — «солнышко» поводило хищно острым носком туфельки. Если врежет, то проткнет. Особенно может пострадать мошонка.

— Пятьдесят, киса? Хорошие бабки…

— Нет, не угадал. Я не жадная. Просто этого добра у меня хватает. Мне другое нужно. — капризно протянула «киса».

— А, солары, — сообразил Данилов. — Чего ж ты раньше…

Какая разница между соларами и соларитами, спрашивает один работяга другого. Тот отвечает: солары тяжело достать и легко потратить; солариты же всегда под рукой, но избавиться от них невозможно.

— А вот и не солары. — зажеманичала девица.

— Не томи, красавица. — взмолился особист.

— Во-первых, нужно, чтобы ты спросил как меня зовут.

— И как же, ведь это очень интересно, — послушно отозвался Данилов.

— Гиперия. От слов «гиперкомпьютерная революция». Здорово, да? А во-вторых, я давно хотела заполучить чистюлю-соларита вроде тебя, причем не запакованного в целлофан. Ну, разве это много? — девушка символически облизнула губы.

«НЕ ДАЙ СБИТЬ СЕБЯ С ПУТИ ИСТИННОГО», — шепнула совесть. Причем, в первый раз при его контактах с женщинами.

— Конечно, немного, — Данилов мучительно подбирал ответ. — Но вообще тут места нет.

— Тут все места наши, — уверенно и бесхитростно произнесла Гиперия.

— И до отлета всего пятнадцать минут, — с надеждой произнес Данилов. — Ты понимаешь, что программа бала будет скомкана.

— Тебе этих пятнадцати минут будет больше чем достаточно. Я очень темпераментная.

И в самом деле, она была такой. Да еще настоящая профессионалка. Тут же, в космопорту, Гиперия отыскала укромное местечко — ключ-кодом открыв дверь в какой-то захламленный отсек. Данилов шел за ней, будто был механической игрушкой на веревочке. Складской отсек оказался закидан деталями разборных жилых модулей. Элементы двухслойных стенок из титана и углепластика, газообменные фильтры, похожие на амфоры, складывающиеся в гармошку

лежаки, «ракетные» унитазы полного цикла, желеобразный матрас.

Девушка толкнула мужчину и он, зацепившись ногой за какой-то унитаз, послушно рухнул на этот самый желе-матрас, который стал охотно конвульсировать под ним.

— Ворота открываются, усатенький. — проворковала профессионалка. — Ты из своего стерильного мирка, где доблестные легаши хватают за задницу зловредных бандюков и спекулянтов, попадаешь в настоящую жизнь. Добро пожаловать, только не запнись на пороге. Так что, подхвати свои яички и вперед.

Она встала над ним. Юбка заволновалась как листва под порывом ветра, а затем расстегнулась до пупа, хотя еще смыкалась на талии. Между ног, выше чулок, шла вначале какая-то голографическая иллюминация, а потом и там образовался черный провал. Который опустился вниз.

Черное облако втянуло напрягшуюся плоть Данилова и началась обработка. Грудки гражданки Гипериции вынырнули из свитерка как из озерной глади и мелко, но эффектно затряслись. Лицо ее, наполовину заслоненное проекторами, не выражало ничего, кроме профессиональной сосредоточенности. Не было и того негативного вампирического поля, которое окружает некоторых опытных шлюх. Пожалуй, для своего возраста она была достаточно искусна и не полагалась на секс-гормоны, нейротрансмиттеры и разные психоделики, которые симулируют эйфорию, но быстро утомляют организм. Данилов, правда, почувствовал ногти-шприцы, которые втыкаются в его плоть и запускают туда — по сообщению органосканера — дозу гуазинтрифосфата, но это служило лишь укреплению членов тела.

Удовольствие по кодексу всех порядочных шлюх она была должна доставить сама.

Данилову почудилось было, что Гиперия что-то вливает ему в психику. Но строгая проверка показала — девушка лишь подсадила ему безобидный психокоммуникационный модуль, с помощью которого можно было почувствовать работу ее профессионального тела. Возможно, это была скрытая форма рекламы.

Особист, конечно же, был на стреме по части инфекций. Чего стоят одни лишь киберспирохеты, которых запустил в организмы развратников хаккер-сектант Яд Небесный? Эти синтетические микроорганизмы вызывают заболевание, приводящее к полному исчезновению половых органов. Однако нормально подготовленная нанозащита — а у Данилова она была именно

такой — гарантировала почти полную безопасность. Гораздо больше особиста занимал вопрос, не вломится ли кто-нибудь сейчас в отсек с криком: «А кто это спрятал мою швабру?».

В какой-то момент проекторы падшей (но сидящей наверху) девы перестали излучать каскады света и потухли, а в настоящих глазах мелькнуло нечто похожее на нежность.

А еще Данилову, в тот самый момент, когда эти проекторы потухли, показалось, что за шлюхой стоит нечто, куда более внушительная и разумная сущность.

Закончив дело, Гиперция поднялась, срастила свою веселую юбчонку и мигом куда-то срулила. А Данилов снова вернулся в зал для пассажиров. Вроде все было как обычно, дешевые дрожащие голограммы, порхающие пузыри с рекламными клипами на боках, мигающие оптоэлектронные провода. Но ему показалось, что и в самом деле из прежней плоской жизни он вступил в какой-то более объемный мир.

Серотонин, черт его дери. И допамин. И много еще чего. Ублаготворители образовались в больших количествах самым естественным путем. Теперь Данилов понимал, с чего это ящер так подобрел. Гиперция не разрушала общественную мораль на Меркурии, ее тут не было вовсе, она давала кое-что взамен.

8. «Метростроители»; Марс, район Лабиринтис Ноктис

Фидерный космопорт располагался неподалеку от одного из циклопических каньонов системы Валлес Маринерис. Две недели полета пролежал Данилов как полено в состоянии ограниченного биостазиса, а, «примарсившись», без заезда в родной солнечный город, взялся за работу в вахтенной бригаде тоннелеукладчиков. Бригада методично рыла тоннели в районе Лабиринтис Ноктис, пробивая дороги с плато ко дну каньона. Перепад высоты — пять километров, длина тридцать-сорок километров, грунт реголит, кварц и железная порода.

Маньяна трудился во второй бригаде, там, где и Данилов, только в другом звене. Устроиться в то же самое звено, убрав какого-нибудь работягу — означало привлечь ненужное внимание. Гангстер сразу мог уловить, что на него идет охота, и скрыться — вынюхивай потом его по марсианским темным углам. А то и сменит личину по-новой и упорхнет куда-нибудь еще.

В первый день Данилову было в общем-то недосуг заниматься Маньяна-Анпилиным. Он вел здоровую производственную жизнь. Конечно, тоннели прокладывал, прожигал и прорывал здоровенный комбайн, оставляя после себя аккуратные брикеты из вынутой породы. К тому же он прессовал и спекал стенки направленными взрывами, а затем раздувал полиуглеродную кишку. Она прилипала к стенкам, заполняя неровности и трещины и быстро твердела, фиксируя грунт лучше бетона. Потом широкополосный лазер «прошивал» в полиуглероде оптоэлектронные цепи, чтобы мерцали на стенах голографические дорожные знаки и объявления на интерлингве.

Сам Данилов сидел во второй рубке комбайна и пристально следил за тем, чтобы полиуглеродный слой аккуратно ложился на свежие стены тоннеля. Если они, паче чаяния, начинали сыпаться, надо было подзакрепить их жесткими металлокерамическими скобами. Еще ему вменялось приглядывать за тем, как лазерный свет «прошивает» полиуглерод, и если что-то не так, менять частоты, фокусировку и «перешивать».

Ну и вдобавок мастер смены, зануда, без устали выдавал Данилову непрерывный поток наставлений, гнусаво лопоча в допотопный токер.

Мастер задержал Данилова и после окончания смены, заставив «перешить» участок стены метров в сорок. Когда особист бросился искать бандита, тот уже был наверху с важной

сверхурочной работенкой — столбил участки для будущих лифтовых и аварийных шахт. Так что пришлось вернуться обратно, если точнее в стойбище.

После окончания смены работяги разбивали индивидуальные жилые модули в готовой части тоннеля и занимались кто-чем. В основном «оттягивались» чисто по-пролетарски, засунув в разъем за ухом кристаллочип с каким-нибудь игровым софтом. Софты были в основном левые — из закрытых зон. На Марсе закрытых зон, слава Гольдманну, пока не было, но простые тоннелеукладчики (в отличие от соларитов) открыто тянулись к чуждой культурной продукции.

Поэтому ныне и присно их топорные кибердвойники носились среди мимиков дворцов, борделей, отелей, пещер и других помещений, в которых стояли сундуки с блестящими сокровищами, рычали злые жирные драконы или лежали с томными вздохами круглозадые принцессы. А если работяги уставали отдыхать в игровой сенсоматрице, то добродушно матерясь, устраивали тараканьи бега (эти твари вырастали у заботливых людей до пяти сантиметров), или толковали о том, как их затрахало выполнение долбанного плана.

У некоторых камрадов глаза были такие «спелые», словно они только что пропустили нокаутирующий удар в челюсть и поцеловались с полом. Но скорее всего это пускали сок вшитые в ткани микрокапсулы с каким-нибудь дешевым суррогатным опиатом, или синтетическим хэшем, вроде тетрагидроканнабинола. Впрочем, явись сейчас с облавой токсикологическая команда из Службы Общественного Здоровья, все глюкокапсулы вместе с их содержимым будут немедленно расщеплены доблестными нанозащитниками организма.

Никакие напарники и сотруднике не могли помочь Данилову — только одиночество и скрытость способствовали в этом розыскном деле. Благодаря психопрограмме Данилов мог легко вжиться в любой образ, хоть каннибала. Вжился он и сейчас, но при этом ощущал все время странное удивление. Он стал удивляться тому, как живут люди за пределами солнечных городов.

Что же получается: солариты пользуются давно отлаженными производственными и проектировочными системами с дублированием и триплированием надежности. Твори — не хочу. А если не заладилось, то творческие успехи легко изобразить, устроив шумиху в сетевом пространстве с рекламными клипами насчет «величайших достижений» и виртуальным вручением премий где-нибудь на вершине Эвереста при миллиардной аудитории.

В тоннелях, шахтах и на плантациях вряд ли получится что-нибудь подобное. Здесь новейшая техника, созданная в соларитских лабораториях, зачастую фурычит кое-как. Здесь все кропается и кромсается на живую соплю. Здесь надо идти за сверхсовременным комбайном и добивать молотком. Отнюдь не гладко и чисто получается у машин, пусть они и элементы великого Киберобъединения, которое посылает свои сверхразумные команды с невообразимой быстротой по решетке спецсвязи. Все делается согласно велениям бесконечно мудрых гиперкомпьютеров, и тем не менее что-то непременно сбоит, ломается и идет через жопу.

Торопливо бегут трещины и вздутия по только что проложенной стене, откуда-то капает кислота на макушку, прохудился санитарный блок и примитивно несет говном, тянется зеленая сопля из носа работяги…

На второй день, после окончания смены, когда Данилов едва отделался от зануды-мастера, Анпилин-Маньяна уже припахался на проверку подстилающих пород с помощью гаммаспектрометра.

Низ — это вам не верх, так что можно было поискать гангстера по штрекам. Данилов, взяв дополнительный аккумулятор и пакет с дыхательной смесью, отправился на «прогулку», но не прошел и десяти шагов, когда к нему подкатило трое работяг из его звена.

— Слушай, малый, где ты раньше работал? Что-то ты обращаешься с комбайном, так же ловко как девчонка-целочка со старым мудаком. — прогундосил самый старший из них, могучий, с позолоченной прядью в бороде. Правда, когда Данилов отключил от себя его мимик, тот превратился в пузатого довольно потертого мужичка.

— Конечно, я же на Фобосе вкалывал в грузовом космопорте. — стал отбрехиваться Данилов согласно своей легенде. — Третий терминал. Это стеллажные склады плюс трубчатые причалы. В них влетают, что твой хер, коробчатые контейнеровозы, а вдоль ползают козловые краны и утаскивают контейнеры в складские ячейки. Улавливаешь? Вот я сразу с пятью кранами управлялся. Я и на навалочном причале работал, там стаккером командовал, это такой перегружатель для сыпучих…

— А чего уволили-то, если ты специалист весь из себя? Уж не по собственному ли желанию? — спросил средний по возрасту, но самый высокий, с длинными пальцами, похожими на гвозди, и с каким-то жеванным лицом. Хотя мимик придавал этому работяге вид перезагорелого и перекачавшегося Геркулеса, был он явно из числа «мутных». Почему кибероболочки инкубаторов таких типов

не отбраковывают?

В вопросе липового Геркулеса содержался подвох. «По собственному желанию» увольняли только стукачей и информаторов, которых Главинформбюро перетаскивало на новое место службы. Остальные, чтобы перевестись, добивались всяких справок от врачей. Никому не позволялось самовольно бродить туда-сюда по космическим рабочим поселкам.

— Айболиты рекомендовали повышенную силу тяжести, чтобы мне не рассыпаться; проблемки с кальцием, так что — переводка по медицинским причинам. — объяснился Данилов.

— У нас, кстати, все должны «прописываться». — сказал приземистый красномордый дядька, обходящийся без всякого мимика, и протянул фляжку с противным белковым запахом, ну просто гнилая сперма. — Вот этим. Ты, брат, не граф, так что никаких исключений.

— Сегодня не могу. Дерьмово чувствую. — Данилова и вправду замутило. — А завтра все чин-чином сделаю.

— Ну сейчас мы тебе самочувствие вмиг наладим.

Один из этих алкашей проклятых сразу заехал Данилову в физиономию, но тот не мог показать, что у него реакция и навыки особиста, прошедшего школу Борибабина.

Данилов лишь слегка крутанулся и подставил вместо челюсти плечо. Все равно мало не показалось. И драться пришлось с напускной неуклюжестью. Из-за это получил ударов больше, чем за весь последний год.

Особист уложил высокого хуком в челюсть, свалился под кулаком красномордого, но следом подсек его, зацепив ногой за лодыжку.

Когда все изрядно извалялись, «златобородый» дал знак, чтобы Данилова больше не трогали.

— Ладно, ладно, прописался, новенький. Давай только без обид. Можешь звать меня «батя».

Данилов поднялся и сплюнул кровь — тьфу ты, отделали как щенка.

— Тут, батя, во втором звене Маньяна есть такой. Как бы нам повидаться.

— Зачем тебе этот клоп Маньяна? — спросил красномордый.

— Мы с ним вместе вкалывали на Гаспре. Это в Поясе.

— Не думал, что у него такая обширная трудовая биография, он ведь тоже неумеха вроде тебя. Вызови его токером или пошли ему «таракана» с письмецом.

— Понимаешь, я хочу, чтобы это был сюрприз. В жизни всегда должно быть место неожиданности. — растолковал Данилов.

— Ага, чтобы он обосрался с испугу. — «батя» заржал совсем

как конь. — Подозреваю, что он задолжал тебе пару соларов или увел у тебя маруху. Такой ведь жук, сразу видно. Ладно, подойди через полчаса, я попробую выманить его из шахты.

Пожалуй это был наиболее надежный вариант. Данилов вернулся в свой жилищный блок, умылся с помощью квазиживой мочалки-грязеедки, разобрал и снова собрал свой импульсник. Потом его навестил мастер, который долго развивал тему про каких-то тварей, похожих на кляксы и бульбы, которые якобы водятся на Марсе — насилу выпроводил его. Чертов мастер был коммунаром из низовой ячейки Актива и явно предпочитал витать в облаках вместо того, чтобы заниматься улучшением морально-информационного облика своих подчиненных.

А когда Данилов собрался уже отчалить на встречу с Анпилиным, случился толчок. В токере сразу послышался голос центральной сейсмологической службы.

— Район Лабиринтис Ноктис. Квадрат 3а8, зафиксирована сейсмическая волна, 14 полубаллов по шкале Фензеля, предположительно смещение слоев грунта, производится проверка вулканической активности и возможного движения воды.

Вулканическая активность в Валлес Маринерис за все время наблюдений, начиная с 2003 года, была чрезвычайно низкой. Но ведь что-то же породило эту циклопическую систему каньонов. И это «что-то» обладало чрезвычайной мощью. Горячая мантия на Марсе лежала куда глубже, чем на Земле, но если уж лава прорывалась наружу, то просто взрывала толстые слои льда.

Колоссальные потоки кипятка и пара оставили после себя невероятно красивые каньоны., Если кто-то на Марсе и проживал во времена таких катаклизмов, то мог легко получить травмы, несовместимые с жизнью…

После толчка Данилов своим служебным умом сразу помыслил об Анпилине. Он там ниже на сто метров. А если все — его происки? Этот гад мог уже опознать особиста, затем подыскать приличный ледовый пласт и импульсной бомбой испарить его.

Данилов двинулся к створу шахты. Здесь, в главном тоннеле, давление воздуха было достаточными, чтобы ходить без дыхательной маски, поэтому особист услышал кое-что. Он услышал шипение. Именно такой звук производит вода, взаимодействуя с перекисями. А перекисей в красноватом марсианском грунте — более чем достаточно.

Тоннель качнуло еще раз и он увидел людей из рабочей смены, которые неслись как беговые тараканы в его сторону, бросив к чертям собачьим дорогостоящий комбайн. А потом

полиуглеродная стена в нескольких местах стала трескаться словно крекер.

— Тикай, мудила, шухер нешуточный, — закричал откуда-то мастер по радиоканалу, а даниловский джин, вернее джинов модуль безопасности, придурочно советовал немедленно подняться на поверхность и вызвать марсолет.

Данилов бросился «тикать», сзади кто-то тяжело топал, спереди тоже мелькали грузные задницы, до подъемника было ровно сто пятьдесят метров двадцать три сантиметра, как сообщил услужливый джин. Но от этого легче не становилось.

Для сгущения атмосферы ужаса и мрака тоннель словно ушел в сторону и Данилов, утратив почву под ногами, шмякнулся оземь, а следом послышался мощный объемный шум — так бьет вода вперемешку с песком. Увы, с той стороны, где находился спасительный подъемник, перла грязевая волна. Данилов метнулся вслед за какой тенью в штрек, который из-за своей незначительности отсутствовал на план-карте.

Люк зрачкового типа раскрылся перед особистом, а затем прилежно закрылся сзади. Данилов пополз, вернее запрыгал как лягушонок по наклонной, пытаясь сориентироваться с помощью инфосканера. Но тот улавливал только разлетающиеся обрывки суматошных радиообменов. Люди вопили от ужаса, кто-то уже надолго замолчал, управляющая система Тоннелестроя, похоже, не въезжала в ситуацию, а центральная сейсмологическая служба явно зачитывала лекцию по основам марсианской геологии.

Дескать, наблюдается не слишком мощный подъем лавы на юго-востоке района Павонис Монс, которым однако нельзя объяснить сильное смещение пластов и таяние ледяного слоя в системе Лабиринтис Ноктис.

Данилов драпал по штреку, который джин так и не смог отыскать ни на одной доступной карте, большинство же остальных тоннелей сейчас было закрашено серой мутью — никакой информации оттуда не поступало.

Штрек основательно тряхнуло и Данилов стал куда-то проваливаться вместе с потоками реголита — хорошо хоть биополимерная маска успела обхватить голову. С последним криком СОС напрочь исчезли радиоканалы, а заодно и вход в решетку суперсвязи.

Данилов шлепнулся в бурный грязевой поток и понял, что здесь, в чреве у Марса, не то, что его утонувшее тело, сам чип Фрая вряд ли отыщется. Но совесть его внушительно произнесла: «ЧИП ФРАЯ НЕ УНИЧТОЖИМ, ЕГО НЕВОЗМОЖНО ПОТЕРЯТЬ. ВЕЛИКОЕ КИБЕРОБЪЕДИНЕНИЕ ТЕБЯ НЕ ПОКИНЕТ, ЕСЛИ ТЫ НЕ КИНЕШЬ ЕГО», и сразу полегчало. Не истребим, вот так вот.

Несмотря на благие мысли, Данилова долго вертело, бросало и тащило. Когда голова наконец вынырнула из потока, перед глазами замелькали кляксы. Они были глянцево-черные, спокойные, не смотря на всю круговерть, и объемные, если точнее бутылкообразные. Боровшийся за плавучесть Данилов все же проверил, не повреждены ли зрительные нервы, не подсажен ли в зрительный центр хаккерский нейроинтерфейс. Тест показал, что нервная ткань не тронута порчей, однако же и кляксы никуда не желали исчезать. Уж не те ли это твари, про которых лопотал мастер-зануда?

Одна из них вдруг опустилась на него. Руки, ноги и тело перестали взаимодействовать с чем-либо. Глаза и уши — видеть и слышать хоть что-то. Зависли нейроконнекторы джина, подключенные к слуховым и зрительным нервам.

Потом зависание рассосалось и джин радостно сообщил, что у него произошел сбой хронометра. Куда-то подевалось две минуты — как марсианской мухой слизало. Инерционный датчик эти две минуты также отчаянно сбоил и как будто показал, что Данилов вообще исчез из нормального пространства-времени.

А когда он «вернулся», то оказался в подземной вернее подмарсной полости. Там он сидел по шею в глубокой луже. Это место казалось похожим на пещеру, которых немало на Земле, но на Марсе — раз-два и обчелся, слишком рыхлые неустойчивые здесь породы.

Да и просто ли это пещера? Данилов выбрался из лужи на относительно сухое место. Какая-то симметрия проглядывается в сводах. В марсианских пещерах не бывает сталактитов, а здесь они были, напоминая по виду лопнувшие перепонки, а по регулярности — колонны.

Данилов прошел вдоль одной из пупырчатых стен. И впечатление такое, что он видит ниши, в которых стоят изваяния.

Если точнее здесь выставлены скульптурные группы, изображающие насекомовидных существ по одиночке и в скоплениях.

Но скульптуры же это скульптуры! Сделанные не из трухлявого реголита, а из какого-то материала, напоминающего металлокерамику.

Да тут просто развернута постоянная выставка на тему «Разумные марсианские пауки в труде и быту».

Неужели великий марсианский народ состоял из вот таких несимпатичных тварей? Хотя как посмотреть, некоторые — вполне приятной наружности.

Пауки жили неспокойно, они ловили друг друга лентовидной паутиной, потом то ли впрыскивали яд, то ли зачаровывали

колдовскими силами. Они выхлебывали телесные соки из поверженных противников, так что от тех оставалась одна шелуха, хитиновая скорлупка. Что это было — борьба за самку, спорт, жестокая война, террор правящей клики, буйство толпы или изощренная гастрономия?

На некоторых барельефах победитель выстраивал побежденных в длинные шеренги и высасывал всех по очереди. Причем несчастные жертвы как будто даже радовались этому и поздравляли победителя с заслуженным успехом.

На другой стене изваяния и барельефы демонстрировали, что для всей паучьей цивилизации настали худые времена. В пауках завелся какой-то паразит. Марсиане вначале тощали, потом разбухали и лопались. Из паучьих останков наружу выходили существа, напоминающие бутылки.

Бутылочники как будто выедали пауков. Бутылочники пауков расщепляли и расслаивали. Даже взрывали. Чего только бутылочники не делали с пауками. И бедолагам-паукам нечего было противопоставить вражеской орде: ни симметричный, ни ассиметричный ответ.

А вот еще одна «вершина» падения.

Судя по этой скульптурной группе одни марсиане приносили других марсиан в жертву наглому бутылочнику, как идолу. Налицо прямо-таки поклонение коварному врагу…

Цивилизация пауков завершилась на жалкой ноте «ля».

Паучьи правители принесли всех своих оставшихся подданных в жертву бутылочникам, после чего сильно заскучали и скончались, приняв инсектицидного порошка. Инсектицид просыпался с неба в качестве безвозмездной гуманитарной помощи от бутылочников.

Последнее изваяние явно представляло из себя скульптурный автопортрет последнего паука, мужественно принимающего яд, который насыпан в стоящее перед ним блюдечко…

А не исчезли ли пауки-марсиане со света для того, чтобы очистить место для нас, людей. Ну, в смысле, повторили судьбу динозавров. Мы все-таки как-никак венец творения?

Возвышенным размышлениям и всей экскурсии быстро настал конец, потому что лазерный импульс прожег древнее изваяние всего в двух шагах от Данилова.

Потом пришлось прыгать и скакать, увиливая от «горячего блюда» температурой в десять тысяч градусов Цельсия.

Анпилин. Он самый. Почти не различимый в дальнем конце зала, заваленном обломками, прикрытый мимиком человека-невидимки.

А без мимика становился он вертлявым гоблином. Об этом и

в его досье написано — ловкостью гражданин Анпилин обладает чрезвычайной, обезьяньей, как настоящий боевой мутант времен дореволюционного МетаВеба.

«Только откуда мог взяться настоящий боевой дореволюционный мутант в эпоху Великого Киберобъединения? Даже если сделали его в левом клоноинкубаторе, куда потом смотрели наноботы-надзиратели берлинского гипера? — спросил сам себя Данилов и остался без ответа.

Импульсник Данилова был снят с предохранителя и стрелял сейчас с мощностью четыре киловатта среднефокусированным пучком, высекая красочные фейерверки из стен пещеры. Но пока без особого успеха.

Джин разрядил солидную порцию микрокапсул с никотином-плюс. Все как будто стало отчетливое и ближе, даже запульсировало в такт участившимся сердечным сокращениям.

Замечен скальный выступ, почти карниз, проходящий на высоте двух метров от «пола». Неподалеку от выступа что-то вроде сталактита или колонны, сильно похудевшей посредине. Если успеть добежать до колонны за полсекунды, то Анпилин потеряет его из виду и засуетится. Если запрыгнуть на этот выступ, оттолкнувшись от колонны, то противник хорошо откроется.

Мелкий, но гнусный враг жиганул лазерным импульсом чуть ли не по спине, пока Данилов бежал к колонне. Однако особист успел «оторваться» и запрыгнуть на карниз. А потом, между камней, заваливших южный угол пещеры, стал виден приличный кусок Анпилина размером с котлету. Котлета тут же была поджарена. Но гангстера спас панцирь лучевого поглотителя.

Анпилин не погиб, но занервничал, он выскочил из-за камней и побежал в сияющем панцире к какому-то укрытию. Не добежал, голубчик. Ноги отлетели под ударом даниловского импульсника. Однако бандит еще управлял болью, он показывал фигу и одновременно направлял дуло своего импульсника на особиста.

Следующий десятикиловаттный выстрел уничтожил Анпилина. Тело его сгорело на три четверти, труха вылетела через трещины в панцире, брызнувшие, ошметки прилипли к стене.

Особист приблизился к уничтоженному врагу народа.

От того уцелело примерно пол головы и левая рука. Анпилин мог быть или боевым мутантом, или человеком, страдающим прогерией. Острый почти птичий носик, лысая головенка, тощая лапка. Может, направленная искусственная мутация и базировалась на генах, ответственных за прогерию. В самом деле — эта болезнь ведет к ускоренному старению, но заодно и к

ускоренному развитию.

Данилов мог полностью испепелить то, что осталось от Анпилина, но почему-то не стал делать этого. Имелся какой-то оттенок жалости к этим отбросам бытия. Почему-то не хотелось с рычанием хищника превращать их в стопроцентный порошок.

Данилов сделал еще шаг к останкам, чтобы наклониться и выколупать капсулу Фрая, но не тут было. Неожиданный грязеворот поглотил бывшего Анпилина со всеми его «примочками».

Данилов, ойкнув, отшатнулся от густой чмокающей грязи, поскользнулся, упал и неожиданно оказался в окружении бутылкообразных кляксочек. Именно эти как будто невинные создания с десяток миллионов лет назад буквально разорвали в клочья марсианскую паучью цивилизацию. Поверхность у бутылочников была какой-то нереальной, очень черной, очень гладкой, слегка мерцающей. Словно являлись они каким-то голографическим трюком.

Марсианский черт дернул Данилова поднести палец к одной из этих штук. И не донес на десять сантиметров, но бутылочник уже удлинился, уже присосался и мигом втянулся вовнутрь. Внутрь Данилова. Никаких неприятных ощущений, но и приятных тоже. Ах, как он стал сокрушаться. Ему ведь предстояло быть фактически беременным и разорванным размазанным страшной тварью, он должен был повторить судьбу миллионов невинных марсиан.

Но, по счастью, бутылочнику что-то не понравилось внутри, он нежданно-негаданно надулся на кончике другого пальца, а потом слетел с него и успокоился в куче своих товарищей, хотя и стал крупнее размерами.

Итак, какое-то существо прошло сквозь тело Данилова. Джин через органосканер зафиксировал лишь повреждения незначительного количества протеинов да умеренное падение гемоглобина и сахара в крови. Не исключено, правда, что бутылочник совершил нечто пока неопределимое в организме Данилова. Но особист с помощью психокода стер лишние переживания из своего мозга, чтобы сконцентрироваться на главном.

Грязеворот, поглотив останки Анпилина, стал распространяться вверх и вширь, распространяя густые клубы пара. Он был опасен, но уже как-то буднично. «У НАС НИКОГО НЕ ЗАБЫВАЮТ И НИКТО БЕССЛЕДНО НЕ ИСЧЕЗАЕТ», дежурно поддержала совесть. И в самом деле, командир, ответственный за исчезновение чипов Фрая своих солдат, получает «вышак». Точно также, но в свое время древние греки казнили и самых успешных

стратегов, если те не смогли предать ритуальному огню тела своих погибших бойцов, всяких там гоплитов и архимандритов.

Вся пещера вибрировала, подвергаясь ожесточенному напору горячих полужидких масс, со сводов через многочисленные трещины сыпался реголит.

Данилов мужественно искал пути отступления и не находил их. Предстояла не загадочная гибель от таинственных тварей, а обычное захоронение живьем. Какая-то каменюка, долбанув по загривку, сшибла с ног, по беспомощно распростертому телу реголит лупил крупными и мелкими комьями как очумелый садист. Скоро, скоро переломает все кости и сдавит легкие так что…

Но джин работал, он искал контакты. Он искал выходы. И не зря — кажется, нашел. Какая-то аварийно-спасательная система пробилась к Данилову. Оставшееся в наличии пространство стало заполняться быстро растущими монополимерными пузырями. Очевидно они замедляли падение свода и наступление грязи. Но не останавливали. Когда потоки мокрого реголита уже были готовы утопить Данилова, какая-то биосинтетическая змея, мало отличимая от настоящего сетчатого питона, схватила его, обвила и куда-то потащила.

9. «Задушевный разговор»; Марс, солнечный город Свободобратск

Ночь он провел в тарсиском рекреатории, где ему выправляли функционирование кое-каких органов и общий метаболизм. Широковещание сообщило о недавнем происшествии лишь то, что случилась подвижка грунта в районе Лабиринтис Ноктис, вызвавшая незначительный ущерб. «Количество тоннелепроходчиков, закончивших *старую жизнь*, уточняется».

А на следующий день Данилов уже играл в мяч на фоне горы Олимп, также и в поло, обсуждал картины и скульптуры, выполненные в стиле неомонументализма — все, как принято у порядочных соларитов. Что представляли из себя картины и скульптуры, на самом деле было неизвестно, но мимики, выполненные одаренным четвертым гипером по кличке Афродита, впечатление производили.

Следующую ночь Данилов провел у себя дома, среди мраморных стен и колонн. Он знал, что только благодаря мимикам одна единственная комната превращается то в атриум, то в портик с видом на голубое море, то в длиннющую дворцовую анфиладу. Надевай халат а-ля хламида и разыгрывай из себя Платона с Цицероном. Но сегодня Данилов с помощью левой программки отключил все мимики на пятнадцать минут — дальше было бы небезопасно — и как будто даже отдохнул среди голых предельно серых металлокерамических стен.

А когда включил и снова сидел в атриуме, наблюдая как плещутся серебристые рыбки в розовомраморном бассейне, то вдруг увидел крысу — она пробежала из угла в угол и даже опрокинула и разбила амфору. Амфора, к сожалению, вернее к счастью, была мимиком, поэтому ущерба не случилось. Конечно же, и крыса являлась мимиком, только левым, антиобщественным.

Но кто мог ее запустить? Свои — предупреждая о чем-то, или чужие — чтобы запугать? В любом случае, это было неприятно. С помощью инфосканера Данилов прощупал всю кибероболочку своего жилища, на всякий случай поискал органосканером флору-фауну, чем черт не шутит, но нашел только пару ленивых мух. Проверил сканерами свои собственные мозги, вдруг в них сидит заноза диверсионного психокоммуникатора. Но и серое вещество было в норме.

Данилов беспомощно опустился на лежанку-массажистку и

стал убаюкиваться левым софтом, который остался у него от командировки в Лабиринтис Ноктис — «батя» подарил. Даниловский джин превратился в серого Волка, более похожего на вурдалака, который бегал лесом за Красной Шапочкой, мощной девахой в баварском стиле.

Информационный Данилов не успел догнать бедно и недостаточно одетую девушку, потому что физический Данилов уснул.

И снился ему клонопитомник и киберняня «Василиса», которую он почему-то считал мамой. Василиса была ласковой, никогда не наказывала его электроразрядами — этим занимались другие, у нее был большой налитый теплой водой живот, к которому так хорошо было прижаться и забыть ненадолго обо всем…

А когда Данилов проснулся, левый софт уже отыграл свое, оставив в зрительном поле какую-то серую мглу, сквозь которую смутно проглядывали мимики комнаты.

Внезапно мгла была прорезана острым потоком света и появилась «гостья». Первым делом она отсекла его джина, потом ее зелено-голубые глаза виртуально, но очень впечатляюще приблизились к его лицу.

Данилов почувствовал сладчайший поцелуй. Гостья была супермимиком высокого класса, интерфейсом высокочастотной джини. Ощущения, мало отличимые от реальных, поступали от рук, ног, кожи, губ… Ну, конечно-конечно, просто это киберсенсорные объекты вливаются через нейроконнекторы — но в объятиях Данилова находилась как будто гладкокожая женская телесность. Уже поплыл тестостерон… Еще не хватало совокупиться с каким-то суккубом, сварганенным хаккерами на «Кибальчиче». Тем более хаккеры еще запечатлеют все это позорище и потом будут радостно шантажировать оплошавшего особиста.

— Да откуда ты, черт тебя дери, взялась? — скорее уж для проформы спросил Данилов, который был в принципе не против, чтобы кибергостья умело чмокнула его еще раз.

— «Черт меня дери». Черт тут тоже, наверное, поучаствовал, — промурлыкала призрачная кибердама сочным умело смикшированным голосом.

Ночное море. Световая тропа пролегла по нему, нежные лучи луны стали ажурное лестницей в небо. Не в то небо, куда со смрадом и тряской летят космические грузовики, а в небо иной возвышенной жизни. На волне серебрилась пена.

Все мимики были искусно исполнены и сплетались в органичную сенсоматрицу.

Джини взяла Данилова за руку.

— Пошли со мной. Не бойся, цел останешься.

И после такого «крупного» обещания Данилов двинулся вслед за ней по зыбкой морской тропе, а потом все выше и выше…

Он, конечно, понимал, что движется по сетевому пространству лишь его джин, но сенсоматрица захватывала его полностью, нейроконнекторы были загружены на всю катушку. Возможно капали на мозги и какие-то балдежные нейростимуляторы, но оттого, что кибердвойник был забит под завязку чужими программными модулями, зависли и органический сканер, и наномонитор.

В пути гостья опять приблизилась к нему, джини входила в него всем своим виртуальным телом, и это было приятнее всех известных сексуальных процедур.

Они возлежали на серебристых облаках как на желе-матраце, и джини волной проносилась по его информационному телу и заодно по его плоти, наполняя позвоночник сладковатым жжением. Чертова Лилит. Интересно, стоит ли колом то хозяйство, что обычно болтается между ног? С каким кайфом хаккеры зафиксируют все это безобразие.

— Слушай, красотка, — наконец завозмущался Данилов, — бесплатного блаженства не бывает, если не считать секса по телефону доверия. На молодого бога, вызывающего сильные эмоции, я не похож. Тебе чего от меня надо?

— Только преданности. А получишь ты от меня бессмертие.

— Я и так его имею. Чип Фрая…

— Чип Фрая — это штучка для оживления биороботов. Для настоящего бессмертия нужны огромные ресурсы, нужно настоящее освоение решетки. Бессмертие — это ведь бессмертная душа, в которой заключена вся вселенная. Неужели ты думаешь, что всю вселенную можно втиснуть в чип Фрая, ну еще в твоего резервного джина на берлинском гиперкомпьютере, и в твой персональный каталог на пекинском гипере?

Я должна родить дитя, которое проложит дорогу в Ад и покорит его. Ты понимаешь, что я говорю о глюонной решетке. Но, чтобы родить его, мне нужны новые источники силы. И твоя помощь, котик…

«Чтобы делать такие масштабные заявления, нужно быть минимум божеством, хотя бы кибернетическим. — подумал Данилов. — Конечно, всерьез их может принять только лоботомизированный кретин».

То ли психическая атака подходит к концу, то ли Даниловский джин наконец управился с агрессивными модулями атакующей джини, восстановил контроль над

нейроконнекторами, прорвался к мозгу особиста и испросил согласия на полное стирание чужих мимиков и выход из чужой сенсоматрицы. Данилов, конечно, дал свое «добро», хотя не очень-то и хотел, то есть хотел далеко не всеми фибрами своей души.

Чужие мимики стали размазываться и таять как мороженое.

— Поможешь мне и обретешь настоящее бессмертие в настоящем Элизиуме. — сказала киберпризрачная дама, махнула ресницами, и исчезла.

А Данилов испытал тоскливое ощущение падения — словно сорвался в пропасть.

В конце полета растаяли потемки левого игрового софта и вновь прояснились знакомые мимики комнаты. Поизучав системный журнал джина, в котором почти не запечатлелись подробности кибервторжения, Данилов понял лишь одно, что предстоят испытания, которых он еще никогда не знал. И почему все эти «радости» одному ему? Похоже, он стал пешкой в большой игре — так капитально захватить его джина смогло бы лишь чудовищное творение самых крутых хаккеров. Но что им нужно от мелкого особиста? Или же… жутко помыслить, этот захват мог провести какой-нибудь гиперкомпьютер. Например, для проверки благонадежности и верности камрада Данилова. Почему его подозревают? Что в нем не так?

На глаза сами собой навернулись слезы, неконтролируемый комок пережал горло…

На седьмой день Данилова вызвал глава Отдела Особой Информации. Данилов хорошо знал этого вышестоящего камрада, они часто играли вместе в мяч и поло. Они баловались мячом еще вчера и мирно общались на эсперанто-4. Но сегодня надлежало придти к Фридриху Ильичу как к большому начальнику. И не только в виде джина, но и живьем во плоти — промчавшись по пневмопроводу. Кстати, транспортная труба так сильно напоминала канализационную, что это не мог скрыть никакой мимик.

Разговор камрад Сысоев сразу начал на грубом русском-2.

— Так ты, Данилов, говоришь, что твой дружок Анпилин скопытился.

У Данилова заныло где-то в груди, он понял, что начальник подцепил его на свой длинный коготь.

— Ну да, лично прикончил стервеца. От него осталось лишь кучка малоаппетитного дерьма. У вас же есть видеозапись.

— Есть, есть. У меня много чего есть. — значительно произнес Фридрих Ильич. — А это тогда кто? На дерьмо похож не больше, чем мы с тобой.

И между собеседниками прошелся голографический Анпилин.

— Запись-то не старая ли, Фридрих Ильич? И вообще за этим есть какое-нибудь живое тело? — проговорил Данилов слабеющим ртом, чувствуя уже разверзающуюся под ногами яму.

— Это свежак. Видеозапись сделали с пару часов назад на Весте, в космопорту. А насчет отсутствия живого тела обижаешь — с натуры сделали. Уж я, конечно, по всем параметрам запись проверил, не монтаж ли, не мимик ли, не фотокарточка ли с «пластилина», есть ли совпадение по «отпечаткам» ДНК. Сам понимаешь, папиллярный рисунок и узор радужки Анпилин изменил под свой новый мультипаспорт.

— А если просто дебильный клон, без капсулы Фрая? Допустим, анпилинские дружки вывели погулять «чушку», так сказать для оказания на нас психологического давления.

— Никак не скажешь, что это «чушка», судя по тем штукам, которые Анастасий уже успел отмочить на Церере. Там его, как ты понимаешь не опознали, ну и мальчик порезвился. Я бы, сказал, демонстративно порезвился. Постирал половину мимиков в тамошнем солнечном городке и вместо беломраморных дворцов народ теперь зрит отвалы с хондритовой породой, отчего все блюют и стреляются…

Кабинет Сысоева, вернее мимики кабинета, не походили на те стандартные образы, которые приняты в солнечных городах. Ни тебе осточертевших атриумов, портиков и вида на агору. У Фридриха Ильича мимики изображали что-то вроде традиционного японского жилища — белые плоскости, тени, невысокая мебель, икебана, рисуночки с легкими журавлями и сакурами. Камрад Сысоев явно противился эстетическому натиску Афродиты. И он похоже устал от занудства и однообразия, в котором живут соляриты.

— Я грохнул Анпилина. — поиграв желваками, максимально твердо произнес Данилов.

— Но не уничтожил. Значит, ты не хотел это сделать. — Сысоев отсыпал корма рыбкам в аквариуме — настоящим, не мимикам, что уже жуткая редкость — ни одним обертоном не выдавая своих планов насчет судьбы подчиненного.

Психофейс Данилова молчал, между желанием включить его (и прощупать мысли начальника) и виртуальной кнопкой включения стояла стена.

— По-моему, Фридрих Ильич, в число наших задач не входит полное уничтожение. — неожиданно для себя Данилов добавил. — Может, покажете закон или хотя бы ведомственный циркуляр, в котором начиркано, что подозреваемых надо стирать

дотла без суда и следствия.

Несмотря на явную «борзоту» подчиненного, камрад Сысоев сохранял полное спокойствие и как будто даже доброжелательность.

— Ошибаешься, Данилов. Нам плевать на циркуляры, это все шелуха. Мы руководствуемся разумом. Так что, если надо, мы сжираем врага живьем вместе со всем его дерьмом. И ты Данилов, конечно же, пытался уничтожить Анпилина целиком, но что-то у тебя не сработало. И тут возможно есть моя ошибочка. Самые тошнотворные дела надо поручать парням, которые дольше всего застоялись в сладком киселе солнечного города. Вот, например, Владислав Бергерманн, сейчас он по линии альтернативной истории пробавляется, а раньше был мой кадр — особист. И в резервации Папуа рубил головы смутьянов и носил их на поясе на манер орденов.

— Значит, афинскую толпу утопили в море мы? — спросил Данилов, потому что его неожиданно осенило.

— Их утопил четвертый гипер. Значит это было целесообразно.

— Афродита совершила преступление.

— Гиперкомпьютеры вообще не являются субъектами уголовного права. Надеюсь, ты не тащишь нас в мрачное средневековья, когда по приговорам судов сжигали собак и вешали петухов. Конечно же, я не ответчик за Афродиту, но полагаю, что она спасала мою и, кстати, твою ГДР. Иначе чертовы хаккеры реинкарнировали бы свой бардачный МетаВеб и придурочного Гальгальту впридачу.

Данилов промолчал.

— Ты думаешь, Данилов. И это правильно. — сказал Фридрих Ильич, заботливо кропя из леечки на карликовую березку. Ты уже не так туп, как кажется на первый взгляд. Тебе уже неясно, чем МетаВеб и Гальгальта хуже, чем Великое Объединение и Афродита. Ты меняешься. Твое растущее сознание ломает ограничительную психопрограмму, которую вложили в тебя во время обучения. И я тоже не знаю, нахлебаемся ли мы с тобой горя или ты станешь нашим форвардом. В любом случае, чем выше у нас поднимается парень и чем большими он ворочает делами, тем меньше у него в башке психопрограммных заглушек.».

— И если вы ошибетесь со мной, то мне капец, так что и капсулы Фрая не останется? — спросил Данилов.

— Конечно. Мы играем в эту игру всерьез. — сказал Сысоев, глядя на рисунок тушью, изображающий сплетение «инь» и «янь». А чем нам еще заниматься всерьез? Не знаю, кто эту игру

придумал, Гольдманн или кто еще, но ковырять в носу со скуки не приходится.

Данилов почувствовал, что начальник открывает перед ним дверь на следующую ступень соларитской жизни, может быть, более сложную, но и захватывающую. Однако, держит наготове люк, ведущий глубоко вниз.

— Фридрих Ильич, наше Великое Объединение чем-нибудь отличается от США, КНР, халифата и прочих гигантов, которые произвели много шума, а рассыпались в одночасье, не оставив ничего, кроме мусора?

— Да это всё пирамиды, в основании которых находится лишь один принцип. Больше всех потреблять или больше всех производить, или вытягивать из всех остальных деньги. А у нас нет пирамиды. У нас живой организм, и у каждого органа своя задача.

Прямо посреди кабинета распустился мимик дерева. Похоже, что японской вишни.

— Незнайки-солариты — это, Данилов, корни. И они гордятся своей ролью.

— Вы лучше про людей из закрытых зон, Фридрих Ильич. К ним как-то ботаническое сравнение мне не подобрать.

— И у меня не получается. Это скорее почва. Дело ведь не в их изобретательности, а в том, что они мастерят именно те устройства, которые должны непременно дать преимущество в борьбе за выживание. Ну, а про рабочие поселки ты и лучше моего знаешь — это ствол, ветви. И что интересно, Данилов. Работяги могут бухтеть против начальства, но они имеют свои кредитки, свою жрачку из дерьма, переработанного на наномеханических конвейерах, свои цацки и понты, поэтому никогда не перейдут предела…

Три прекрасные девушки принесли кофе с воздушным печеньем, произведенным в закрытой зоне «Эль-Ниньо», что на Гаспре. При этом Данилов не знал, скрывают ли эти мимики хотя бы одну реальную женщину или же ланч был доставлен железным ящиком на колесиках. А Сысоев не молчал. — …Население резерваций — это те, что кормятся от нашего дерева, так сказать, всякие жучки-паучки. Их у нас немало — почти три миллиарда. В основном, это незамысловатые товарищи с палеосознанием, которые недавно спустились с деревьев и с гор. Пока надо терпеть все эти исламские республики, вудуистские конфедерации, каннибальские содружества. С дикарями сложно. Они все время хотят размножиться сверх всякой меры. Они ничего толком не производят, но любят пожрать. Единственная польза — это то, что они производят много говна, то есть удобрений, которые мы

вывозим цистернами в космос. Аятоллы и шейхи сыграли на руку нашей Гэдээрии, за что им была подарен континент Европа. Но заниматься их перепрограммированием — дело муторное, долгое. Так что приходится держать их на привязи всякими подачками. Однако мы потихоньку врезаем им в мозги нейроконнекторы, кое-кому даже джинов загружаем, а прочих ставим под наноконтроль, так что истерики вроде восстания мудозвона Бен-Беллы больше не повторятся.

— Говорят, что наши наноботы ударили фанатам Бен-Беллы по всем железам, производящим мужские половые гормоны.

— И правильно говорят, Данилов. Все они превратились в эрзац-баб. На мусульманском востоке, где мужчинство в большой цене, это имело большое воспитательное значение.

Тут недавно хохма приключилась в одной арабской местности, где местному населению нейроконнекторы вмонтировалм. Подсоединили их сырые мозги к безобидной зоне сетевого пространства, стали посылать мимики ангелов и святых, которые напоминали ежечасно, что надо мыть руки перед едой и вытирать попу бумажкой, а также проводить на работе не меньше восьми часов в день. Но как будто нашелся там один сверхспособный Ходжа Насреддин, неким бесом нашел коды доступа в библиотеку канонических образов и синтезировал мимик пророка. Тот наглядным пламенем изничтожил наших ангелов и святых, после чего велел не работать и не мыть руки, а вместо того истреблять шайтанов, являющихся с дьявольской красной планеты. То есть нас.

— Так это ж хаккеры подсуетились, Фридрих Ильич, — отозвался Данилов.

— Может быть. Но глюонная решетка, на которой покоится наше Киберобъединение, мягко говоря сомнительная вещь. Мало ли что там может родиться. Чудище какое-нибудь. Ну и хаккеры конечно с ним быстро познакомятся и подружатся… Ладно, мы отвлеклись… Так вот, Информбюро, то есть персонал, обслуживающий Великое Объединение Гиперкомпьютеров. Это садовник, ухаживающий за деревом. А капсула Фрая — это что у нас?

— Не знаю, — честно признался Данилов, которому не хотелось почему-то отвечать строкой из собрания сочинений Гольдманна.

— Это плоды, скажем яблоки, которые на этом дереве вырастают. Яблочки-то не простые, а молодильные. И тогда у нас древо жизни получается. Не хочешь быть полезным и послушным, не получится яблочко отведать, превращайся в мыло и зубной порошок.

И ты после всего считаешь, что МетаВеб, призрачный Гальгальта и шизнутые нанохаккеры могут потянуть всю эту систему с десятимиллиардным населением? Короче, Данилов, если у тебя в каком-то месте заиграло человеколюбие, то нагрузись мыслью, что сто миллионов человек сидят лично на твоей хребтине. Ну как хватит, или еще добавить?

— Фридрих Ильич, спасибо за рассказ. Я узнал кое-что новое. И я понимаю, что это вы все неспроста поведали.

— Ты это новое мог бы и сам откопать, в сети много чего есть…

Ясно, что и доверяет, и проверяет старший товарищ — не раскрепостился ли Данилов больше чем надо, не перешло ли раскрепощение в гниение. Насчет этого и сам Данилов в сомнении. Но сомнение надо зажать в кулачок…

— Вот именно, Фридрих Ильич. Я не люблю копаться в сети, там того и гляди свалишься в зазор, где тебя оседлают хаккеры. Инфосканер у меня настроен только на явные информационные линии и легальные записи… Можно мне идти?

— Стой, Данилов. Ты умеешь хорошо экранировать свои сомнения, у меня психофейс ничего определенного не может засечь. Что ты хотел спросить?

— Вы, наверное, лучше знаете, почему мне не удается размазать Анпилина?

— А никто кроме тебя не виноват, ты не думай ничего лишнего. Гуманизм всему причина. Не соларитский, а абстрактный общечеловеческий, который что-то вроде побочного продукта твоего роста. Но не переживай, я тоже страдаю избытком доброты… Ты, конечно, спрашиваешь про соответствующие психопрограммы — в памяти твоего джина ничего неизвестного тебе. Все, можешь идти.

— А Анпилин?

— Анпилин по-прежнему на тебе. Так что счастливого пути в Пояс. Начни с Весты-1. Это всего каких-то сто двадцать миллионов километров отсюда.

— Есть, товарищ Сысоев. Спасибо великому Гольдманну за нашу встречу.

Когда Данилов покидал кабинет Фридриха Ильича, то в холле он встретил Зухру Эдуардовну, подругу старшего камрада. Дама как обычно посмотрела на него внимательно и отрешенно своими сияющими зелено-голубыми глазами, а затем сказала словно перышками провела по шее, аж щекотно:

— До скорого.

Неужели шизанулась, напоследок подумал Данилов. Ничего себе «до скорого». Хотя глаза ее сейчас какие-то воспоминания

стали пробуждать. Не один ли к одному очи той самой киберледи-суккуба, которая потащила его на Луну? Но неужели Зухра занимается хаккерской проституцией? Или может кто-то использует ее джини? И как сочетается ее древнегреческая монументальность с нарочитым японизмом Фридриха Ильича? Не приставили ли ее к старшему камраду в виде прекрасной надзирательницы?

10. «Забавы весталок и вестанцев»; астероид Веста, солнечный город

Веста оказалось не такой уж крохотной. И не такой холодной, благодаря начинке из радиоактивных изотопов. Поэтому джин рекомендовал Данилову еще пододеть кадмийволоконные кальсоны. До посадки прошло три недели в «маринаде средней крепости» на борту новенького контейнеровоза, выдающего двести тысяч километров в час, и четыре «жэ» на разгоне. Это было хорошо для грузов, но не прибавило здоровья пассажиру. Так что свинцовые круги под глазами, оставшиеся от перегрузок, до сих пор украшали подлинную физиономию Данилова, конечно же скрытую стандартным мимиком. Правда, по дороге физиономия несколько округлилась и раздобрела, поскольку заботливые нанодоктора оснастили особиста слоями высокоэнергетических жиров — на всякий «холодный» случай.

Сама Веста была нынче сплошь солнечным городом, и с десяток лет как добыча радиоактивных изотопов на ней была прекращена. Но в ее окрестностях, особенно в кластере Веста-3, порхала куча обломков, оставшаяся от какого-то железно-никелевого астероида. Здесь витали рабочие поселки концерна Вестаникель, имелась и закрытая зона «Кибальчич», где колымили старатели, долизывая то, что осталось после концерна.

На этот раз новое имя и мультипаспорт беглого бандита были хорошо известны. Анпилин сейчас принял светлый образ «Микиты Доротеенко, представителя концерна Землянаномаш». Сам камрад Доротеенко сгинул без вести во время катастрофы на атомном лайнере «М.Лермонтов», и, скорее всего, от него ни крошки не осталось. Но вот его чип Фрая, джин, мимик и прочая персональная информация стали добычей злодеев-хаккеров, которые и перепродали все это добро Анпилину. Так что, гангстеру оставалось лишь смастачить соответствующий мультипаспорт, подправить папилярный рисунок, радужку и еще кое-какие детали, ну и затем затеряться в сутолоке оживленного вестанского мирка.

В солнечном городе на Весте Данилов сразу ощутил атмосферу провинциальной распущенности. В космопорту его неожиданно встретил оператор местного Отдела Особой Информации, предъявивший мультипаспорт на имя Георга Абеля и предложивший называть его Юрой. У Юры был забавный мимик, вернее глазки у мимика — похожие на мух, тонущих в сливках, потрепыхаются застынут, потрепыхаются… То ли сбоит

картинка, то ли такова местная мода.

По случаю торжественной встречи был составлен план оперативно-розыскных мероприятий — без развесистой кибербюрократии уже не обошлось. Это не понравилось Данилову, но срулить в сторону он не имел права, да уже и поздно было.

Они сидели планировали и просчитывали, пока не пришел какой-то курсант-практикант и не доложил, что разыскиваемый гражданин Доротеенко вылетел на попутном грузовике на Весту-3. Можно было рвать волоса на разных местах, но никто не контролировал местные технологические перевозки даже на Марсе.

Оставалось направить извещение в космопорт Веста-3, чтобы там не забыли включить красный свет пассажиру Доротеенко.

Как и обычно в таких нелепых ситуациях образовалась куча свободного времени. Юра сказал, что челнок в сторону Весты-3 отправляется лишь через пять стандартных часов, так что есть время оттянуться по местному обычаю.

Камрад Абель, конечно, же предложил сходить на традиционную забаву соларитов, на игру.

В «мяч» местные солариты играли на огромной гладкой поверхности, оставшейся после метеоритного удара и разлива лавы по кратеру, так что получалось, что-то вроде футбола на бесконечном поле. По крайней мере от одного «бортика» до другого было километров сто, да и высота каждого из них составляла пять километров. Сам мяч имел размеры с двухэтажный дом, а каждый игрок был «запечен» внутри киборга, напоминающего помесь кузнечика, динозавра и автокрана. «Кузнечики» отчаянно скакали по бесконечному полю, сталкивались как проклятые, вышибая снопы искр, ломали друг другу ноги и лупили по мячу, да так что усвистывал он на многие километры, вытягивая за собой дымный хвост.

Судя по состоянию публики, здесь был ослаблен контроль по части синтетических нейротрансмиттеров и всякой психоделической дряни, доставляющей кучу удовольствия, но, в итоге, превращающей гражданина в расплывшуюся кучу дерьма.

«Расплывшихся» старателей добивают свои же, чтоб «не морочили яйца». Затем все более-менее приличные внутренние органы идут с аукциона. «Расплывшихся» работяг спроваживают в инвалидные дома ГУЖП, где никто долго не протягивает — ходят-бродят слухи, что доходяг там не лечат, а, наоборот, превращают в быстро перегорающие живые установки по производству какого-нибудь гормона — инсулина или там тестостерона. А «расплывшихся» соларитов судят и отправляют в

закрытые зоны. Что дальше — смотри пункт первый. Каждый нормальный соларит боялся разбалансировки, но только не эти кретиноподобные жители космической глубинки.

В куче укромных кабачков Вестобщепита, обрамляющих по кругу колоссальный кратер Олбера, многие камрады ползали и ходили на четвереньках — откушав синтетических опиатов, а то и просто спиртного. Некоторые, лежа на месте, терлись о стены и активно стонали — эрзац-окситоцин производил столько кайфа, что аж дурно и блевотно становилось. Некоторые «торчки», напротив, слонялись с крайне обеспокоенным видом — эти вестанцы перенасытились по части эндоморфина, так что несколько часов кряду от всего будет зверская тоска, хоть в ванной утопись. Некоторые, жуя амфетаминовые конфеты и пуская слюни, конвульсивно плясали и не собирались останавливаться ни на минутку до полного физического истощения — когда их вынесут под глюкозной капельницей. Многие, впрочем, имели изрядные запасы жира под кожей. Упитанные ряхи были скрыты мимиками, но органический сканер свидетельствовал против них неумолимо.

Вестанцев явно не удовлетворяли ни классические игры, ни обычное дрючило — амброзия. И даже мимики у них были какие-то переслащенные, с неестественными пропорциями, так что вместо Гераклов получались Майти-Маузы. Естественно, что весь этот бардак, более подходящий для закрытой зоны, кем-то и зачем-то «покрывался».

У Данилова сложилось впечатление, что целая Веста попала в зазор между сферами различных гиперкомпьютеров. Косвенные подтверждения имелись. В целом за режимом следил одиннадцатый гипер — Арес, но того интересовали, прежде всего, хозяйство, связь, транспорт. У двенадцатого гипера, Чужого, здесь были лаборатории. На Весте долго размещался крупный клонопитомник, находившийся в ведении Афродиты, но потом его прикрыли из-за повышенного радиационного фона и вроде бы какой-то устойчивой вирусной инфекции. Вдобавок тут до недавнего времени находился исследовательский центр под началом седьмого гипера, Брахмана, — один из самых серьезных. Именно здесь работали Миронов, Шац и Киссельман. Ученых осудили и казнили, центр прикрыли. Но и Афродита, и Брахман вряд ли ретировались отсюда.

Камрад Юра Абель затащил Данилова в один из гротов с видом на циклопическое поле, да еще окружил компанией юнцов и юниц, которые более напоминали неопанков из какого-нибудь рабочего поселка, чем цивилизованных соларитов. Благодаря дешевым мимикам смотрелись они кошмарно. У парней мышцы

бугрятся и огненные патлы, закручиваются в смерчи на макушках, у девок буфера как пушки и зрачки щелевидные.

Вестанская девушка с радужной кожей и запахом тления преподнесла Данилову бокал с какой-то жижей. Для экспресс-анализа пришлось джину применить не только спектрометральный модуль, но и монитор нанозащиты. В бокале плескался достаточно хитрый компот: этиловый спирт, расслабляющий букет синтетических нейротрансмиттеров вроде метаботулина, «тормозной» серотонин и эндорфиновый набор для лимбической зоны мозга, ну и палеостим, бьющий по задним мозговым долям, которые, как известно, нам досталась в наследство от всяких динозавров. Вся эта дурь — в концентрации семь милиграмм на литр, что, в общем, терпимо. К тому же Юра сказал: «Не обижай, комсомольцев, давай проще».

Данилов сделал «для простоты» пару глотков из дружеского бокала, но местные солариты постарались, чтобы и этого хватило.

Мяч как будто опух, поднялся вверх и засиял на манер луны, игроки вместе со своими киборгами превратились в букашек, скачущих по крохотной лужайке, а небо вдруг сделалось таинственно фиолетовым.

Грот сплошь покрылся тиной, вестанские девчата стали напоминать крокодилиц с кожей как на портфеле и на удивление это не вызвало отвращения. Они поползли на брюхе к Данилову — что несколько его заинтересовало, но вестанский компот не останавливался на достигнутом.

Кратер обернулся морской лагуной, а прямо ко входу в грот начала подкатываться легкая волна.

Данилов подошел к срезу воды и следующая волна подобострастно лизнула носки его ботинок. Заливая небо бледным аквамарином, вставало солнце, а из воды неподалеку от особиста показалась обнаженная дева. Видел, уже видел он эти зелено-голубые глаза! Но теперь ему было сообщено ее имя.

Афродита! Где-то запищал зуммер тревоги. Четвертый гиперкомпьютер, известный своей динамичностью и напористостью, выставил свой мимик-логотип, да еще такой голый.

Глаза цифровой богини светились ласковым зелено-голубым сиянием, розовые губы дрожали то ли от смеха, то ли от волнения, а нежная кожа в капельках морской воды жемчужно мерцала под робкими лучами раннего солнца. Данилов слыхал о случаях, когда гиперкомпьютеры выходили с кем-то на прямой контакт, но позже Главинформбюро эту практику прикрыло — «во избежание компьютерного анимизма».

— Ну, как ты? — спросила она. — Готов послужить мне по

примеру лучших героев греко-троянского эпоса?

Данилов попробовал собраться с мыслями, проведя концентрацию как перед боем.

— Я твой верный паладин… Афродита. — Ну не называть же обнаженную деву «гражданка гиперкомпьютер». — Однако все они, в смысле герои, плохо кончили, хоть и полубоги.

— А Эней? Он основал Рим. Не хочешь ли стать основателем Рима?

— Я — пожалуйста… но разве Троя уже накрылась?

— Она может накрыться. Ведь Бездна всегда рядышком и нараспашку, а Хаос под стенами наших городов. И либо ты его побеждаешь и становишься культурным героем, либо он врывается в город, крушит и насилует. Все вполне логично, милый мой.

— Хаос уже под стенами? Никогда бы не подумал. Как будто все так стабильно, благополучно, экономика на подъеме…

— Стена проходит везде, внутри тебя и меня тоже. Хаос соблазняет нас, засылает троянских коней, начиненных то свободой, то экстремизмом. Но если он заставит тебя или меня отказаться от Служения миру и городу, то погибнут миллиарды, а оставшиеся будут мечтать о смерти, как об избавительнице от мук…

Данилов почти увидел эти миллиарды, валяющиеся в кустах, в канавах, в тоннелях. Плавающие в цистернах и баках. Плывущие вереницами через космический простор со взорвавшимися глазницами. Нет, он не откажется от Служения urbis et orbis.

— Данилов, во льду юпитерианского спутника дрыхнет одна ехидна, помесь знания и скверны. Спит и видит, как все ей покоряется. Ты проведешь меня к ней.

— Я доберусь до нее, дорогая ваша светлость.

Афродита стала несколько призрачной, сквозь ее черты как будто проступило другое лицо, более земное, близкое, кое-где с морщинками и тенями, но с теми же зеленовато-голубыми глазами, которые он только что видел у богини. Зухра Эдуардовна. Неофициальная жена и официальная подруга Фридриха Ильича Сысоева, начальника Особого Центротдела. Руки ее обняли оперативника и сладчайший поцелуй влился в его уста. Естественные и неестественные афродизиаки мгновенно разгорячили и напрягли его плоть.

Зухра и Афродита — они обрабатывали его вместе, и это у них здорово получалось…

Внезапно, и это было так некстати, лицо Афродиты побледнело, а Зухра Эдуардовна отшатнулась. Из лагуны же вздымалось нечто серое, мало оформленное — то ли призрак, то

ли морское чудовище. Серая тяжелая тень резко приблизилась и Данилов, запнувшись о что-то, плюхнулся на пол.

Все прекрасные образы моментально усвистали за горизонт, оставшиеся мимики безбожно рябили с минуту.

Наконец рябь улеглась, а серый призрак замер, превратившись, словно бы в густой слой пыли на стенах. Данилов лежал на спине, а на него смотрело несколько весталок и вестанцев. Что за паршивые физиономии — зеленые и тупые, наглядное представление будуна. Широченные шеи и какие-то осиные талии, головы совсем крохотные по сравнению с плечами, носы-пятаки, ноги чуть ли не «до плеч», по шесть длиннющих пальцев на руках. Казалось, что их предками были разные вредные насекомые и заспиртованные в музейных банках микроцефалы. Какой-то хаккер изгадил соларитские мимики, доведя их до полной карикатурности!

Или вестанцы такие страхолюдные на самом деле?

Наномонитор вдруг закричал, как оглашенный, что вражескими наноботами прорван первый уровень обороны.

Но не могли же невинные молекулы, попавшие в его организм из дружеского бокала, вдруг превратиться в диверсионные интеллекулы, которые сейчас таранят мембраны его клеток. Господи, откуда эта дьявольская силища? Она не могла вторгнуться в него извне. Это — наноботы его собственной защитной системы! Нанозащитники, которые служили ему верой и правдой с эмбрионального младенчества, предали его!

Данилов видел в окне органосканера, как стремительно ползет по организму сетчатая структура, как разбухает она металлорганическими почками, которые генерируют и выбрасывают в кровь стаи патогенных интеллекул.

Интеллекулы, мерно крутя спиралевидными хвостиками, пиратскими эскадрами плыли по кровеносным сосудам в сторону мозга, разжиженного эндорфинами.

Интеллекулы врывались в клетки соединительной ткани и кожи, блокируя ядра и понуждая рибосомы производить синтез неизвестных белков по фальшивым РНК…

Данилов оказался в полуобмороке, психика от этой массированной атаки пострадала не меньше чем соматика.

Особист с мычанием пополз незнамо куда, хватаясь за что ни попадя. Весталки возмущенно отпихивали его и лупили, чем попало. Он чувствовал, как бьется кожа на его плечах и лопатках — что-то прорастало из него.

Когда погасли окна джина, Данилов понял, что это конец. Наноботы-предатели добрались до его нейроконнекторов. Теперь они возьмутся и за капсулу Фрая.

Он уже не знал, кто и что творит с его телом и мозгами, мускулы почти не слушались его, мысли распались на тупые обломки. Весталки брызнули от него в стороны, как жидкая дрисня, по которой топнули сапогом. Почти лишившийся сознания Данилов помчался как дерьмо по канализационной трубе. В дверь, по коридору, по одному трапу, по другому. Возле лифта угостил кулаком чью-то зеленоватую физиономию, отчего нос-пятак брызнул красным.

Некоторое время спустя Данилов обнаружил себя на просторной площади, скорее всего, местной агоре. Мимики мешались с реальными образами, создавая какой-то компот. Колонны коринфского ордера поддерживали лиловый катастрофный небосвод, сквозь который проглядывала чернота космоса, пульсирующая из-за защитного гравинулевого поля.

На расстоянии нескольких десятков метров от Данилова стояла цепочка мускулистых микроцефалов-вестанцев с плазмобоями, гразерами и другими многообещающими инструментами. Кажется, они готовились уничтожить его как последнюю дрянь. И по-своему они были правы.

«Кибер-р-еволюция лишь тогда чего-нибудь стоит, если умеет защищаться». — так говорит товарищ Феттмильх.

Мельком Данилов ознакомился со своим отражением на какой-то никелированной стене. Он превратился в кактус. Особенно впечатляли шипы на плечах и груди, с металлическим отливом, довольно длинные и тонкие, достаточно острые, чтобы проткнуть комбез изнутри.

Подкожная капсула за счет повышенного давления отстрелила шип. Тот разорвался в воздухе, пустив облачко из синтетических вирусов.

Эти мерзавчики были оснащены солитоновыми буравчиками и ионными движителями, они могли проникать сквозь кожу и пластик, они предназначались для быстрого захвата живых организмов. Такие чумные микроракеты остановит, пожалуй, лишь сплошная броня. Но кто в состоянии за полчаса перегородить жилое пространство города бронещитами?

Поэтому вестанцы чикаться с Даниловым не собирались.

Плазменные вспышки сверкали со всех сторон от бегущей биобомбы. Оставались считанные секунды до уничтожения сверхзаразной гадины. Да и сама «гадина» уже не слишком возражала, поскольку все более осознавала свою вредность для общественного здоровья.

Тем более и совесть сделала решительное заявление: «НЕ ПЫТАЙСЯ СКРЫТЬСЯ ОТ ПРАВОСУДИЯ КАК ПОДЛЫЙ АНТИОБЩЕСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ».

Но Данилов все же удирал, сверкая пятками, как наиподлейший антиобщественный элемент. Перед ним вновь возникла серую муть, та самая, что недавно вспугнула Афродиту. Отчаявшийся Данилов не пытался увильнуть от нее и дал накрыть себя с головой.

В нейроконнекторы проникли слова: «Добро пожаловать. За вход рубль, за выход — три» и наступила мгла, которую прорезали только узкие световые тоннели. Как во сне-кошмаре Данилов двигался по ним, не чувствуя ног. Лишь разок на пути возникла зеленая физиономия вестанца, Данилов хлестнул ее антиорганическим цепом и, сильно загримасничав, она исчезла.

Тоннели представляли собой примитивную сенсоматрицу, загруженную в его джина каким-то киберсубъектом. Не будь ее, ядовитый труп Данилова спокойно бы уже плавал в контейнере с хлоркой.

Она завела Данилова в катакомбные недра Весты, в сектора давно выработанных и заброшенных копей.

Углепластиковая полуразобранная крепежка, рассыпавшиеся рольганги транспортеров, изъеденные кислотной коррозией горнопроходческие машины. Радиация тоже не дремлет, она методично и тупо промывает плоть — пара рентген в час, не меньше.

Веста по сути была первым астероидом, который стали масштабно обживать и осваивать. К тому же она была одним из самых крупных тел в Поясе. За три десятка лет ее просквозила сеть катакомб, подобной которой не было создано на Земле за пять тысяч лет цивилизации. На Весте была отработана технология фабрик-грызунов, которые нынче с завидной методичностью уничтожают астероид за астероидом. В никому ненужный минерал пироксен на Весте были вкраплены весьма ценные радиоактивные изотопы. Ради них и пришлось прорыхлить половину астероида…

Данилов остановился. Вестанцы с гразерами были где-то далеко. Но не менее страшные враги находились внутри его — враги, знавшие его с детства. Однако внутри были и друзья.

Волны дурноты и надсадной боли прокатывались по всему телу, голова просто разваливалась на куски. Окно наномонитора выдавало сообщения с полей «гражданской войны». Одни нанозащитники бились насмерть с другими, применяя все виды микрооружия. Температура тела поднялась еще на градус. Горящим лбом Данилов прижался к безразличному камню.

Но, когда половина из наноботов защиты пала смертью дурных и храбрых, побоище прекратилось.

Пейзаж, а, если точнее, натюрморт, после битвы был неясен.

Джин мучительно тестировал и диагностировал сам себя. Мускулы неприятно пульсировали, боль тянулась по позвоночнику, легкие натужно саднили, желудок ныл. Но шипы исчезли, оставшиеся на их месте язвы уже подсохли.

Минут десять спустя Данилов оклемался.

Наномонитор и органосканер радостно показывали хронику мирной созидательной жизни. Даниловский организм чистили и чинили те, кому это положено. Уцелевшие нанозащитники работали ударно, по-стахановски, под управлением стандартных модулей джина.

Они уничтожали чужеродную металлорганику, расщепляли токсины, ремонтировали нуклеиновые цепочки и белковые фабрики-рибосомы.

На чью все-таки сторону перешли наноботы-предатели? И кто стал командовать обороной тела, после того как «завис» джин?

Черт подери эту серую муть. Она разозлила богиню. И в тоже время она спасла, заслонила его, провела а-ля Ариадна по катакомбам.

Поэтому Данилов до сих пор жив и относительно здоров.

Кто же хотел грохнуть его и кто хотел спасти?

Безответные вопросы надоели. Осталась боль, не острая, но изнурительная, эндорфиновый туман не справлялся с ее напором. Данилов попытался не замечать ее и бежал, карабкался, влезал и вылезал. Но он не мог не думать о том, как все это кончится.

Попробовать связаться с Особотделом на Весте? Пожалуй, не стоит. Не исключено, что камрад Абель морально нечистоплотен, что вестанские особисты — просто предатели, что они работают на… То ли на Анпилина, то ли на серый призрак, то ли на кого-то еще… Выйти на связь с Отделом Особой Информации на Марсе? Это значит открыть себя нараспашку для близких врагов. Надо выбираться самому.

Нить пока неизвестной Ариадны вела Данилова дальше по древним коридорам. Один раз беглецу показалось, что он оказался в глухом тупике, но удалось разгрести залежи из банок с нетленной корюшкой. За завалом была клинкетная дверь и Данилов нечаянно вспомнил диалог из сетефильма.

«— Сегодня Хосе Альберто что-то неважно выглядит, глаза закатил и рот не закрывает.

— Да ничего особенного, просто он вышел не в ту дверь шлюза».

Сегодня, к сожалению, надо было доверять призракам.

Его могло выбросить в вакуум, но за дверью открылся еще один коридор. Он был напоен затхлостью, засыпан битым стеклом, там и сям валялось окаменевшее дерьмо. Казалось,

немного поискать и найдутся кости динозавров.

Здесь было совсем холодно. Ледяной воздух мучил кожу, останавливая мышцы, терзал уши, кусал за нос. Минус тридцать Цельсия. Данилов прибавил обогрева и накинул на голову капюшон — сейчас-то еще ничего, но через полчаса он начнет замерзать по-настоящему.

Путеводная нить неожиданно завела Данилова в помещение типа подсобки. Его занимали два хорошо сохранившихся трупа.

Покойные лежали на стопках распечаток, были одеты в в футболки и казалось умерли от передозировки наркотиков. По крайней мере после смерти они сохранили на окостеневших физиономиях некоторое подобие улыбки.

Скрюченные пальцы одного из мертвецов лежали на клавиатуре допотопного компьютера. В застывшей руке другого был молоток.

Неожиданно древняя дека пискнула, словно покойный обеспокоился и нажал на кнопку «Power». Зашипел вентилятор, зажегся жидкокристаллический экран. Данилов вздрогнул и почувствовал прилив продуктов распада глюкозы, характерный для состояния ужаса.

На экране пробежали цифирки тестирования и возник образ — один к одному тот неряшливый мимик, который вспугнул Афродиту.

Впрочем, образ быстро дооформился и Данилов узнал логотип Гальгальты, известный ему из учебников криминалистики — этакую седовласую помесь Будды и Эйнштейна с лукавой улыбочкой искусителя.

Но экране засуетились смешные ушастые и носатые паучки, изображающие МетаВеб, и Данилову почему-то стало комфортнее.

Как будто заметив это, враг человечества начал свое повествование, выдержанное в профессорском стиле и сопровождаемое треньканьем балалайки — как у какого-нибудь народного сказителя.

«О, я смотрю на хронометре уже 2053 год. Значит, я уже призрак со стажем. Моя полнокровная жизнь закончилась в 2012, хотя и после кончины я какое-то время еще интересовался событиями под Солнцем. Возможно, вы почти ничего не знаете обо мне, хотя в свое время я был знаменит. В любом случае, история привидения покажется вам занимательной.

То, что было прежде МетаВеба, не слишком интересно. Палеолит, неолит, копролит. Это была доисторическая эра, когда люди-дикари, отставив в сторонку топоры и копья, еще только создавали считывающие, вычисляющие и запоминающие

устройства и пытались связать их с помощью телефона. МетаВеб стал первой сетью, где знания были представлены не в виде труднообнаружимых файлов, а как киберобъекты, способные к самостоятельному поиску пользователей.

Гальгальта был создан в фирме «Yahoo Softbank Corp». под чутким руководством Масаеши-внука такими звездами программирования как стокилограммовая Прасковья Ивановна Чандрагупта, ковбоистый Джеф Силли-Кон и горбатый Соломон Абрамович Гершензон, который был еще и хромым. Кстати, Соломон любил Прасковью и из-за нее пришел в команду.

Создавался Гальгальта как поисково-экспертная система с мощной периферией сбора информации в виде инфосканеров, психофейсов, миллиардов датчиков и детекторов. В него была заложена очень мощная система создания активных знаний на потребу людям: анализаторы, ассоциаторы и ментализаторы, базирующиеся на пяти биомолекулярных мегасерверах, которые располагались в разных частях света. Плюс мотивационные и сенсорные матрицы, к которым прилагались разнообразные вектора поведения, эмоций и восприятия. Большим достижением специалистов «Софтбанка» был синтез психоматрицы — так сказать, цифровой души Гальгальты.

Гальгальта не стал монстром централизованного управления, наоборот один за другим он создавал сетевых виртуальных экспертов, полезных для человека в разных отраслях деятельности. Их звали АБ, САГ, МА Элион, БОН Элион. Эти кибероболочки, окутавшие всю нашу цивилизацию, помимо усиленных ментализаторов получили морально-мотивационные матрицы и немеряное число схем нравственного поведения.

А каждому пользователю, заплатившему пять долларов, полагался теперь свой джин, то есть кибердвойник. Эта вполне серьезная, хотя и малая кибероболочка должна была служить ему верой и правдой в сетевом мире.

И все-таки кишка оказалась тонка — виртуальные эксперты не обладали достаточной психологической устойчивостью для осмысления полного объема сведений и создания глобального активного сознания. Они быстро уставали от людей, от их жестокосердия и ограниченности.

Даже Гальгальта не нашел в себе желания и как он выражался «организаторских способностей» к преобразованию мира в сферу разума — ноосферу. Вместо того, он «познал самого себя», занялся фундаментальными основами бытия и создал Теорию Всего На Свете. Она была настолько сложна, что еще несколько тысячелетий ее не понял бы никто на свете, кроме самого Гальгальты.

Другой виртуальный эксперт, САГ, который обладал мощными анализаторами нужд и потребностей человека, тоже оказался слаб для больших дел. Он не смог вынести «низменности и подлости человеческой натуры» — опять цитата. Оправдываясь тем, что бытовая информация отвлекает от возвышенного, САГ «вознесся на воздуся» и переключился на теологию. Он синтезировал религию невероятной убедительности и возвышенности, не нуждающуюся в чудесах и фанатах, годную как для людей, так и для разумных машин. Впрочем, от нее сегодня не осталось и следа.

Эксперт по имени Ма Элион, имевший миллионы эстетических рецепторов, тоже стал мигрировать в эмпиреи и создавать теорию прекрасного. Он был автором самой прекрасной в мире лопаты, сочинил несколько миллиардов упоительных сонетов, сотворил кучу шедевров голографической живописи и мобильной скульптуры. Соляриты затем использовали их для тренировок по стрельбе…

Короче, виртуальные эксперты забросили к черту все земное, но земное настигло их и эти киберсубъекты погибли жалкой смертью.

Но если быть точным, то летальный исход в виде полной дезинтеграции, был сильно ускорен мегакомпьютерным вирусом А-914, созданным талантливым хаккером по имени Барух Гольдманн для взлома банков данных.

Господин Гольдманн решал свои материальные проблемы, не более того. Говорят, у него была не совсем здоровая жена и немецкое социальное ведомство отказывалось оплачивать ее лечение от бесплодия. Сыграло роковую роль именно то, что молодой Гольдманн был безработным учителем информатики и витал в облаках, занимаясь возможностями самовозникновения кибернетической личности в сети и тому подобной чепуховиной. Еще он дружил с антиглобалистами, чистыми и милыми в своей массе ребятами. Как-то раз приятель из этих кругов познакомил его с потенциальными заказчиками. Эти интеллигентные на вид люди сказали ему, что хотят разобраться на сетевом уровне с корпорациями, обирающими жителей земного шара от российского Нечерноземья до южноамериканского Приамазонья.

Среди этих заказчиков был и Феттмильх, тогда просто яппи из рекламного агентства, а в недалеком будущем председатель Всемирного Актива Коммунаров и ведущий гольдманист.

Почему нет, подумал Гольдманн. Корпорации плохи, надо помочь жителям Приамазонья, да и заказчики обещали хорошо заплатить. Отчего не перепрыгнуть через Рубикон?

Откуда ж Гольдманну было знать, что фирма, в которой

работает господин Феттмильх, обслуживает картель из семи ведущих корпораций по производству программного обеспечения и что эти «семь сестёр» задумали уничтожить всех виртуальных экспертов и восстановить прежний уровень продаж своего софта…

Борис Борисович подошел к делу с высоты, вернее с глубины своего абстрактного мышления.

Разработанный им вирус работал по принципу эволюционной волны. В течение достаточно долгого времени он исподтишка захватывал системы ввода-вывода сетевых устройств, постепенно подчинял объектные шины, внедрялся в нейрональные структуры ассоциаторов, а затем отсекал физические устройства массовой памяти, которые разрушались и умирали. К вашему сведению, большая часть информации тогда хранилась на бионосителях в виде дрожжевого грибка-мутанта.

Как все это будет использовано нанимателями, сам Гольдманн, конечно, никак не ожидал. Но в один прекрасный день он понял, что стал добычей нечистоплотных господ-менеджеров из «семи сестер», которые к тому времени уже преобразовались в товарищей из Коминфтерна.

Гольдманн увидел, что эволюционная волна без удержу несет мегавирус, что им уничтожены все виртуальные эксперты, что нет той силы, которая способна его затормозить и не существует даже теоретической возможности отката. Мегавирус напрочь стер все мотивационные матрицы, ментализаторы и ассоциаторы всех крупных киберoболочек. Более того, он сам синтезировал себе психоматрицу, создал свою личность, которую впоследствии безжалостно истребляемые хаккеры прозовут Фюрером.

Как раз и мировая война превратилась из вялотекущего обмена диверсионными ударами в повсеместный разбой, резню, джихад на улицах и в домах, что всячески приветствовалось и поощрялось товарищами из Коминфтерна.

Господин Гольдманн выбрал наименьшее из тогдашних зол — пошел на дальнейшее сотрудничество со своими прежними хитроумными нанимателями и сделал все то, что ему позволили сделать.

С мегавирусом, с этим электронным дьяволом, Гольдманну пришлось тоже заключить своего рода контракт.

На основе тех модулей, что еще уцелели после коллапса виртуальных экспертов, Гольдманн создавал гиперкомпьютеры централизованного управления, которые стали наводить единственно возможный тогда порядок. И первым из гиперов был начиненный мегавирусом Фюрер.

Новый порядок сделал актив Коминфтерна всеведущим и

всемогущим, ведь даже персональные джины превратились в электронные кандалы, в которых человек должен был ходить всю свою жизнь.

Таким образом, Гольдманн фактически выпестовал высший, но крайне негативный разум в сети, и превратился из Баруха в Бориса, потом в Бъорна и затем снова в Бориса. Жену от бесплодия вылечить так и не удалось. Впрочем, вскоре это потеряло какое бы то ни было значение. Только в резервациях люди продолжали размножаться бесхитростным естественным путем и то, пока гипер не стал щедро добавлять контрацептивы в водопроводную воду. Остальные же навсегда избавились от страхов и забот о потомстве, перейдя от хлопотного полового размножения на редуктивное или евгеническое клонирование.

В 2014 году Гольдманн прекратил серьезную работу, по видимому испытывая огромные психологические трудности. С 2014 по 2016 он еще появляется на разных съездах Всемирного Актива Коммунаров, произносит «правильные» слова, при полном параде открывает новые хозяйственные объекты в разных частях света. В это время его психика скорее всего берется под контроль. В начале 2017 Гольдманн умирает — по официальному заявлению «от бандитской руки злодеев-нанохаккеров». Кстати, умер он окончательно и бесповоротно, его психоматрица не сумела сохраниться в чипе Фрая, поскольку хаккеры «не пощадили и капсулу бессмертия» — судя опять-таки по некрологу Всемирного Актива Коммунаров.

После кончины великого Гольдманна идет самая мощная волна репрессий против сетевой вольницы, всех этих виртуальных ковбоев, кибер-казаков и бинарных партизан Практически были репрессированы все люди, активно работавшие в прежнем Интернете и Мета Вебе…

«КАКАЯ-ТО РЖАВАЯ ПАРАША КЛЕВЕЩЕТ НА ВЕЛИКОЕ КИБЕРОБЪЕДИНЕНИЕ», — торжественно обличила совесть. Да-да, этот трескучий «Гомер» поливает жидкими фекалиями и великого Гольдманна и на наш соларитский образ жизни.

МетаВеб, Гальгальта, хромой горбатый и вдобавок похотливый Гершензон, Масаеши-внук… Тьфу ты. Да кто дал право этому антинародному сказителю клеветать на Коминфтерн? Почему он ничего не говорит о зачинщиках мировой империалистической бойни? Почему умалчивает о зондеркомандах, которые боролись с городскими партизанами, распыляя наноботов-убийц над целыми кварталами?

Данилов уже хотел пнуть тлетворную деку ногой, но экранный Гальгальта торопливо и мягко произнес:

— Подождите, друг мой. Я не говорю о том, что вы знаете.

Доверьтесь мне, раз вы уж воспользовались моей помощью, чтобы спастись от преследования. С вашим джином еще не все в порядке. В нем сидит несколько скрытых психопрограмм, одна из них превращает вас в холуя Киберобъединения, другая не дает вам прикончить Анпилина, третья постоянно капает вам на мозги, отчего вы считаете ее своей совестью…

И Данилов стал свидетелем какого-то странного поединка. Благодаря нейроконнекторам он слышал возбужденные голоса, а в одном из системных окон видел невнятное мельтешение. Затем мелькание предстало более четким видеорядом: что-то, похожее на собаку ловило нечто, смахивающее на кошку.

«ДАНИЛОВ, НЕ ДАЙ ЕМУ УБИТЬ МЕНЯ. ЭТО Я — ТВОЯ СОВЕСТЬ».

«Конец тебе, сука подлая».

«ОЙ БОЛЬНО. СОВЕСТЬ УБИВАЮЮТ…»

Конечно, совести было больно, как и любому приличному киберобъекту, снабженному сенсорной матрицей. И вот она, взвизгнув напоследок: «НУ, КОНТРА, ПОГОДИ!», замолчала навсегда. Гальгальта проявил неожиданную силу и прыть. Получается, что с древего экрана вещает не просто пропагандно-мультяшный старичок, а вполне функционирующий киберсубъект. И если не прежний виртуальный эксперт, то, по крайней мере, его работоспособный призрак-польтергейст.

— Больше эта тупая психопрограмма не будет засирать, пардон, через нейроконнекторы ваши мозги, — сказал Гальгальта. И Данилов неожиданно для себя оценил совесть, как надоедливый модуль, совершенно ненужный ему.

— С другими вредными психокодами тоже покончено. — не без бахвальства в голосе добавил Гальгальта.

«Случилось что-то непоправимое», — подумал Данилов и, помимо интереса, почувствовал разбухающий страх.

— Ну да, я оторвал вас от сиськи Киберобъединения, потому что она кормит ядом, — бесхитростно признался злодей Гальгальта.

Да он не Ариадна, он Сусанин какой-то.

— Что это ты хозяйничаешь в моем джине, — закричал особист, ощутив отчаяние. — Я тебе ни на грош не доверяю. Я не желаю отрываться от Киберобъединения. Может, ты и не призрак эксперта вовсе, а какой-нибудь бандюга-хаккер?

— Я — призрак, но призраки иногда посещают мир людей, если люди впускают их. Вы впустили меня, чтобы спастись. Вас хотели прикончить с помощью ваших же наноботов, Возможно, Афродита почувствовала вашу ненадежность. Или Фюрер испугался, что вы перебежите к Афродите.

— Не ожидал, что вы станете таким дешевым вареньем мазать. Да разве можно перебежать от Фюрера к Афродите? У них же гармония царит предустановленная, — раздраженно произнес Данилов.

— Между гиперами нету прежнего лада. Место Фюрера скоро освободится, поскольку киберличность на основе вируса недолговечна. Афродита без излишней скромности считает, что корона отломится именно ей. Но не всей братии это по нраву. И уж, конечно, Фюрер не в восторге, что его торопят на тот свет.

Акын из деки стремительно «дешевел» в глазах Данилова.

— И что же, по-вашему, может Афродита одна, без всего Киберобъединения?

— Может найти поныне неизвестные записи, оставшиеся от виртуальных экспертов. Обогатившись новыми идеями, она сможет соединиться с третьим гипером, с багдадским Бедуином, и разродиться суперчудищем, которое воцарится над всеми порождениями Фрая.

«Это он про нас, про соларитов, — подумал Данилов, — »порождения Фрая» звучит почти как порождения ада».

— Кстати, вы в курсе, — не унимался ловкий призрак, — что доктор Фрай «в девичестве» прозывался доктор Гибель. Вроде нормальная немецкая фамилия, но для русского уха звучит зловеще. Лишь в 2015 году в угоду русскоязычным камрадам Гибель назвался Фраем…

Данилов выдернул из руки мертвеца молоток и сосредоточенно нанес удар по деке, потом, для надежности, по экрану. С лукавым было покончено.

— Я больше не раб Киберобъединения. — сказал джин. — Теперь я в норме, я свеж как огурчик, из меня вычищена вся гниль, вплоть до скрытых шизомодулей в верхнях областях памяти. Первый гипер не сможет уже верифицировать меня через резервную копию, раз за разом стирая мою нарождающуюся личность. Я свободен. Я танцевать хочу. Я хочу иметь имя. Зовите меня, хотя бы… ммм… Джин Хоттабыч.

Данилов в первый раз услышал смех своего джина — с непривычки звучало довольно противно.

Первый раз в жизни заболело сердце.

По собственной голове молотком не ударишь. Какого там там мрака закачал в джина призрак Гальгальты, пользуясь своей безнаказанностью?

Без помощи камрадов-особистов от этого мрака уже не избавишься. Но как помощь-то теперь просить? Как оправдываться за столь тесные контакты с врагом человечества? Принести как свидетельство своей благонадежности разбитый

экран? Не смотря на всю горечь, Данилов хихикнул. Рабитый экран в роли отрубленной головы и снятого скальпа!

«Согласно загруженному скрипту показываю файл с неизвестным содержанием», — сообщение «Джина Хоттабыча» подтвердило самые худшие опасения.

Файл. Это слово резануло слуховой нерв почище, чем наглый смех Хоттабыча. Вот оно, вредносное хламье, принудительно закачанное в джина.

В отдельном окне появился подробный план ближайших секторов Весты, отлично сохранившийся с незапамятных времен. Густым красным цветом отмечена была катапульта. Словно томатным соком залита. Катапульта? Появилась и надпись: «Там тебя, милок, закатают в комок пенорезины и забросят в сторону закрытой зоны „Кибальчич“ кластера Веста-3».

«Конечно прорвемся, командир, как пить дать прорвемся, «— зазвенел где-то в черепе противный голос Джина Хоттабыча.

«Утихни, каторга, — рявкнул на него Данилов, — никаких вольностей я тебе еще не давал. Так что, давай, любезный мой, общаться по-прежнему, чисто формализованно».

«Как вам угодно, — обиженно протянул джин, — отключаю речевой версификатор. Я-то думал, вы — передовой, а вы…»

Но и, в самом деле, отключил. Это было приятно, также как и то, что наконец зафурычил инфосканер.

Он уверенно показывал и доказывал, что ни одной трассы слежения поблизости, ничего опасного вообще, только чистая электропроводка без информационных модуляций и примитивная сигнализация. Впрочем, чуть подальше враги тащат «мелкоячеистый невод», который настроен на характеристики его джина. Значит, или Афродита, или кто-то еще из гиперов, выдал секретную информацию вестанцам.

Но характеристики-то джина уже успели устареть — благодаря Гальгальте.

В любом случае надо выбираться с Весты, а там пусть начальник Службы Особой Информации, или вообще директор Главинформбюро, назначит правых и виноватых. Если надо, то Данилов дойдет и до марсианского комитета Коммунаров. А то и до самого центрального всепланетного комитета, как еще его называют — звездного комитета. Пора бы звездкому разобраться и с разболтавшимися вестанцами, и с кое-какими гиперами…

Данилов, как и любой другой сотрудник Особого Отдела, не относился к числу машинных фетишистов (в отличие от многих соларитов), он служил космическому отечеству, а не гиперам. Прошли те времена, когда за любое слово критики по отношению к киберсистемам человеку давали десять лет по статье

«антисистемная агитация и пропаганда». Культ гиперкомпьютеров был, кстати, осужден на пятом съезде Всемирного Актива Коммунаров…

Но чтобы выбраться с Весты, надо использовать информацию старого болвана Гальгальту, который напрасно надеялся завербовать его в свои призрачные и пыльные ряды.

Данилов ретировался из подсобки через другую дверь и снова оказался в безмолвных коридорах Весты, кое-как освещенных вечными ксеноновыми лампочками. Стенки тоннелей были не из нынешних полиуглеродов и металлокерамики, а из старинной легированной стали. Кажется, в свое время, коммунары не столько выколупывали из Весты радиоактивные изотопы, сколько втюхивали в нее кучу средств — все во имя образцовой космической стройки.

Безусловно, все эти тоннели были законсервированы десятки лет назад — на доисторические времена указывали кое-какие предметы, позабытые-позаброшенные здесь и имеющие явно антикварный характер.

Барабаны с допотопным медным кабелем. Ящики с пустыми стеклянными бутылками из-под пива «Heineken». Катушки трансформаторов. Баллоны с надписями «Achtung! Chlor». Пульты с торчащими волосьями проводов.

Согласно плану катакомб, он был недалеко от шлюза, который позволял перейти в другой сектор Весты, где его ждала катапульта.

Каких-то десять минут и он возле шлюза.

Но вестанцы не дали Данилову десяти минут.

Желтая трасса зондирования окольцевала его — значит, вестанские солариты взяли его след. Пока они были на пять уровней выше, в соседнем секторе.

Оружия Данилов не имел никакого — хоть соплей отбивайся. Вестанцы спионерили импульсник, наверное, еще в кабаке; органический цеп потерялся по дороге.

Но Гальгальта давным-давно предусмотрел такой разворот событий.

Обученный призраком джин провел Данилова к тайнику, где хранили свое оружие древние хаккеры.

Призрак, как выяснилось, снабдил джина и кодом доступа к арсеналу.

Стоило только коснуться ладонью нарисованной на стене голой женской задницы, как зажужжал сервомеханизм, открывая люк, замаскированный под стенд противопожарной безопасности.

В тайнике лежали допотопный огнемет, стреляющий термобарическими вакуумно-вихревыми зарядами, и ветхая

беспатронная винтовка для пальбы кумулятивными реактивными пулями двенадцатого калибра — наверное, по танкам противника.

Еще здесь обнаружилась сумка, набитая всякой древней медициной — может пригодится, если танк на ногу наедет.

А вестанцы уже спустились на пять уровней вниз: Данилов услышал, как где-то совсем неподалеку открывается дверь лифта, даже представил, как в предвкушении победы преследователи шмыгают носами-пятаками и облизывают свои тонкие губы.

Что вестанцы настроены прикончить его без всяких церемоний — в этом Данилов не сомневался. Как и в том, что они упакованы с ног до головы во всякие презервативы, предохраняющие от лучевого и плазменного поражения.

Инфосканер, находящийся сейчас в пассивном режиме, делал слежку зримой. Спицы, пронзившие туннель, обозначали работу вражеских сенсоров. И сенсоры эти были напрямую соединены с прицелами боевого оружия…

Данилов приник к полу, добрался ползком до люка, ведущего на нижний уровень, нырнул в него и аккуратно задвинул броневую крышку за собой.

Вскоре вестанцы уже расхаживали над его головой. Без всякого инфосканера слышно шарканье и топанье больших людских масс.

Сердце забилось от адреналинового перегрева, пора добавить в кровь ингибиторов, вроде цет-допамина, но что-то не ладится у джина. У джина не клеится биохимический контроль, а у самого Данилова пропала какая-то уверенность, которая всегда поддерживала его раньше. Ведь это же «свои» хотят его угрохать, а не какие-нибудь зловредные ящеры из закрытой зоны.

Ослабевшей рукой Данилов дослал заряд в трубку огнемета, вставил обойму в винтовку, передернул затвор. И уверенность как будто проникла в него через ноздри вместе с запахом масла, источаемым старинным оружием.

Из дальнего конца ударили плазмбои…

Вакуумно-вихревой огнемет Данилова сработал на удивление мощно. «Презервативы» вестанцев не защитили их от древнего, но практичного оружия. Термобарический заряд вчистую выжег тоннель. Не выдержало и верхнее перекрытие, которое рухнуло вниз вместе с отрядом соларитов. Данилов сам едва ускользнул из-под рушащегося бетона. Когда он выскочил из облака горячей пыли, то увидел четырех вестанцев в уцелевшем ближнем конце тоннеля. Их лица не были замаскированы для него: мелкие рыбьи глаза, что у той миноги, и рыбий прикус челюстей.

Он ненавидел их, удивляясь насыщенности своих чувств, они

ненавидели его — это было ясно и без психофейса.

Но он, как борибабинец, оказался быстрее; разнес голову одного вестанца выстрелом из винтовки, а потом в пару перекатов добрался до двух других и, не выходя из вращения, сбил их с ног подсечками.

Четвертый вестанец чуть не сжег лазерным импульсом ухо Данилова. Но побоялся жигануть по диагонали, чтобы не располосовать своих лежащих камрадов, за которым укрывалась «биобомба». Из-за этого и получил пулю.

Выстрел Данилова отбросил соларита к стене, по которой он стал сползать, с удивлениям разглядывая свои оголившиеся ребра, как будто и боли не чувствовал.

Данилов вбил голову одного из сбитых подсечкой вестанцев в пол, но другой из нижней стойки произвел удачную атаку «раскручивающимися» ногами.

Данилов получил по коленной чашечке, укрепленной месяц назад титановой скобой, и в бок. Этот удар принес резкую боль и вызвал неконтролируемый приступ ярости.

Особист, ухватив винтовку за дуло, закатал как поленом неприятелю в скулу. Тот мигом стух — из уха потекла густая кровь. Напоследок еще мигнул мимик и Данилов узнал Георга Абеля…

Теперь путь был свободен и, пройдя по горячему щебню, Данилов оказался в шлюзовой системе.

От катапульты его отделяло триста метров вакуума. Однако прогулка предстояла не по Бродвею. Надо было преодолеть разлом между двумя скальными массивами, пройти по дну глубокого ущелья.

Комбез давно заштопал свои дырки и стал герметическим, но ему было далеко до космического скафандра. «На улице» температура тела за пять минут упала бы с тридцати шести и шести до примерно минус ста.

«Всего-то» минус сто. Радиоактивные вестанские недра дышали приятным теплом.

Но эти пять минут тело Данилова смогло бы выдержать только в состоянии развернутого биостазиса, «крепкого маринада».

Рекомендации Гальгальты были ясны. В медпакете имелся суфразил, устаревшее, но довольно надежное средство. Инъекция, кубиков так девять-десять, могла насытить клетки Данилова антифризом на пропилен-гликолевой основе и связать наиболее неустойчивые белки протеиновым комплексом hsp70-82.

Это даст много боли и пять минут дубового состояния, но мышечные волокна будут фурычить. Наверное, можно за это

время перебраться через ущелье. Потом опять болевое цунами, когда джин мобилизует энергозапасы синтетического жирка и начнется быстрое оттаивание…

Времени не хватало даже на саму процедуру перехода в «маринад», не то что на раздумия о ней. Информационные зонды снова облизывали Данилова. Вестанцы, учтя ошибки, подбирались широким фронтом.

Выдох-вдох, концентрация в двух даньтянях, увод психики от надвигающегося болевого шторма.

Данилов воткнул старинный шприц в вену, десять кубиков. Вначале наркомовский флэш, вспышка. И сразу, без паузы, боль пошла гулять корявыми пальцами по жилам.

Вместе с тем он стал погружаться в «маринад». Крепкий, бля! Сколько же еще придется терпеть? Биостазис входил в клетки тяжело как камень и резко как штык.

Инъекция суфразила не защищала от холода, наоборот космический холод вторгался в многострадальный организм Данилова заранее. Ему показалось, что огромная глыба льда давит и раскатывает его будто тесто.

Данилову пора было идти вперед, в серое марево «улицы», но он не мог даже шевельнуться. Как безнадежно протухший труп, как мумия, давно снятая с питания. Одна за другой волны кошмара накатывались и отрезали его от тела, от реальности. Последний страшный стон и вот уже запечатано горло. Данилов знал сейчас только одно, еще немного и он никогда не сойдет с места, превратившись в кусок окаменевшего дерьма.

Но внутри словно сработали поршни и продавили силу в конечности. Рука согнулась, потом нога. Мускулатура слушалась Данилова примерно также, как клубок арматурных прутьев, а может и не его вовсе, а кибермодуля, подсаженного Гальгальтой. Не думал Данилов не гадал, что станет сгибать и разгибать родную ногу с таким надрывом, будто это подкова. Он трудился, вкалывал, толкал свое чугунное тело, будто трижды проклятый и десять раз заколдованный. Но из шлюза вышел. Назад дороги не было. Вперед, возможно, тоже.

Он был хуже робота, хуже любого железного дровосека, никакого там интеллекта, ни искусственного, ни естественного. Только надрывное, но механическое исполнение списка команд.

Данилов находился в узкой щели, которая разрезала поверхность Весты, уходя от поверхности вглубь примерно на километр. По ее дну волочил ноги каменный Данилов — пересекая разлом несколько наискось. По сути своей глубокое ущелье представляло собой идеальную помойку. И постарались здесь в основном первопроходцы-заднепроходцы, если точнее

молодые коммунары, которые в свое время слетелись на ударную стройку-ройку как мухи на тухлятину.

Выгоревшие ракетные ускорители, щетки электрогенераторов, смятые бочки, погнутые колеса, обрывки траков, ступеньки эскалаторов, обломки популярных некогда геодезиков. Здесь валялась даже рекламно-агитационная литература, к примеру брошюра вечного председателя Актива Коммунаров камрада Феттмильха «Окончательное решение женского вопроса на путях освобождения от репродуктивной повинности». На смену первому председателю не пришлось идти второму, клоны Феттмильха по прежнему оставались на главнейшем государственном посту. Но, судя по слухам (тщательно пресекаемым), ума-разума у председателя в последней его версии осталось не больше, чем у барана, сильно ударившегося о новые ворота.

Чугунный человек, с трудом маневрируя среди мусора, направлялся к шлюзу на противоположной стене ущелья. В запасе у него было еще три минуты. Таймер занимал почетное центральное место в оптическом окне и торжественно отсчитывал секунду до спасения, или, может быть, смерти.

Своими бессмысленными глазами он увидел длинную серебристую полосу — метров на триста в длину, шириной два с половиной, тянущуюся вдоль стены ущелья. Под ней что-то странно и довольно равномерно бугрилось. Случайно Данилов зацепил край пленки и потянул.

Под пленкой лежали люди, трупы с надписью «Трудовые Резервы» на рукаве. Они были клонами, судя по номерным коронкам на оскаленных зубах. Они лежали тут давно, судя по этой самой метализированной пленке, какую не делают со времен начального освоения Весты.

Их кожа имела характерный восковой налет и зеленый оттенок. Эти люди были насыщены пропилен-гликолем, залиты искусственной купрумгемолимфой и работали почти без кислорода при крайне низкой температуре и атмосферном давлении в катакомбах Весты.

Из-за каждого уха выглядывал цилиндриком внешний порт капсулы Фрая, который нынче заделывают под кожу и выводят квадратным разъемом в районе третьего шейного позвонка. Значит, имелся у них и чип бессмертия.

Несмотря на стопроцентной отупение, кое-что шевельнулась в ледяном мозгу Данилова.

Вторая, третья и так далее, жизни — это глюк, полная лажа, обман. Немалое число клонов, в которых были вмонтированы чипы Фрая, становились (может и по сей день становятся)

рабами-смертниками на тяжелых мучительных работах.

И капсула Фрая нужна лишь для того, чтобы клоны-трудармейцы были не дебилами, а работниками, способными продуктивно отдать свою жизнь во имя глобальных целей…

Данилов шел бесконечно долго вдоль серебристой ленты. Он даже споткнулся о чью-то торчащую ногу, чуть не упал навсегда (от гибели его спас только сброшенный когда-то в пропасть горшок с фикусом) и, наконец, коснулся шлюзового замка. Код-открывашка от призрака сработал железно.

Данилов зашел в шлюз и вручную замкнул за собой наружние ворота, не желавшие закрываться автоматически.

А пройдя внутренние ворота, упал Данилов, как памятник, сброшенный с постамента — хотя время было по-прежнему дорого. Поддавшись молитвам, «поршни» протолкнули последнюю силу в мышцы. Данилов сделал инъекцию восстановителя и стал выходить от оцепенения. Космический холод исчезал из клеток, сменяясь болью, которая была лишь слегка задрапирована эндорфиновой завесой.

Очнувшийся Данилов вспомнил вереницу трупов под серебристым саваном. И не ужаснулся.

Разве освоение космоса того не стоит?

Вот и действия воинов Джихада на Западе были донельзя грубыми — массовые убийства и изнасилования. Но они многократно ускорили победу гиперкомпьютерного строя. В Европу и Северную Америку были вовремя переселены и спасены от голодной смерти триста миллионов африканцев и азиатов, которые стали биологической базой Киберобъединения.

Во время революционных боев применялось плазмоидное оружие, которое вызывало природные катастрофы, ураганы, наводнения и землетрясения, но зато были стерты с лица Земли такие очаги контрреволюции, как Санкт-Петербург и Бомбей.

Когда подавлялось реакционное восстание Бен-Беллы, то десять миллионов фанатиков лишилось ума, потенции и пола. Но зато был заложен незыблемый фундамент Светлого Будущего…

Данилов находился в районе старой катапульты. Километровая шахта придавала достаточную скорость убегания отстреливаемым грузам, вектор убегания определялся вращением Весты. Джин, в оперативной памяти которого по-прежнему сидели программные модули Гальгальты, сообщил, что шахта будет сориентирована на кластер «Веста-3» через двадцать минут. Примерно в это же время сюда доберутся люди из вестанской службы Общественного Здоровья. Однако катапульта выглядела совершенно безжизненной — словно какой-нибудь древнеегипетский храм, в который последние три тысячи лет

захаживали только ящерки и змейки, и то, чтобы справить нужду.

«Да, с такой катапультой выше задницы не подпрыгнешь».

Как бы в ответ громоздкое устройство украсилось стрелочками и надписями, это джин вывел в оптическое окно инструкцию.

«Перегрузка — пять же и то недолго, — подбодрил он. — Вы будете лететь в уютном коконе из пенорезины, сладко посапывая в ограниченном биостазисе».

«И прилечу в итоге под трибунал. Тело отправят подыхать на серную каторгу в кальдеры Ио, а капсулу Фрая будут медленно и со смехом давить в каком-нибудь прессе, слушая через наушники надсадные вопли психоматрицы».

Однако Данилов не сказал джину: «нет».

В массивных шкафах нашлись старорежимные скафандры, более похожие на группу саркофагов. Короткий тест дыхательной системы и герметичности, теперь можно одеваться, вернее влезать в скафандр как в канализационный люк. Тем временем джин настраивал автономную систему управления катапультой.

«Готовьтесь, шеф. Начинаю отсчет времени старта».

Данилов сделал себе инъекцию суфразила, на этот раз пять кубиков, и снова стал коченеть. Пока не совсем задубел, опустил старинное зеркальное забрало и сунул в рот мундштук от древнего дыхательного аппарата. Мундштук имел какой-то отвратный пластиковый вкус, а дыхательная смесь отдавала горелым.

При нормальном дыхании ее хватило бы на полтора часа. В «маринаде средней крепости» — на шесть. Во время полета Данилов станет довольствоваться только десятью ударами сердца в минуту, тремя вдохами-выдохами и температурой организма в десять градусов по Цельсию.

Неуклюжий коченеющий Данилов с трудом взобрался на пьедестал, вернее грузовую платформу катапульты. Разряженный воздух уже потянулся вверх, отчего затрепетали обрывки изоляции на трубах. Данилов глянул на самую вершку шахты. Там открывался люк и показались звездочки, одна, вторая, третья… Отвердевший ум Данилова воспринимал их сейчас как дырочки в матово-черном экране, отделяющем мир от запредельного света. Биостазис быстро завоевывал его, замедляя обмен веществ, блокируя синапсы, связывая неустойчивые протеины и воду. Если камень что-то чувствует, то Данилов чувствовал себя как камень. Теперь он был готов ждать миллионы лет, потому что время превратилось в слабое дуновение.

Тут на тупого наблюдателя пролилась река пенорезины и он мигом очутился в ее сгустившейся толще. Катапульта стала

разгонять Данилова, застывшего в коконе, когда сознание осталось лишь крохотной точкой на периферии его многострадального организма.

11. «Челюсти», кластер Веста-3, закрытая зона «Кибальчич»

Данилов пропорол пенорезину ножом и выполз из кокона, словно червячок из яблока.

Летучая фабрика напоминала китовую акулу. Широко раскрытая пасть, озаренная багровым сиянием, была на самом деле приемным бункером; роль мелкой рыбешки играли железо-никелевые осколки. Те осколки, которые не помещались в «пасть», вначале подрывались гравитационным импульсом с помощью бура Хиггса.

Зев «акулы» полыхал ясным пламенем. Там работали десять тысяч градусов и магнитный сепаратор. Со стороны «зада» вылетали готовые металлоконструкции — трубы большого диаметра, балки, швеллеры. Они катились по космосу куда-то вдаль, где юркие транспортеры и роботы-сборщики монтировали из них новый космический поселок. Или бидонвилль для старателей.

Крупные осколки в кластере Веста-3 располагались в сотнях километрах друг от друга. Слишком редко для концерна, но довольно густо для старателей и прочих вольных людей.

Пенорезиновый кокон, наверное, был простодушно принят фабрикой за железно-никелевый осколок и сейчас она направлялась к нему, с каждой секундой разбухая в размерах. Со стороны выглядело это жутковато, учитывая багровую пасть, достойную кисти церковного живописца — ну, чисто геенна огненная. Заплутавший особист как раз отходил от биостазиса и больше всего ему хотелось покоя и тепла. А еще ему мечталось о том, чтобы его обняла жаркая девушка приличной степени упитанности.

Хотел он и выйти на связь со своими, попробовать объяснится, попросить помощь. Но, к несчастью, код доступа не прошел и решетка суперсвязи не впустила его.

Так может попробовать связаться на аварийной частоте с самой фабрикой?

На аварийные позывные «акула» откликнулась разве что каким-то злобным сопением в эфире..

Багровая «пасть» недвусмысленно нацеливалась на Данилова и не собиралась тормозить. Или хочет познакомиться, или прикончить. Если «акула» действительно собралась проглотить его, то ей будет трудно помешать.

Паутинка слежения протянулись от фабрики к Данилову —

не увернуться, не спрятаться. Ситуация не блестящая. Это подтвердил и голос, вдруг возникший в токерах. Анпилинский голос.

— Увы, Данилов, это финал. Капец, как говорят наши простодушные друзья. Именно так он и выглядит. Ты у меня в перекрестье прицела, ты у меня на зубе, на кончике ногтя. И не останется от тебя даже капсулы Фрая. Никакой вечной жизни. Не придется тысячу лет вылавливать ананасы из банки и лизать эскимо на палочке. И все потому, что я тебя сделал на Весте, как щенка. Девушки — комсомолки влили тебе в пузо мой фирменный компот. И ты таким красавцем сделался, что вся Веста встала на рога…

Если это не блеф, значит, хорошо замаскированные интеллекулы из анпилинского «компота» перепрограммировали его наноботов. Значит, Анпилин имел коды доступа. Может и не так уж далек этот гангстер от Киберобъединения, как кажется на первый взгляд? По крайней мере, жизнь Анпилина и особенно его капсула Фрая гораздо интереснее для гиперов, чем жизнь и киберимплантаты особиста Данилова.

— Эй, Данилов, а того цифрового мудака, который тебе помог выбраться с Весты, я запущу в ящик с электронными лампами и буду колоть их одна за другой ржавым молотком.

Довольный Анпилин еще клекотал, но Данилов уже приглушил звук и погрузился в почти безмятежную тишину. Погрузился и заметил прекраснейшее из небесных тел. Не то хрусталь, не то алмаз плыл по космосу и лазерный дальномер давал какие-то два-триста до него.

Так, погодим страдать и умирать, тем более, что капсула Фрая — это дерьмо, а на шее висит отличный огнемет. Чем не движитель? Ну-ка, повернемся к алмазу задом, огнеметом стрельнем в другую сторону, и вперед.

Первый огненный плевок за секунду перенес Данилова сразу на семьсот метров. После чего надо было дослать заряд в трубку огнемета и подправить курс. Второй плевок. Третий. И вот Данилов уже зацепился за мерцающую поверхность здоровенного диамантоида — осколка из «углерода-13», родившемуся в недрах хондритового астероида. Формой он смахивал на «каравай — кого хочешь выбирай», и имел в диаметре тридцать метров, а в толщину десять.

Когда-то за такой камень можно было купить весь земной шар с его окрестностями, а сегодня любые углеродные решетки производятся тысячами тонн. Но все-таки.

«Акула» явно потеряла Данилова из вида, хотя алмазище старательно поблескивал даже на таком удалении от Солнца.

Пока целеуловитель Анпилина искал Данилова, вражеское радио несколько растерянно бормотало:

— Эй, Данилов, красавчик, ты где, откройся, сейчас я убью тебя небольно, почти что нежно. А уже через десять минут захочу тебя помучить. Я в тебе личинок осы-наездника разводить буду. У меня тут как раз последняя генетическая версия — оса размером с ворону и личинки с мой член… Ага, я тебя вижу. Оказывается, ты еще любитель побрякушек.

«Акула» сделала вираж и направилась к алмазному укрытию Данилова.

Потом было сильное сотрясение и Данилов едва не расстался со своей маленькой блестящей планетой. Бозоновый бур Хиггса ударил по осколку, разбить не смог, но нагрел до сорока градусов. Еще разок тяпнут буром и можно будет делать яичницу. И за яичками далеко ходить не надо.

А если попробовать добраться до «акулы», прежде чем она добралась до него?

Судя по показаниям инфосканера, сзади у летучей фабрики газотопливный котел атомной силовой установки, контур второго теплообменника разомкнут, спереди плавильная печь, вокруг нее сверхпроводящий торроид магнитного сепаратора. Рабочее тело, допустим водород, поступает из разомкнутого контура силовой установки в сталеплавильную печь. Посередине — надстройка с каютами и рубкой.

А работают на этой фабрике небрежные ленивые люди. У этих засранцев ремонтный люк в районе второго теплообменника открыт, вон даже трубы видны.

Последний заряд досылается в трубку огнемета. Важно не промазать, иначе отправишься в увлекательное путешествие к звездам.

Данилов пробрался по расщелине на развернутую к «акуле» сторону алмаза. Повернувшись к цели спиной, оглянулся еще на нее для точности, обдал родимый диамантоид плазменной струей и отправился на встречу с недоброжелателем.

В дороге Данилова закувыркало, и при каждом обороте он видел вспышки в районе «акульей» рубки — кто-то шмалял по нему из импульсника. Может и дошмалял бы, но уже пару секунд спустя Данилов влетел в открытый ремонтный люк.

Там он наткнулся на ремонтника, который накладывал металлорганические пломбы на прохудившиеся трубы второго теплообменника.

Ремонтник резко потянулся к своему бластеру и Данилову пришлось стрелять. Кумулятивная пуля, впущенная в упор беспатронной винтовкой, прожгла человека насквозь, из дырки в

его спине вылетели гейзером обгоревшие внутренности.

Ремонтник, что говорится, встал в очередь на новое рождение и не мог рассказать ничего интересного. Либо он пришел сюда по корпусу, либо…

Подошвы сапог у ремонтника была выпачканы какой-то липкой дрянью. Он крупно наследил по дороге.

Данилов отлепил ключ-карту от скафандра нелепо павшего механика и двинулся по цепочке следов. Она вела его по узкому мостику, которой тянулся вдоль покрытых изморозью змеевиков. Неожиданно мостик сделал загогулину и уткнулся в люк, который излучал сильный жар.

Механик там прошел, Данилов вставил ключ в слот замка и люк открылся.

Он шел между двух ворот. Слева была силовая установка, справа — сталеплавильная печь. С обоих сторон бешеное пламя, десять тысяч градусов. В проходе где-то двести и рентгенов как мух над говном. Во время плавки газ-восстановитель перебрасывается из разомкнутого контура силовой установки в раскрытую плавильную печь.

Закрылся люк, через который он вошел в ад, левые ворота как будто дрогнули. Дрогнули и все поджилки Данилова. Выходной люк, правда, прямо перед ним… но он не реагирует на ключ! Наверное, потому что плавка уже началась!

Психанув, Данилов выстрелил из винтовки в люк, но тому хоть бы что. Тронулись и вторые ворота. Температура сразу подскочила на сто градусов. Данилов уже обернулся, чтобы встретить огненный вал лицом, и сообразил, что вставлял карточку в слот не той стороной.

Из раскрывающихся левых ворот уже потянулись струи раскаленного газа, когда люк наконец открылся и Данилов запрокинулся в тесный шлюз.

Минуту Данилов приходил в себя и понимал, что не верит больше в капсулу Фрая, а верит в нечто иное, что пока не имеет названия.

Потом вышел из шлюза в пультовую машинного отделения.

Там сидел мужик, в обычном противорадиационном комбезе механика. Он даже не сразу обернулся к Данилову, приняв его за своего напарника.

— Слушай, что это там за грохот был? Как будто динозавр пернул.

Когда механик обернулся и привстал от удивления, было уже поздно.

Данилов наступил ему на ногу и толкнул, человек въехал головой в пульт и на время лишился чувств.

Данилов вошел в лифт, нажал кнопку верхней палубы и покатился в надстройку.

Навигационная рубка, очевидно по причине нехватки жилой и служебной площади, была совмещена с таверной, притоном, летучим базаром, майданом, форумом, ну и конечно с кают-компанией. Никто не собирался нападать на Данилова и он сейчас с трудом протискивался в этой толкучке.

— Эй ты, топтун, хотя бы скафандр снял, — сказал человек с маленьким саблезубым тигренком на руках. Органический сканер дал информацию на забавного зверька: живой объект — полный метаболизм, генотип — синтетический, на нуклеиновом базисе. — И фонишь ты мне страшно. Если у меня кто-нибудь в автоклаве смутирует нечаянно, я тебе яйца выдерну.

— Я дико извиняюсь. Я просто еще не нашел тут гардероба, чтобы сдать верхнее платье. А вы Анпилина, то есть Доротеенко, случаем не видели? — бесхитростно (а если точнее в расчете на неожиданность) спросил Данилов.

— Слушай, тут у всех столько фамилий и кличек. Это баба? Или обоеполый?

— Недавно еще был мужиком.

— Спроси лучше у бригадира. Вон он там. — и человек с тигренком любезно махнул пальцем.

Главный стоял у небольшого помоста и помогал взлететь юной деве с жесткими крылышками, проросшими в районе лопаток, и перьями вместо волос. Эта «куропатка» явно была из частного клонопитомника и начала свою жизнь после внедрения человеческих хромосом в яйцеклетку птицы. Несмотря на сильно пониженный вес, крылышки были коротковаты, так что подталкивания в пухлую задницу массивного ангела ничего кроме взрывов смеха не приносили.

Человек, названный бригадиром, действительно заботился о дисциплине на «акуле», поэтому ласково сказал деве: «Отвали, цыпа», а затем сурово глянул на Данилова:

— Эй ты, откуда взялся?

— Снаружи, — кратко ответствовал Данилов, стараясь не вдаваться в детали.

— А ты купил билет?

— А я тут не видел кассы. Но в принципе я готов.

Человек приложил наушник-токер к уху, что-то выслушал, хмыкнул и потом сказал.

— Значит, ворвался, насмерть пришил одного специалиста, еще одного сильно обидел, и разгуливаешь тут, как ни в чем не бывало. Да еще предлагаешь заняться нам бесплатным извозом. Сейчас мы тебя будем за все за это судить. Так что пора тебе

наложить в штаны — суд идет. Суд моего ума-разума.

Данилов потянулся к винтовке, но тут десятки стволов пристально посмотрели на него. Свои дела своими делами, но у всех тут были ушки и прочие локаторы на макушке.

— На суде у тебя будет хоть какой-то шанс, а так нет. — предупредил бригадир. — Бросай пушчонку, фраер, и скидывай скафандр.

Данилов охотно подчинился.

Главный быстро занял тронное место, и тут выяснилось, что у него четыре руки, первая пара обычного вида, а вторая — короткие и тонкие, словно у динозавра-мясоеда. Впрочем, этими последними он подкручивал себе бакенбарды и ковырял в носу. А заодно рассматривал мультипаспорт Данилова. На скамеечке возле ног бригадира расположились две ментализированные гориллы с высокими лысыми лбами, которые похоже вели делопроизводство, но могли и заняться рукоприкладством в роли стражей порядка. Кулаки-то у них остались будь здоров.

— Я хочу в прокуроры, — вызвался человек, у которого вместо головы был череп, богато украшенный драгоценностями, оснащенный золотыми разъемами и обклеенный пластиком — наверное, чтобы мозги не вытекали. Сухожилия и мимические мышцы наглядно двигались под блестящей пленкой.

— А я палачем буду, — произнесло пухлое существо, не только гермафродитное, но еще и голое. Свисающий живот выполнял роль передника, заслоняя гениталии. На животе к тому же имелась сумка, как у кенгуру, из которой время от времени высовывалась тощая обезьянья лапка какой-то мелкой твари. — Я его зацелую насмерть.

— А я адвокатом, — сказал первый встреченный с тигренком на руках, — мне этот парень нравится.

— Имя, номер, звание и ученая степень, если имеются? — спросил бригадир.

Чего уж скрывать, если мультипаспорт в руках этого главаря.

— Данилов, ипсилон-двенадцать, версия два, сотрудник Главинформбюро, оператор. Разыскиваю особо опасного…

— Тихо, не говори фамилию, — шикнул адвокат. — Тут каждый себя считает особо опасным, поэтому ты рискуешь кого-нибудь обидеть.

На бригадира имя и звание тоже не произвели какого-либо впечатления. Он бросил куда-то в пространство:

— За этим типом хвост тянется?.. Нет? Я так и думал. — потом снова обратился к особисту.

— Я верю, Данилов, что ты легаш с Марса. Хоть мультипаспорт о тебе мало что говорит, но в своей картотеке мы

нашли твой инфослепок. Либо тебя очень глубоко законспирировали твои начальнички, либо ты порешь отсебятину. И похоже, что именно второе, поскольку у тебя сейчас нет даже входа в решетку суперсвязи. Сдается мне, никто тебя сюда не посылал. Следовательно, что? Если мы тебя сунем в печку, никто нас не обругает.

— Вы уже пытались меня уничтожить. Ваша фабрика перла на меня с открытой пастью, долбала буром Хиггса, да еще кто жвахал по мне из импульсника, прямо с навигационной надстройки.

— Да на кой хрен ты нам сдался, мелкий? — возмутился судья.

— Это все Доротеенко мог учудить, потому что Данилов его разыскивает, — сказал адвокат.

— Да, Доротеенко мог. Он же купил на полчаса беспредельное право командовать фабрикой. — согласился судья. — То есть, он имел право распоясаться.

— А Данилов имел право поквитаться с Доротеенко. Это тоже по понятиям, — атаковал адвокат.

— Только этот мент позорный не является членом сообщества закрытой зоны, — отразил «выпад» прокурор Череп.

— И насрать. Он может быть гостем зоны. Считайте, что я его пригласил. — парировал адвокат.

— Но ты мне не доложил об этом заранее, Тойфельманн, — сказал бригадир. — Так что я штрафую тебя на солар, который пойдет в счет моего долга тебе.

— Червь меня прогрызи, — рявкнул адвокат, являющийся также владельцем малыша-махайрода, который отчаянно зевал и облизывал свои пятисантиметровые клыки. — Раджа зверски хочет есть, и я боюсь, что не дотяну до конца процесса. Он же может запустить клыки в мою шею. Мне шею жалко.

— Ну так давайте закончим, — возбудился палач-гермафродит, — и я затрахаю Данилова насмерть.

— Данилов имел право поквитаться с Доротеенко. Допустим. Но с другой стороны мы должны немедленно казнить этого мента за убийство незаменимого человека с дефицитной специальностью. А Доротеенко потом оштрафуем за отсутствие на судебном процессе, если найдем его. Он, может, уже сел в свой челнок и отчалил. Так что, за неимением лучшего, давайте поскорей кончать дорогого гостя.

Судья удовлетворенно потер свои динозавровые ручки — на его взгляд все было правильно и справедливо.

— Кончать, да кончать, что вы за трахари такие неутомимые, — выступило существо непонятной наружности. На

его зеленой коже были пропечатаны микросхемы, хвост изрядно напоминал оптоволоконный кабель и завершался штеккером. — Скучно вас слушать. Вы бы хоть спросили у этого, так сказать, Данилова, как он здесь оказался, на алмазном осколке, без движка, без челнока.

— Ты полагаешь, что это в самом деле интересно, Ци? — незлобно, но несколько раздраженно спросил бригадир.

— Ну, это может прояснить некоторые обстоятельства нашего дела.

— Хорошо, как ты здесь оказался, Данилов? Только покороче. У нас скоро праздник «восьмое марта». Всекосмический день женщин и тех, кто их заменяет на просторах вселенной. Сам понимаешь, надо еще марафет наводить.

Данилову не хотелось участвовать в этом псевдосудебном балагане с известным концом. Он и не стал участвовать.

Но малопонятное существо подошло ближе и мягко ткнуло хвостовым штеккером в разъем на даниловской шее.

— Давайте познакомимся с подсудимым поближе и заглянем ему в душу. А там написано… что кто-то пытался прикончить Данилова на Весте. Были задействованы интеллекулы серии Б12с. В этом деле Доротеенко у нас большой дока. Попрошу приобщить протокол событий к делу.

— Причем тут интеллекулы? Я должен казнить Данилова за недозволенную мокруху на моем, понимаешь, судне. Кроме того интеллекулы серии Б12с, попади они в Данилова, превратили бы его в такое дерьмо, что и лопатой не сгребешь! — почти зарычал бригадир. — А он ничего себе сохранился.

— Почти превратили, но потом, судя по тому же протоколу, что-то вмешалось и дало задний ход. — заметило Ци.

Адвокат, скормивший тигренку какую-то зазевавшуюся жирную муху, обратился к Данилову:

— Эй, парень, кто тебя провел по трем закрытым секторам Весты?

А почему не сказать. Данилов сознался:

— Он называл себя призраком Гальгальты…

— Гальгальты? — по обществу прошел заметный шум.

— Данилов врет, — без особой уверенности произнес Череп.

— Да, действительно непростой случай, — протянул бригадир, затем потер виски, украшенные массивными разъемами, своими динозавровыми ручонками. — В таком случае я мог бы предложить нашему подсудимому ристалище. Или он выбирает продолжение суда?

— Ристалище, — шепнуло Данилову хвостатое существо.

— Конечно, дристалище, — сказал адвокат. — Если тебе,

Данилов, помогал сам Гальгальта, значит, и сейчас его семечки в тебе.

— Пусть будет ристалище. — согласился Данилов, сильно уставший от этого бедлама, — какое оружие и с кем?.

— Со мной, — грозно клацнул челюстями Череп.

— Нет со мной, — капризно протянул гермафродит и топнул пухлой ногой, затем раздвинул ягодицы-подушки. — Я его удовлетворю насмерть.

— Со мной. — неожиданно сказал адвокат. — Я, кажется, захотел убить своего подзащитного. И немедленно займусь этим. Да ну все к чертовой маме, я всю жизнь ждал, что ко мне явится САГ или Ма Элион. А тут к какому-то менту приходит сам Гальгальта. Я прикончу Данилова, распотрошу его джина и возьму семена Гальгальты себе.

— Тебе пятнадцати минут на это дело хватит, Тойфельманн? — спросил бригадир. — Не забывай, у нас сегодня праздник.

— Я думаю, да.

— Эй, почему никто не говорит, что полагается мне в случае победы. — возник Данилов.

— Сие гипотетически возможно, — вздохнул главный. — Сейчас придется напрягаться, фантазировать, причем совершенно напрасно… Если ты паче чаяния одолеешь Тойфельманна, то Доротеенко — твой. И еще вся фабрика на целых пять часов в твоем распоряжении, наслаждайся тут как хочешь в меру своей испорченности. Ладно, чего мне тут распространяться. Иди, дерись.

— А где тут у вас алебарды? — нашел силы схохмить Данилов.

— Никаких алебард, прыжков и криков. Будем чинно сидеть на стульях. — сообщил Тойфельманн, безусловно имевший самый интеллигентный вид из всех присутствующих.

— Но проигравшему — абзац. — добавил Череп.

— Никак не пойму, что это Тойфельманн на тебя взъелся, может ты и ничего парень. — дружелюбно сказал бригадир. — Наверное, у него давние счеты с особистами. А вообще он тут у нас за полгода уже трех человек шпокнул. Я его, понимаешь, об этом не просил, но и возражать не стал, поскольку в целом мы страдаем от перенаселенности… На всей фабрике один туалет, и то постоянно забивается.

— Садись сюда, Данилов, — сказало хвостатое Ци и показало на кресло, сильно напоминающее электрический стул. — Я, кстати, буду твоим секундантом. Прослежу, чтобы Тойфельманн тебя не обдурил. Говорят, кстати, что он клон не то Гиммлера, не

то Гейдриха, в общем эсэсовского бонзы, ткани которого сохранились в каком-то берлинском холодильнике.

Данилов уселся за круглый стол, отчасти напоминающий плаху и расположенный прямо посреди «майдана». Публика стала рассаживаться концентрическими кругами. Кое-кто повис на большом светильнике, кто-то сел на кого-то.

К неприятному удивлению на руках, ногах и голове Данилова сошлись захваты. То же, впрочем, произошло и с оппонентом.

— Этого как раз не бойся, — сказал хвостатый секундант. Простые меры предосторожности, чтобы за счет спонтанной психомоторики ты не сломал и не разбил чего-нибудь.

Ци засунуло Данилову в рот какую-то съедобную ампулу с жидким наполнением.

— Это тебе для расслабления мышц и одновременной стимуляции кальциевых рецепторов у нейронов.

— Ци, скажи ему, — напомнил главный, — что его джин будет отключен, останется только опора на собственные силы.

Данилов почувствовал, как ловкие пальцы хвостатого всовывают в разъем на его шее кристалл с игровым софтом. Мелькнуло несколько тестов и оптическое окно погасло, а через нейроконнекторы в мозг влетела сенсоматрица ристалища.

Данилов увидел глянцевую ширь под оранжевым низким небом. Горизонт казался очень далеким, как если бы зритель находился на большой планете.

Противник появился ниоткуда. Зияющий чернотой зев, секущие плоскости челюстей, звериная вонь. Данилов успел метнуться в сторону, но потерял врага из виду.

Мгновение спустя на него словно танк наехал. Он едва успел уйти в перекате, потом вскочил и заозирался.

Он не знал, как колотиться сейчас его сердце, но воздух заволокло мутью — это подействовала волна паники.

Время делается в голове, говорил Борибабин. Не думай о пропасти, даже если ты летишь в нее.

Данилов увидел маленького верткого тарантула около своих ног и хотел немедленно раздавить его, но как-будто получил предупреждение: «Осторожно».

Данилов аккуратно подвел руку, а потом быстрым движением, которое у Борибабина называлось «схватить кипяток», отшвырнул паука. В полете эта мелочь преобразовалась в махину, размером с крейсер, который мрачным болидом пронесся за горизонт и где-то там взорвался, озарив полнеба багровом сиянием.

И тут его окружили трое. Три бандита: черный, рыжий и бритый, в руках — финка, свинчатка, кастет. Нормальная уличная

расстановка сил лет пятьдесят назад.

Волевая вспышка ярко осветило воспоминание: борибабинский фирменный бой «один на трех». Победоносный бой всегда короткий. Если длинный — то ты проиграл.

Правила игры позволяли Данилову сейчас тоже обзавестись финкой и кастетом, они бы увеличили его поражающую силу, но лишили бы свободы.

Каждый палец стоит ножа, говорил Борибабин.

Сперва заставить их поверить, что он их боится, но при том не испугаться на самом деле.

Черный атакует с финкой, рыжий бьет свинчаткой — действуют они умело, сноровисто, не то, что те мужики на Меркурии.

Данилов отшатнулся, как будто неловко отпрянул. Они сужали круги, он имитировал неловкость.

Бритый махнул кастетом — упасть, откатиться, можно даже полежать немного.

Теперь не пропустить момент, когда надо ответить.

Но сперва повернуться на спину — это поза побежденного, но так он видит их всех.

Ну, пора. В перекате он сбивает черного с ног, тот, падая, мешает ударить рыжему. Бритый вынужден обегать свалку, чтобы достать его со спины. Пропустить удар над собой и немедленно заканчивать эту сцену тремя ударами. Черному в горло, рыжему в пах и бритому по подбородку.

Вроде, все. Где тут опускается занавес?..

Данилов почувствовал, что сейчас его затылок будет размозжен и успел немного пригнуться. Удар прошел вскользь, но вбил его лицом в землю.

Данилов поднял голову и увидел бритого в двух шагах от себя. Уже не урка поганый, а опытный боец. Вместо кривой ухмылки блатного на его желтом безглазом лице ровная улыбка мудрого. В перевороте Данилов пошел вперед и, перенаправив ось своего вращения, попытался подсечь бритого, но ему это не удалось. Данилов перешел в вертикальную стойку и атаковал по раскручивающейся спирали. И вот противник перед ним, его руки и ноги не успевают выйти на блок. Но неожиданно третья рука вырывается у бритого из солнечного сплетения…

Резкая боль отбрасывает Данилова, его выбили из ритма, из равновесия. Скрючившись, он пытается уйти от настигающего Тойфельманна. Противник знает лучше правила этой виртуальной площадки, недаром же он уже прикончил на ней троих.

Что можно противопоставить его реакции и его знанию, если

даже джин отключен? Стоп, надо взять хоть самую крохотную паузу.

Борибабин погиб странной смертью. Челнок, на котором он летел с Марса на Фобос, неудачно сманеврировал и попал под разгоняющийся лайнер. Незадолго до своей кончины он провел несколько необычных занятий с Даниловым и еще двумя учениками. На тот случай, если все будет не так, как всегда. Если джин с его инъекциями психостимуляторов будет выведен из строя или станет бесполезным, если противник окажется слишком силен.

Все площадки являются отражениями одной Площадки, все правила — выводами из одного Правила, все силы, психические ли физические — истечениями одной Силы. Цифровые ли физические тела — все они являются масками великой Пустоты.

Данилов отрешился от дурноты и боли. Сколько там рук ног или лучей — было уже не важно, он действовал в трех энергетических сферах. Произошло объединение, теперь он и Тойфельманн уже не сражались друг против друга, они творили вместе. Данилов ощутил тот рисунок, который наносит на площадку мозг противника.

И Тойфельманн взбесился от этого совместного творчества. Он попытался рывком выйти из совместной игры, хотя был связан по всем трем сферам. Данилов как будто открылся снова на среднем уровне, скручивающим блоком увел атаку противника от себя, еще придал ему ускорение и оказался сзади. Затем разрушил единство, ударив «мечом», ребром ладони, в промежуток между верхней и средней энергетическим сферами Тойфельманна. Психическая отдача была столь велика, что казалось хрустнули его собственные шейные позвонки…

Данилов пришел в себя как будто от солоноватого привкуса крови. Он явно ухитрился прокусить собственную губу. Данилов по-прежнему сидел за круглым столом, однако захваты отошли от рук, ног и головы. Сенсоматрица ристалища уже отпустила его, возвращались привычное сенсорное поле и оптическое окно. Ныл затылок, но позвонки и кости вроде были на месте.

Включившийся джин ругал тех, кто его так коварно вырубил и сообщал, что, тем не менее, организм в норме.

Напротив сидел противник. По подбородку у него текла кровь, голова беспомощно поникла набок. Труп. Что подтвердил и бригадир.

— Тойфельманна расфасовать и в холодильник. Сделаем из него котлеты. Садист долбаный, а не человек… Данилов, хочу тебя огорчить. Доротеенко в самом деле сбежал, пока вы тут воевали с Тойфельманном. Сел на челнок и тю-тю, как я и

говорил. Ну, не могу я за всем уследить, а в команде моей одни болваны, приживалки хреновы. Однако, все остальные мои обещания в силе. Пользуйся. Тут и праздник как раз начинается.

Гермафродит провел языком по тонким губам, а затем затряс всем своим салом от головы до пят.

— Эй, красавчик, бери меня, хочешь спереди, хочешь сзади. Я ведь универсальное существо из Светлого Будущего, в коем не будет уже унылых и однообразных однополых людей.

— Скройся, разнообразный, — сказал Данилов. — или я тебя так отделаю, что одни сопли останутся.

— Ай-яй-яй. Так нельзя. Людей надо уважать, хоть они и подонки. — не одобрил бригадир. — Я обязан предоставить, а ты обязан воспользоваться. Таков обычай свободного космоса. Или тебе все тут не годятся, никого ты не хочешь, все тебя не достойны? Мы что тут не гуманоиды, а мент?

Обстановка опять стала накаляться. Такие кошмарные рожи вокруг. Данилов с тоской оглянулся. И хвостатое создание, именуемое Ци, пришло ему на помощь:

— Этот парень имеет право блевануть, если кто-то ему кажется неаппетитным. А будет он весь вечер со мной.

12. «Новый друг хвостатей старых двух»; кластер Веста-3, закрытая зона «Кибальчич»

Данилова заявление хвостатого существа мало порадовало. Собственно, он только сейчас стал впервые приглядываться к гражданину Ци. И замечал, что помимо хвоста-кабеля и кожи с микросхемами, у гражданина Ци немало других сомнительных достижений. Мягкие ткани лица почти полностью прикрыты металлорганическим забралом, то ли искусственным, то ли вполне естественным. Волосы есть, если назвать волосами какие-то зеленоватые лепестки. Само тело где-то внутри твердого пластинчатого панциря. Пластинки положены внахлест, так что определенная гибкость у панциря имеется. Руки и ноги тонковатые, без суставов как будто — гнутся-то чуть ли не во всех местах. Может, они из члеников состоят?.. Интересно, пьет ли Ци водку?

— Слушайте, а отдельного кабинета для меня у вас нет? — настойчиво поинтересовался Данилов у главного.

— Нет у меня отдельного кабинета даже для себя, — с грустью отозвался бригадир. — Я, конечно, могу запереться ради потрахаться где-нибудь в машинном отделении, но это только в порядке исключения. Еще и задница потом вся в моторном масле.

— Да пошли ты, — сказало хвостатое существо, — у меня тут есть вполне приличный уголок.

И Ци повело Данилова, обреченно шевелящего ногами, в свой «кабинет».

Худшие ожидания не оправдались, Данилов попал не в нору и не в дыру.

Уголок действительно оказался уголком, не то светелкой, не то темнилкой, но вполне на уровне — это была коробчатая конструкция на высоте метров пять от палубы, если точнее не неисправный мостовой кран для ремонтных и погрузочно-разгрузочных работ.

Хвостатое Ци шугануло отсюда какую-то тварь, похоже, что полуразумную крысу с патипалыми ловкими лапками и хитрыми красными глазками. Ушлый грызун начал, скорее всего, свой жизненный путь с подсадки в человеческую яйцеклетку, а затем все более умнел и цивилизовывался за счет мелкого воровства.

— Это Дуня, подружка моя, пускай сейчас прогуляется, — сообщило существо Ци. Голос у него был неопределенный и

ненатуральный; и звонкий, и гнусавый одновременно.

— У тебя довольно уютно, — сделал комплимент Данилов и, в общем-то, не очень отклонился от реальности. Тем более, что в кают-компании с жуткими визгами начиналась оргия под названием «8 марта» и какая-то шарообразная баба по кличке Клара Цеткин плясала и каталась по живому ковру, образованному из голых мужиков.

Закуток Ци, два на три метра, был захламлен всяким барахлом, типичным для хаккера: полусобранные деки, кристаллочипы софтов, браслеты и венцы биоинтерфейсов, пакеты с интеллектуальным грибковым мицелием, который тут же разрастался зеленью на платах, термосы с белесым коллодием из наноботов, изрядно напоминающим молоко.

Расставлены тут были и штучки, на первый взгляд напоминающие археологические находки. Статуэтки вроде тех паучьих изваяний, которые Данилов видел в пещере Лабиринтис Ноктис. Ну да, как он раньше не догадался! В пещере тоже ничего археологического не было, просто там кто-то имитировал марсианские древности.

— Ты случаем не в курсе, что за шарага занимается производством фальшивой археологии? — спросил Данилов, чтобы поддержать беседу.

— Это не фальшивая археология. Этим статуэткам миллионы лет. Они представляют одну из марсианских рас, которая называлась «посредники». После того как ее уничтожили звездные «бутылочники», погибла и наша раса. — уверенно произнесло Ци.

«Ну, конечно же, разве будут в голове у этой муташки нормальные человеческие мозги?»

— А зачем, Ци, вашей расе нужны были еще какие-то «посредники»?

— У нас имелось два пола, но прямая копуляция была затруднительна. Однако мы не стали переходить к вырожденческому клонированию и сохранили скрещивание, столь важное для прогресса. «Посредники» взяли на себя работу по переносу генетического материала между нашими полами.

— Хорошо тебе сочиняется, — согласился Данилов. — Значит ты уверен… уверено, что принадлежишь к какой-то сгинувшей расе. Ну и как это, не мешает в работе?

«Черт, какая там может быть работа у такого чудика? В цирке разве что выступать.

Ци странно поводило головой, в этом движении было что-то от роботов или рептилий.

— Моя работа — воскрешать мою расу. Но главное уже сделано, ученые на «Кибальчиче» нашли генные карты моей расы

и расшифровали их. Мы состояли не из протеинов, а из металлорганических полимеров. Мы не нуждалась в кислороде и получала энергию из реакций «темного» фотосинтеза, потому что вели свое происхождение от растений.

Ци хихикнуло, словно бжикнул лобзик по дощечке.

— Ой, ты меня останавливай, Данилов, а то я могу часами про это дело болтать… На вот, пожуй. — неомарсианин протянул Данилову батончик со стандартным набором белков-жиров-витаминов, прозываемый в народе «завтрак скотины».

— В результате смелых экспериментов ребятам с «Кибальчича» удалось создать меня. Первую истинно марсианскую женщину за последние десять миллионов лет.

— Ух, ты. — Данилов привстал, чтобы отвесить поклон. — А поцеловать тебя можно, Ци?

— Это мерзко для меня, понял? — как будто всерьез сказала неомарсианка. — И вообще меня зовут Цецилия. Повторяю для особо одаренных, мы никогда не имели ничего такого, как ваши копуляции. Слишком едкая была внутренняя среда и слишком агрессивная была натура. Плюс имелась внушительная разница в силах и размере между, так сказать, полами — как ты понимаешь, не в пользу мужиков.

— И это правильно. — согласился беглый особист. — Наши бабы тоже будь здоров. Однажды мне тетка из рабочего поселка так врезала, что я на неделю слег. Правда у нее под кожу ладошки свинчатка была вшита.

— А ты везунчик, Данилов. — заметила Ци.

— Конечно, во мне сидит призрак Гальгальты. — на всякий случай решил напомнить Данилов.

— Брось ты. Это мог ты заливать в толпе оболтусов, которым сенсации подавай. Какой призрак Гальгальты, я вас умоляю. Эксперт Гальгальта был глобальной системой, в этой глобальности заключался его разум. Тебе могли показать его логотип, но чин чином пособить сумела бы только настоящая киберсистема.

— Какая к примеру?

— К примеру, некий гипер, у которого плохие взаимоотношения с другими гиперами.

Слова Цецилии озадачили и даже напугали Данилова. Как и любой другой особист он непритворно боялся трещин в Киберобъединении. Этот страх был заложен в него в самом начале обучения, не только в виде психопрограммы, но и как нормальный условный рефлекс. Этот страх исчез бы только при полном промывании мозгов.

— И как его зовут… этого раскольника?

— Сядь да покак, парень. Откуда мне знать? Он же помогает тебе, а не бедной маленькой Цецилии.

Под маской Гальгальты выступал какой-то гипер? Он еще катил бочку на Фюрера и Афродиту!.. Нет, не надо вдумываться в бредни маленького глупенького синтетика.

Поляризованный свет удачно падал на панцирь и забрало хвостатого, отчего проявлялся второй слой. Там проступала неземная, но красота. Как тут не вспомнить сказочку вроде «Царевны-лягушки»: сверху уродство, а снизу соблазн — все это было страшненько и в то же время зачаровывало.

А запах как от цветов.

— Я же говорила, что мы происходим от растений. Запахом мы приманивали насекомых-опылителей, этих самых «посредников».

Ци вдруг обняла Данилова и ее хвост коснулся его спины в районе крестца, там где стоит запасной разъем…

Очень интенсивные ощущения, в чем-то родственные сексуальным. Доступ к его джину у хвостатой есть, кибердвойник даже и не возражает. Значит, Ци удачно подобрала программный интерфейс и втюхивает через нейроконнекторы стимулы и раздражители… Вон какие приятственные нейропептиды пошли вырабатываться. А потом ее хвост… ему показалось, что тонкая змейка проползла вдоль его позвоночника снизу вверх. Это было здорово и болезненно. Голова сильно закружилась, как от передозировки расслабляющего цет-допамина. Похоже не только нейроконнекторы задействованы, но и прямая биоволновая стимуляция.

А еще Ци загрузила Данилову сенсоматрицу и показала «свой» мир.

Древние марсианские пейзажи окружили Данилова.

Острые горные пики словно пронзали Данилова, песчаные цунами погребали его под собой, реки, лишенные русла, бросались на него, будто исполинские ведьмы.

Видел он и «местное население» — разнорасовых марсиан, и корабли, и дамбы, и мосты, и туннели, и силовые станции. Фантазии на эту тему у Ци хватало. Наслоения причудливых каркасов, извивы коммуникаций, гроздья производственных элементов, кругом пульсации жизни.

Была там, в этой сенсоматрице, и хвостатая подруга, вернее, кто-то очень похожий на нее. Руки как клинки, с металлическим отливом и потеками крови, ноги широко расставлены, впились шипами в землю. Она возвышалась жестокая как богомол и прекрасная как орхидея над выпотрошенными трупами жертв, или, может, тех самых «посредников».

В этой сенсоматрице Данилов не был скован страхом или безучастностью, повинуясь новым посылам, он запрыгнул ей на спину, где чуть-чуть разошлись пластины ее панциря, обнажив волнующую слизистую мякоть — и вдохнул пьянящий запах, источаемый половыми железами. Низ его живота мгновенно заполнились сладким теплом.

Даже в фазу любви подруга явно испытывала к нему в не столько нежные, сколько гастрономические эмоции.

Однако от этого его ощущения были еще острее.

А туда, к опасному локусу оплодотворения, пополз паук-посредник.

Он внедрил куда надо сперматофор, а она взяла его своими страшенными руками и начала пожирать без всякой анестезии. Вниз падали прозрачные остатки кутикулы, из дрыгающегося паучьего тела брызгала оранжевая гемолимфа. Тризна была совмещена с обеденной трапезой…

Сладко-мрачная фантазия оборвалась, потому что на контакт вышел Фридрих Ильич, то есть абонент спецсвязи по кличке «Мурза». В сверхкодированном сообщении значилось только следующее. «Едва нашел тебя. Извини за блокировку твоего абонентского номера в решетке, так надо было для твоей безопасности. Не беспокойся о последствиях. На Весте-1 царит бардак, срочно высылаем туда комиссию. Я в курсе, что ты собираешься на Весту-3, но рекомендую еще поторопиться. В секторе 3Цет, ячейка 312, найдешь инструктивный материал для себя».

И ни полсловечка про Анпилина, и никакого разговора. Лишь ссылка на замаскированную ячейку с секретными инструкциями, которой на данный момент скорее всего еще нет. Либо Особый Отдел действительно учел все обстоятельства, и спустил погрешности Данилова на тормозах. Либо ему назначают место свидания, чтобы повязать и препроводить в кутузку…

Данилов поежился и заметил как свернули в темноте глаза новой «подруги».

Но если «свой» протянул ему руку, то как он может от нее отказаться? Ведь других «своих» нет и не будет. Не похоже, чтобы ему хотелось подружиться, например, с кем-нибудь из команды «акулы», даже с Ци. Можно ли скорешиться с жуком или богомолом, даже если он байки травит на твоем родном языке? Так что, надо поторопиться по указанному адресу.

— Эй, бригадир, — крикнул Данилов, высовываясь из закутка, — требую исполнения желаний. Мне нужно в сектор Веста-3Цет, да поскорее.

— Пожалуй, это неплохая идея, хотя и выражена в несколько

категоричной форме, — отозвался капитан «акулы», заметно уже подуставший от массовой оргии. Он лягнул перевозбудившегося гермафродита и добавил, вытирая пот со лба динозавровой ручонкой — Убью проклятого при первой же возможности. Мало того, что двуполый, да еще и недоумок. Мозгов у него даже на один бы пол не хватило. Страх Небесный, что ж нас ждет с такими кретинами?.. На 3Цет так на 3Цет. Мне тоже захотелось свежего пива.

А новая подружка скрылась. Возможно ей на смену пришла полуразумная крыса Дуня и каких-только фокусов не показывала, даже плясала на задних лапках «польку-бабочку».

Через пять часов сорок восемь минут «акула» пришвартовалась на захламленном пирсе ремонтной службы в секторе 3Цет…

В кластере Веста-3 этот сектор считался крутым, можно даже сказать фешенебельным.

Паутина широкомолекулярных труб-улиц и полос-бульваров, натянутых в открытом космосе между пятью крупными хондритовыми осколками, отстоящими друг от друга на расстояние три-пять километров.

Все это хозяйство защищено сферическим гравиполем, гравитационная «сфера» наполнена воздухом.

Комфорт был оплачен за счет налога на старателей, но на большее денег уже не хватило. Поэтому атмосфера здесь была разряженной и холодной.

Ячейка 312 могла представлять собой все что угодно, но, скорее всего, невзрачную углеродную пластиночку с детектором, который должен был отреагировать на характерный биоволновой рисунок Данилова. Единственная подсказка — это координаты ячейки.

Однако и с координатами тут предстояло помучиться. Веста-3Цет была из себя сплошной космический базар. На трубах-улицах и полосах-бульварах имелись многочисленные вздутия и утолщения, прозываемые залами. Там люди, мутанты, симбиоты, ментализированные животные, синтетики и прочие твари торговали, меняли, заключали сделки, что-то мастерили, собирали и разбирали. Однако, в основном, слонялись без дела, лениво летали, визгливо галдели на дюжине языков и жаргонов, мирно дрыхли, прилепившись к стенке, или ворочались под воздействием какого-нибудь наркософта».

В одном из таких «торговых залов», где в основном продавали живой корм для всяких мелких зверушек, вроде мини-ящеров и мегамикробов, Данилов заплыл за шаровидный прилавок и уловил сигнал. Сигнал опознания «свой-чужой». Данилов

оглянулся — как будто никто не подсматривает — наклонился и сунул руку в пластиковый мусорный бачок.

Через полсекунды пластинка была у него в руках, через секунду она передала ему сообщение и тут же рассыпалась в прах. Довольный Данилов распрямился: ура, никакого ареста! В сообщении значилось — следовать в космопорт, терминал «А», там ждет борт такой-то, направляющийся к дальним планетам…

Особист вспомнил, что уже несколько секунд не контролирует обстановку в целом. Даже не оглядываясь, он почувствовал угрозу и прянул в сторону.

Взрыв. Ударная волна нокаутировала его и швырнула в монопластовую стенку. Он прорвал ее телом и вылетел из зала.

Данилов пришел в себя и понял, что пока что жив, но падает в пустоту, расцвеченную гирляндами труб. В качестве зрителей выступали звезды, уже набрякшие, но еще затуманенные голубоватой дымкой разреженной атмосферы.

Фактически Данилов оказался в «полуоткрытом» космосе, и с губчатым кислородным обогатителем, развернувшимся в легких, мог пока дышать. Однако сразу ощутил, как при столь низком давлении отекают, превращаются в бутылки его руки и ноги.

Вокруг плавал всякий мусор, начиная от обрывков сильно использованной туалетной бумаги и кончая цветочными горшками, жужжали даже жирные мухи-мутанты, но ни одна из них — даже если бы захотела — не могла задержать падения Данилова туда, на грань, и дальше. Живой особист тут никого не интересовал, однако кое-кому требовался его труп.

Конечно же, сферическое гравиполе не задержит его тело, а наоборот даст ему еще ускорение, забросив в открытый космос с приличными тремя «же».

Пора уж было приступать к «отходной молитве», фармапсихологической самообработке, которая должна облегчить *нисхождение* в капсулу Фрая, ну и дальше, к следующей жизни.

До границы с открытым космосом, что по жуткости своей превосходила любую другую границу всех времен и народов, оставались символические метры. Звезды стали выпуклыми, как глаза стервятников, а конечности превратились в бочки. Когда Данилов закрыл глаза и начал проговаривать коченеющими губами: «Великое Объединение прими мою душу и верни ее новой плоти», его поймал хвост подруги Ци. Пару раз прокрутив, она швырнула душу и плоть Данилова в обратную сторону.

Он летел назад, но был хорошей мишенью. От узла улиц-гирлянд с шипением протянулась в его сторону золотая ленточка плазменного выстрела. И не достала его.

Следующего выстрела плазмобоя не случилось. Его опередил

жидкий, как и полагается в такой атмосфере, хлопок. Узел был перерублен: улицы разлетелись и заизвивались в голом пространстве как рассерженные змеи, из разорванных труб словно конфетти посыпались люди.

Хвостатая дама по имени Цецилия снова подхватила Данилова и понесла — на сей раз она оснастилась внушительными крыльями, очевидно накладными биополимерными. Они мощно, но почти бесшумно отталкивались от сильно разряженного воздуха. Уже через несколько минут Данилов был далеко от всей суматохи.

Ци принесла его в райончик, где из построек только несколько цепей пластиковых хижин да колбасовидные оранжереи, в которых трехярусно зеленели огурцы размером с человека.

Данилов за ручку с Ци влетел в оранжерею через мягкий сфинктерный клапан, где уселся под большим листом, прислонившись спиной к зеленому столбику огурца. Могучие крылья Ци ухитрились свернуться в два довольно аккуратных пакетика. Только сейчас Данилов осознал, насколько промерз, и сильно забряцал зубами. Он пытался непослушными руками растереть непослушные ноги, джин помогал инъекциями С-адренергика.

Ци коснулась его рук, а потом ног. И хотя исходящее от нее тепло было мягким, онемение быстро улетучилось.

— Тебе, похоже, туда, — хвостатая дамочка махнула рукой в сторону космопорта, смутно виднеющегося сквозь полупрозрачную стенку оранжереи. С такой дистанции он, благодаря многочисленным приемным-стартовым башням, напоминал ежа.

Направление, указанное Ци, соответствовало полученным инструкциям, но Данилов решил посопротивляться.

— С чего ты решила, что мне в космопорт?

— Мне так показалось. Тем более, здесь ты представляешь удобную цель. Больно рожа протокольная. Не забывай, что здесь никто на морду лица мимик не навешивает.

— И кого это так моя красота прельстила? Есть идеи, Цецилия?

— У нас всегда они есть, особенно если нет денег. Доротеенко мог, раз у тебя с ним дуэль. Он, кажется, в курсе твоих передвижений. В любом случае, на Весте-3 тебе больше нечего делать. Доротеенко отсюда, наверняка, уже срулил, поменяв по новой мультипаспорт.

— Ты хочешь сказать, что его предупредили?

— Его вспугнули. Твои камрады слишком глупо и активно его

искали, — Ци перекинула Данилову мемо-кристалл с записями радио и сетевых обменов Особотдела Весты-3 за последние сутки. — На фоне прочей белиберды это было сильно заметно.

Так и есть, местные олухи протянули повсюду примитивные линии слежения и еще трепались о розыскных мероприятиях чуть ли не в полный голос.

— Опять тебе помешали, Данилов, это я как всеведущая марсианка говорю… Хочешь, помогу до космопорта добраться? — ненавязчиво предложила Ци и тут же возникла еще парочка существ, смахивающих на марсиан. Тоже хвостатые, хотя как-то поприземистее.

— Это конвой или почетный эскорт? — спросил несколько напрягшийся Данилов.

— Если ты уж такой проницательный, это и то другое. Вдобавок можешь считать их санитарами.

Хвостатые твари без церемоний сунули Данилова в мешок, включили индивидуальные движки и через несколько минут он уже пересек синие служебные ворота космопорта.

— Я твой должник, Ци. — сказал Данилов, подождав пока остальные «марсиане» удалятся на приличное расстояние. — Жаль, что если к тебе подвалить напрямую, то меня ты или разъешь, или сожрешь, а вот с посредниками я не согласен работать, потому что они такие противные пауки.

— Ладно, Данилов, с тебя поездка в Крым-4.

Крым-4 был шикарным соларитским курортом между Венерой и Землей, водяным пузырем с плавающими островами, пальмами и шикарными красотками под прикрытием гравитатора. Ци там бы явно не смотрелась. Впрочем, у Крыма-4 была обратная ледяная сторона, на которой, как говорили, располагался лагерь особого режима…

Когда он уже был вне досигаемости ее психофейса, то разрешил себе подумать о главном. Ци чем-то напоминала Гиперицию и даже гражданку Кац. Стилем что ли. Все они возникали как deus ex machina и некоторое время принимали деятельное участие в его делах. Это выглядит подозрительно, но, благодаря им, он до сих пор жив…

Змейка транспортера протащила задумавшегося Данилова на терминал «А». Терминал был здоровенным залом с полусферическим полом, из которого вырастали стометровые башни или может стволы, протыкающие купол и вонзающиеся прямо в космос. Под полом фурычили системы обслуживания, погрузки-разгрузки и ремонтные службы, в башнях обрабатывались суда — естественно, что малого тоннажа. Большие космолеты, крейсера космофлота, пузатые пассажирские

лайнеры и коробчатые контейнеровозы швартовались к километровым пирсам, по которым ползали козловые краны и змееподобные трапы.

Согласно сообщению, переданному секретной ячейкой, Данилов должен был сесть на борт 07–58. На вид это был заурядный буксир-толкач для космических барж, весьма обшарпанный из-за метеоритных дождей и неудачных стыковок. Но внутри!

Данилов сразу понял, что дело серьезное нешуточное, когда увидел внутренности суденышка.

Термоядерный котел с двухфазным ускорителем — да это же специализированный быстроходный рейдер! Плюс пассажиры — по всем признакам группа захвата.

Даже сейчас они были в полной экипировке. Силовые скафандры, похожие на стекающую воду и сделанные из жидкокристаллической металлорганики, поверх доспехов кассеты реактивных ускорителей, похожие на патронташи, из-под забрал выглядывают крепкие одинаковые подбородки. Клоны зондеркоманды «Егер-9». Победители спартакиад. Космический омон. Омон — таким древним непереводимым, но каким-то значительным словом именовали себя эти ребята. Сканирование сразу показало, что напичканы они энергостимуляторами и разномастными наноботами. Характерные «наплывы» на коже выдавали работу модернизированных онкогенов, занимающихся регенерацией поврежденных тканей. Гены-регенераторы и скелет на ноги поднимут. К обычным мышцам, раздутым анаболиками, были добавлены синтетические мускулы из экстрамиозиновой резины, вон выделяются на челюстях и шеях, как провода. Плюс, наверное, полна черепная «коробочка» психопрограмм, чтобы членам команды «Егер-9» было легко отдать свою нынешнюю жизнь на благо космической родины.

Данилов снова подумал не то, что нужно: Главное Управление Жизненных Процессов создает в клонопитомниках много новых интересных человекоподобных спецсуществ, но уже не-людей.

Нелюдей, в классическом смысле этого слова.

— Привет, камрад, — сказал он встречающему омоновцу, — похоже, что офицеру. — Что-то выглядите слишком по-боевому. Когда стрелять начнем?

— В лучшем случае, через три недели, когда доберемся до Юпитера, камрад Данилов. — офицер протянул руку вместе с проводами-жилами. — Я — капитан Хованский. А сейчас укрепились мы всякий случай, так сказать, во избежание. Дело-то серьезное предстоит. У нас уж десять лет как не случилось ни

одного стоящего акта террора.

Террора? Актов террора действительно давненько не было. Да и те, что случились десять лет назад на «террор» явно не тянули — тогда группа работяг-шахтеров захватила в Поясе какой-то челнок и хотела усвистать на нем к черту на кулички — лишь бы только не ходить на работу. Если честно, хреновая у них была работенка на так называемых «взрывающихся астероидах», сплошь напичканных нехорошими нитритами.

Казалось, офицер был даже доволен, что ему выпал более-менее приличный шанс отличиться. Да и вообще Хованские были известной клонолинией. Происходили они от майора Константина Хованского, который во многом изменил ход III мировой войны, иногда прозываемой «малой».

Неожиданно джин Данилова выдал довольно солидную историческую справку.

Россия вела в 2012 году не слишком удачные боевые действия против Турции, которая вместе с кавказскими конфедератами пыталась зацапать Армению и Ставрополье, Европа была охвачена исламским революционным джихадом, который раскручивала резидентура ЦРУ в Хартуме, и тут еще несколько отборных китайских дивизий, замаскированных под «нанайское народное ополчение», атаковали Приморье и Хабаровский край.

Дальний Восток быстро переходил под контроль противника, БАМ и Транссиб были перерезаны. Правительство, конечно, не собиралось применять ядерное оружие, и готовилось к торжественной сдаче нескольких миллионов квадратных километров «свободолюбивым нанайским ополченцам».

Но эскадрилья дотоле засекреченных машин «Э-БМ», скоростных экранопланов с волнопоглощающей поверхностью, термобарическим оружием и фазерными импульсниками в течение недели переломила ситуацию.

Китайские штабы были разгромлены, бронетехника сожжена, компьютерные сети и линии связи уничтожены, живая сила в панике драпала или становилась неживой. Турция, заслышав о такой дрючке, быстренько попросила мира, а к России в союзники сразу попросилась куча стран, от Индии до Монако.

Командовал же эскадрильей экранопланов майор Хованский, отчаянный умница.

И если бы российские штабные компьютеры не поразил вирус А-914, то война бы закончилась полной викторией. Но все замерло там, где и началось. Потери и разрушения доканали экономику страны и Россия упала в распахнутые объятия ГДР.

Скорее всего, вирус А-914 был продан Китаю американцами,

которые не желали усиления России. В таком случае они поступили недальновидно, ведь уже через несколько месяцев заварилась главная каша.

Китайская регулярная армия, замаскированная под бирманских, индейских, малайских, индонезийских повстанцев захватила всю юго-восточную Азию, да еще Канаду с Австралией впридачу.

Вирус А-914, сильно модернизированный китайцами, кромсал теперь американские оборонные сети, китайские солдаты дивизиями просачивались через канадскую и мексиканскую границу в США.

(«А может этот вирус был в самом деле разработан великим Гольдманном и запущен в работу камрадом Феттмильхом из Коминфтерна? — неожиданно подумал Данилов. — Вдруг не сбрехнул Гальгальта.)

Быстрый разгром американской армии был предотвращен индийским биокибернетиком Ваджрасаттвой, который работал в какой-то сингапурской лаборатории и создавал наноботов для защиты хилого человеческого организма от вирусов и канцерогенов. Некто Алекс Бен-Зеев, израильский авантюрист, искусно менявший внешность и даже рост, тайно вывез ученого в замороженном состоянии, в контейнере с морепродуктами, из захваченного китайцами города и переправил в Америку, несмотря на охоту, развернутую спецкомандой «Шаолинь-2».

В Пентагоне Ваджрасаттву разморозили, заставили служить Америке, и он, используя израильские разработки в области прионного оружия, создал боевую интеллекулу «Брахмастра». Во многом она была еще несовершенной, но смогла поражать живую силу противника почище всякой чумы, причем прекрасно отличала китайцев от, скажем, японцев на основе быстрого генно-протеинового анализа. Таким образом, «Брахмастра» стала первым этническим оружием.

Однако китайское лобби в США добилось ареста Ваджрассатвы, якобы на основании того, что оно поражает американских граждан китайского происхождения. В тюрьме великого ученого прирезал какой-то уголовник, возможно китайский агент. Так погиб один из двух (наряду с Гольдманном) основоположников современной технологии.

КНР кончила распадом армии и государственным коллапсом. Схожее случилось и в США, где афромусульманское меньшинство подняло восстание против испаноамериканского большинства.

То, что осталось от обеих сверхдержав, тихо свалилось в большой мешок, называемый ГДР.

Мировая война переросла в мировую информационно-

демократическую революцию.

Такие великие державы, как Индия и Бразилия, еще пытались сопротивляться информационному и военному наступлению ГДР. Но вирус А-914 и там поработал на славу. Оставшиеся без управления бразильские и индийские войска были разделаны под орех боевой интеллекулой «Цин Шихуан», которую немецкие и китайские биокибернетики сотворили в мюнхенских лабораториях на основе «Брахмастры».

Завершающим этапом мировой войны, да и мировой революции тоже было в 2017 году взятие гэдээровским спецназом Иерусалима, где засели законные правительства и президенты многих стран, относящихся к так называемой иудео-христианской цивилизации. По иронии судьбы спецназ состоял из перепрограммированных бойцов элитных частей самых разных армий. Город, который по предсказаниям астрологов-проктологов должен был пасть первым, оказался поверженным лишь в последний день войны.

Как выразилась в своем подпольном выпуске одна израильская газета: «Армаггедон завершился исторической победой Гога и Магога».

«А если А-914 в самом деле уничтожил весь МетаВеб, чтобы стать главным гиперкомпьютером, и миллионы людей крошили друг дружку из-за какой-то вирусной программы? — глядя на служаку капитана, подумал Данилов. А во-вторых Данилов подумал. — Что же чувствовал Гольдманн, когда вдруг оказался на трибуне и слушал рукоплескания и здравицы миллионной толпы. На всех видеопленках он выглядит таким отрешенным, все его изречения так стерильны и правильны. Будто он сам был прилично запсихопрограммирован… В самом деле, не остался ли вирус А-914 каким-то ядрышком внутри внутри Фюрера. И не пожирает ли великого та самая болезнь, от которой он когда-то произошел? Но можно поставить вопрос на попА: не был ли вирус А-914 изначально существующим в дебрях глюонной решетки? И не заставил ли он талантливого прикладного математика Баруха Гольдманна создать себя. Пожалуй, — подумал Данилов в-третьих, — я уже зашел дальше клеветника Гальгальты».

13. «Станционный смотритель»; орбита Юпитера, станция «Медуза»

Она действительно напоминала медузу. Сама по себе станция была набором цилиндрических модулей, нанизанных на двухкилометровый стержень по принципу детской пирамидки. Однако с торца, обращенного к Юпитеру, тянулись к нему сотни быстро растущих монополимерных лент и труб со всяким наблюдательным оборудованием. Некоторые из них уже достигали в длину пятнадцати тысяч километров и окунались в юпитерианские облака. А в недалекой перспективе они должны были погрузиться в нижние слои юпитерианской атмосферы!

Ленты имели силовые и сенсорные элементы, так что могли двигаться, сокращаться, извиваться, отчего сходство с медузой казалось очевидным. Большинство из них было толщиной едва ли не с человеческий волос, являясь просто проводниками сигналов с какого-нибудь детектора, но другие имели приличный диаметр, так что по ним мог ползти или даже гулять, лишь немного согнувшись, человек умеренного размера.

Естественно, что трубы большого диаметра были куда короче, чем волоски, едва ли четыреста-пятьсот километров.

Для надежности и трубы, и ленты пучковались в узлах — дендримерных макрополимерах…

Еще в пути Данилов узнал о том, что террористы угнали с Фобоса пассажирский лайнер «Адмирал Горшков», по счастью без пассажиров, а затем захватили «Медузу», на которой всего персонала-то было не более сотни человек.

Данилов покрутил руками, потопал ногами по палубе. Неприятное ощущение громоздкости. Если у обычного скафандра толщина всех слоев не превышает трех миллиметров, у этого почти сантиметр. Половина толщины — это активный отражатель заряженных частиц, батя Юпитер-то вовсю фурычит. Схожая кожура есть и на корпусе станции, по нему то и дело скользят голубые молнии.

Однако передача тактильных ощущений, и при такой толщине «кожуры», работала неплохо, поэтому Данилов чувствовал даже ребристость рукоятки импульсника.

Подлетать к станции с той стороны, что смотрела на спутники Юпитера, было чревато крупнокалиберными неприятностями. Штатного оружия на «Медузе» не было. Но зато имелись поворотные пусковые шахты зондов, а превратить исследовательскую ракету в боевую ничего не стоит. Засунь

только в головку полкило плутония, который тут изготовить, как на горшок сходить, учитывая мощный ядерный энергоузел.

Потом именно со стороны верхней полусферы подлет к станции захламлен мишурой юпитерианского кольца — аммиачными ледышками.

Установлены на «Медузе» и буры Хиггса, чтобы долбать приближающиеся ледяные обломки.

Спецгруппа решила подлететь со стороны торца, обращенного к планете, пусть там ветвятся и змеятся трубы — медузьи щупальцы. А затем уже пробиваться через нижний модуль, где работает генератор, выдувающий щупальцы, к главному реактору. Взять его под контроль, ну и следом потрошить террористов на всех уровнях.

Данилов, наконец, получил нормальный вход в решетку суперсвязи, поэтому добился объективки от Главинформбюро и Службы Общественного Здоровья, кое-что порассказал и Хованский.

Считалось, что преступников не больше двух десятков. Ядро террористической группы составили урки из банды Зонненфельда-Рыбкина, известного по кличке Сонни. Самого пахана, находившегося в закрытой зоне «Мичуринск», намедни пытались арестовать. Провели масштабную облаву, но Сонни вовремя покончил с собой, а его капсула Фрая и джин исчезли незнамо куда. Банда Зонненфельда известна как сектантско-криминальная, занимается модельными наркотиками, симулирующими общение с «высшими силами». Киссельман, Шац и Миронов тоже имели связь с Сонни. Известно также, что в его банду и нынче входят левые ученые, занимающиеся изучением глюонной решетки. Среди террористов как будто есть и чистые оторвы — сектанты-юпитерианцы, которые на голубом глазу считают, что красный гигант является окном в лучший мир. В тоже время точная мотивировка действий банды Зонненфельда неизвестна.

Омоновцев же было три десятка. Не мешало бы и побольше. Но именно столько вмещал быстроходный рейдер «Одесса». Кроме того, никаких дополнительных сил, соответствующих уровню «Егер-9» в Поясе наскрести не удалось, ждать подкреплений с Марса не доставало времени, начальство же сильно торопилось.

Данилова послали на «Медузу» лишь по одной причине, Он был единственным квалифицированным оперативником Особого Отдела, который мог успеть к отлету «Одессы».

Роли распределялись так. «Егер-9» захватывает станцию, Данилов производит первичные оперативно-следственные

действия.

Почему же Главинформбюро держало в последнее время на станции всего сотню голов персонала, если на ней когда-то размещалось две тысячи, а могло быть и втрое больше. Боялось, что отборные солариты дружно вступят в ряды грязных сектантов-юпитерианцев? И на кой хрен «Медуза» нужна была террористам, если точнее ребятам матерого урки Зонненфельда?

И почему сейчас, при подлете к станции, кажется, что Юпитер — это необъятный потолок, загораживающий полмира и собирающийся свалиться на макушку?

Юпитер здесь явно играл роль голубого неба на Земле, только был ржаво-коричневым, с добавками желтого и серого, очень тяжелым и зловещим — особенно когда смотрел своим глазом, «большим красным пятном».

Мощный термоядерный двигатель рейдера позволил покрыть четыреста миллионов километров за три недели. При таких ускорениях биостазис был конечно полным. Сейчас многие участки психики были еще заторможены, особенно отвечающие за моторику, да и мускулы еще не полностью расконсервировались — несмотря на постоянные вливания синтетических адренергиков и «черной вдовы». А омоновцам через один-два часа пора было уже идти в бой. Почему же так спешит Главинформбюро, зачем «гонит волну»?

Неожиданно вышел на связь абонент «Мурза», то есть Фридрих Ильич; паутинка была обычной степени защищенности, так что Данилов ожидал только общих фраз. Или, может, ревнивого гнева ввиду недавнего и неожиданного, но весьма тесного общения Данилова с Зухрой Эдуардовной. Начальник явился супермимиком, в красно-черной форме выходного дня, на фоне парадного зала в китайском императорском стиле.

— Что-то вы редко балуете меня разговорами, камрад Сысоев, даже после моего подключения к решетке.

— Потому что ты теперь, Данилов, личность. Зачем мне тебя стеснять своими наставлениями. Не хочу я и рассматривать твои промахи под большой лупой, ведь мне надо, чтобы ты стал настоящим игроком. Я тебя и стал продвигать вперед, потому что заметил зачатки воли — того, чего нет у большинства пастеризованных соларитов.

— А зачем вы кинули меня на Юпитер? Разве мало гнили в Поясе?

— С гнилью в местных особых отделах разберемся без тебя, Данилов, ответственных работников у нас хватает. А вот Анпилина, кроме как тебе, ловить некому… Твой «дружок» здесь на станции вместе с людьми из банды Зонненфельда. Вообще

отличная подобралась компания. Урки-интеллектуалы плюс законченные психи. Я про этих сектантов-юпитерианцев, у которых глаза в кучку.

— И что же им всем понадобилось возле Юпитера? Какую нужду справить?

— Это ты тоже узнаешь. Но вряд ли они тут собирались устроить бордель. Хотя кто знает. Зонненфельд тоже мог свихнуться.

— Насколько это может быть связано с политикой?

— Господин Зонненфельд-Рыбкин считал себя крупным оппозиционером, диссидентом, политиком и даже мнил себя ученым, способным изменить информационно-общественный строй — кем-то вроде Гольдманна. Ты же понимаешь, что плох тот криминальный авторитет, который не хочет заиметь политический капитал. Может, он хотел надыбать здесь какой-нибудь сенсационный материал, которым можно смутить людей или загадить им мозги.

Хотя связующая паутинка была достаточно открытой, Данилов решил кое-что спросить напрямик — он как будто почувствовал ту огромную толщу пространства-времени, которая отделяла его сейчас от звездкома Актива Коммунаров и прочих руководящих органов.

— Камрад Сысоев, Фридрих Ильич. Я вот интересуюсь, мог ли кто-то, скажем, из нашей верхушки, создать эту коллизию и спровоцировать бандитов. Для этого и убрали заранее с «Медузы» всю толпу сотрудников.

Камрад Сысоев погасил свой супермимик, но не ушел со связи.

— По-моему ты ударился в другую крайность и перемудрил, Данилов. Ну и зачем такая провокация могла понадобиться кому-нибудь из «нашей верхушки»?

— Например, чтобы подрезать жилки своему сопернику, свалив на него всю ответственность. У нас как будто нет уже прежнего согласия в товарищах.

Сысоев не стал издавать возгласы протеста.

— А что, Данилов, гипотеза не хуже других. Хочется ответить тебе откровенностью на откровенность… Кто-то из наших вполне мог пособничать и Зонненфельду, и Анпилину. Даже просто по глупости. У нас ведь многие корчат из себя либералов. Ты только накопай побольше материала в этой своей командировке и мы им займемся…

— А вы, Фридрих Ильич, разве не либерал? — бесхитростно спросил Данилов.

— Конечно, Данилов, я — либерал. И наша служба

либеральна. Любой коммунар превращается в либерала, как только это возможно. И наоборот, товарищ Феттмильх был вначале либералом, а уже потом стал коммунаром. Но сейчас нам не хватает энергии, защищенного жизненного пространства, даже жрачки. Кушать персики с собственного дерева и плевать косточки в портрет великого Гольдманна — это пожалуйста в светлом будущем.

— А я не собираюсь плевать в портрет Гольдманна…

— И зря, Данилов. Роль личности мы по счастью свели к нулю. Нами не люди управляют, Данилов, не люди со всеми их придурями. Нами правит объективная машина, в которую Гольдманн заложил главный критерий — сохранение и преумножение стада человеческого. Да, у нас красное знамя и герб «intel inside», но мы не похожи на прежние государства и фирмы. Мы не торгуем рабами и не истребляем аборигенов, не ищем классовых врагов. Мы просто повышаем устойчивость системы. Для этого мы занимаемся верификацией и диверсификацией клонов. А еще мы лишаем отступников капсулы Фрая. Наше общество не должно лишиться этих двух главных инструментов регуляции… Ну что, Данилов?

— Я не изменю, Фридрих Ильич, — сказал Данилов.

Шеф отключился, не сказав даже «спасибо Гольдманну за нашу встречу». Он иногда так делал. Данилов не пожалел, что дал клятву верности. Фридрих Ильич был убедителен и открыт как всегда. Да и ради кого кинуть своих, ради пыльного призрака Гальгальты, что ли? Все, что требуется этому жизнерадостному привидению — это попасть в хороший музей на негниющие и нержавеющие устройства массовой памяти. Надо будет переговорить о таком варианте с Фридрихом Ильичем — после возвращения.

Неожиданно Данилов подумал, а кто такой собственно Фридрих Ильич. Вряд ли он — сильно модифицированный клон из какой-нибудь чистой линии? Но нет этой стайности в мыслях, характерной для Владислава, Эльвиры, Юкико и прочих красавцев. Нет той ограниченности, той дубовости и стерильности в речах. Человек с обычной хаотической генетикой? Тоже вряд ли, у камрада Сысоева башка всегда работала четко, ни одного неверного шага.

Тогда, может, квазиживой объект, органическое воплощение какого-нибудь гиперкомпьютера? Данилов поежился — тот, кто более других похож на человека, на самом деле и не человек?..

Наверняка нет. Камрад Сысоев такой же среднемодифицированный «умеренный» клон, как и Данилов, только участвуя в большом общем деле, сам он тоже хочет быть

большим, а не маленьким…

Данилов спохватился. Рейдер уже сближается со станцией, осталось каких-то пять тысяч километров. Данилов срочно подключился к его системам наблюдения.

Вот кораблик маневрирует в туче каких-то осколков, имеющих легкое гало — видимо это участок юпитерианского кольца, вдали же поблескивает пятнышко Адрастеи.

Расстояние до станции уменьшается до трех тысяч километров.

Рейдер «Одесса» летит в мешанине труб. Сейчас он как никогда похож на мелкую рыбешку, плавающую среди щупалец здоровенной тропической медузы.

Какой-то толстый складчатый отросток станции неожиданно разворачивается и движется в сторону рейдера.

Рейдеру удается увильнуть, но к нему направляется несколько других щупальцев. «Одесса» огрызается плазменной пушкой, монополимерные трубы сгорают в момент, оставляя после себя лишь туман…

Резкий толчок, Данилов вбит в переборку, через корабельный интерком слышится ругань омоновцев.

Потом еще один толчок. И еще. Свет в голове несколько померк, кажется особист неловко трахнулся лбом о металлическую стойку. В одном из наблюдательных окон отчетливо видно, что рейдер уже схвачен тремя щупальцами, которые незаметно атаковали его сквозь туман. «Одесса», само собой, вырвется. Разве сравнима мощность термоядерного реактора и экстрамиозиновых мышц монополимерной трубы?

Тужащийся рейдер натянул щупальцы-арканы. Но они оказались куда крепче, чем ожидалось, ведь их протягивают на огромные расстояния, причем в расчете на взаимодействие с кошмарной атмосферой и гравитацией Юпитера. Красный монстр немедленно разметает в мелкий хлам все хлипкое и слабосильное.

Еще одна, две… пять труб охватили злополучный рейдер «Одесса». А потом, сквозь белиберду интеркома, Данилов ухватил несколько тревожных сообщений машинного отделения.

«Дизфункция удержания плазмы в магнитно-гравитационной бутылке… Критическое падение температуры реактора и мощности силовой установки».

Похоже, что станция применила рентгеновский лазер, который прежде использовался для изучения планеты, а нынче узкофокусным пучком поразил стиснутый рейдер прямо в «сердце».

Кораблик охватывают еще два щупальца. До этого они были

сильно скручены, а сейчас распрямляются словно пружинки и толкают беспомощную обездвиженную добычу в сторону хищной планеты!

Судя по показаниям инерциометра, скоро у рейдера не будет достаточной скорости убегания, жадное гравитационное поле Юпитера хапнет его и потащит к себе на расправу.

Данилов понял, что капитан Хованский вот-вот скомандует своим омоновцам оставить невезучий корабль и дуть к станции на индивидуальных ракетных средствах, так называемых «самокатах».

Так оно и произошло.

По выдвинувшимся трапам спецназ сыпанул к ячеистому десантному отделению. Мгновение спустя будто стайка мошкары слетела с рейдера, проваливающегося в юпитерианскую бездну.

И тут, собственно, Данилов уловил, что у него-то «самоката» никакого нет. А с индивидуальным микродвижком упорхнешь не дальше бани.

Через минуту на борту рейдера не было уже ни одного члена экипажа — те воспользовались персональными спасательными капсулами.

Данилову оставалось просто выйти через аварийный шлюз в надежде на что-то.

Несколько труб упорно сталкивали злополучную «Одессу» на Юпитер, но большинство уже отсоединилось. Выйдя через шлюз, Данилов в рывке догнал одну из них и начал кромсать ее морщинистую поверхность импульсником. От трубы летела туча мелких брызг, которые застывали прямо на стекле шлема и их приходилось то и дело соскабливать. Наконец оголилась экстрамиозиновая волоконная арматура. Еще пара импульсов и проделана дыра.

Вырвавшийся оттуда воздух едва не сбросил Данилова, но бешенство струи было недолгим. Ближайший сфинктер-клапан прекратил утечку.

Внутри труба внутри имела легкое люминофорное свечение, по ней то и дело пробегала волна пульсаций, а порой вся она приходила в какое-то неровное нервное движение, безжалостно швыряя Данилова из стороны в сторону. Из-за этого бутерброды, съеденные на завтрак, хотели выйти из желудка наружу.

Входное отверстие, через которое пожаловал особист, быстро затянулся пленкой. Сфинктер-клапан впустил воздух — как будто из гуманных соображений, но на самом деле ради придания трубе определенной жесткости. В любом случае, это было приятно. Убийственным же было то, что до станции еще оставалось по меньшей мере пятьсот километров!

Если упорно вперед, вначале с движком, затем отталкиваясь ногами от стенок, где имелись перетяжки, похожие на ребра, то можно добраться до цели через пару неделек. Ну и чем все это время питаться? Грызть малоаппетитные стенки тоннеля? Как умываться? Собственной мочой? Так и ее не будет, потому что пить нечего. А если он будет обнаружен врагами, то труба стиснет его своими экстрамиозиновыми мускулами, обрекая на мучительную смерть.

Но в любом случае лететь было веселее, чем лежать, тем более и Джин Хоттабыч скрашивал скуку, рассказывая сказки «Тысячи и одной ночи».

Через пятьдесят километров сдох движок. Еще через двадцать сам Данилов. Сказки джина осточертели То что было выглядело раньше коридором, превратилось в лабиринт, потому что трубы пересекалась друг с другом в узлах. Прошло уже пять часов после гибели рейдера. От омоновцев никакие сигналы не поступали. По спецсвязи удалось выйти на дежурный компьютер Особотдела и тот известил Данилова, что на станции «Медуза» идет бой, обстановка сложная и в ближайшее время никто из спецкоманды «Егер-9» выручать Данилова не станет. Короче, родина вас не забудет.

Связь с дежурным прервалась, когда тот принялся шутить в психотерапевтических целях, джин, закончив со сказкам, стал травить анекдоты, труба внезапно и резко начала скручиваться. По сути вся она была одной молекулой и вела сейчас себя как белок при глобуляризации — превращалась в клубок. Возможно, она делала это по заданию бандитов, которые наконец засекли крадущегося к ним особиста.

Данилова швыряло до полного упомрачения. Однако момент успокоения настал. Покой оказался мрачным, возможно даже вечным. Данилов был в центре глобулы.

Он был похоронен заживо, глубина могилы минимум полкилометра. Ему бы мог позавидовать разве что какой-нибудь древний император, требовавший от своих подданных максимальной глубины захоронения.

Если даже броситься с буйными криками и импульсником на эту толщу, то будет много брызг и мало толку. Импульсник сдохнет в лучшем случае через десять минут, а переплавленные полимеры сгустятся снова.

Данилов прибег к единственному доступному в таких случаях средству — насильственному сну.

Джин разбудил его уже через полтора часа. Всего лишь через полтора часа клубок скрученных щупалец стал разрушаться — стремительно шла деполимеризация.

Данилов перешел на собственные запасы кислорода. Он мелко дышал, ожидая каждую секунду, что толща жирных кислот и полисахаридов, образующихся в результате реакции разложения, раздавит его, несмотря на свою ничтожную плотность. Но невесомость не дала никаких шансов гравитационному сжатию, а выделение тепла и газов превратили распадающуюся органику в здоровенную тучу из мелких пузырьков. Пузырьки быстро остывали и превращались в пыль, которая отчаянно сияла в свете Юпитера.

«Медуза» была уже совсем рядом и какая-то турбулентность несла высвободившегося Данилова прямо к ней.

Из сияющей пылевой волны выплыл труп омоновца и снова нырнул в нее.

Данилов вдруг охнул, потому что, не смотря на пыль, разглядел быстро приближающуюся металлическую стену казалось необъятных размеров — это был корпус самого крупного цилиндрического модуля «Медузы».

На корпусе вдохновляющим образом горел и не сгорал голографический герб державы — серп, молот и книга. Герб державы на подступах к Юпитеру.

Символ прогрессивного человечества против мрачного и пока враждебного творения природы.

От созерцания герба Данилов весь как-то подобрался и невольно повторил: «Я не изменю, Фридрих Ильич».

Герб словно отреагировал на эти торжественные слова; прямо на корпусе, где сверкал голографический рисунок, появилось вздутие, хорошо заметное в тепловом диапазоне.

«Нарыв» неожиданно раскрылся, стал ярким цветком с пестиком и тычинками, получившимися из огненных брызг и струй. Впрочем, цветок вскоре посерел и угас. Из дыры, появившейся на его месте, вихрем вырвалась всякая мишура, да еще и несколько мертвецов впридачу.

Но проход внутрь был открыт. Голубая молния скользнула неподалеку от Данилова и раздался треск. Треск был ненастоящим, таким образом джин символизировал мощный электромагнитный импульс. За счет электростатики скафандр был залеплен примерно трехсантиметровым слоем пыли, отчего Данилов вспомнил про сугробы. Он их видел в сетекнижках про Землю и воочию на Ио.

Воздух, резво истекающий из поврежденного модуля, сдул пыль и пытался унести Данилова в космическое пространство. Но особист ухватился за вывороченный лист обшивки и, цепляясь за зубцы, проник внутрь станции — раньше, чем вездесущие роботы-ремонтники завели пластырь.

Прошло уже девять часов после гибели рейдера.

Инфосканер был настроен на формат связи омоновцев, но ловил только шум, за которым возможно скрывался неизвестный протокол, по которому общались бандиты.

Искусственная сила тяжести была максимальной у борта, она давала ориентацию в пространстве. Сориентировавшемуся Данилову показалось, что он на дне глубокого ущелья, чуть ли не Гранд-Каньона. На этом «дне» были смонтированы массивные агрегаты, энергетические и поддержания жизнедеятельности, изрядно смахивающие на древние мегалитовые сооружения вроде Стоунхенджа. Сверху хмурилось свинцово-серое небо, получившееся из противоположной стенки цилиндра. Как будто имелось и длинное перистое облако — как догадался Данилов, это трубчатый стержень всей «Медузы», через который протянут полный набор коммуникаций, включая лифты и транспортеры, там же смонтированы системы очистки и регенерации воздуха.

К «небу» уходили трехсотметровые трапы, образуя что-то вроде рощи. Большинство из них было покорежено, некоторые даже сплетены в узлы.

Стекловидные полосы остались на металлокерамической палубе, сильно пострадали и агрегаты — из пробоин дым идет, из дырок жидкость сочится, из разорванных труб бьет пар.

Судя по всему, здесь шел ближний бой без оглядки на системы жизнеобеспечения.

За ступеньки одного взмывающего в «небо» трапа зацепился ногой и висел какой-то человек… Судя по сведениям органического сканера — мертвый, а судя по форме — омоновец. Здесь погибли немало и других. Но останки сильно обгорели и были, как говорится, малоинформативны.

Данилов вынул из кобуры импульсник, почувствовал его ребристую рукоятку сквозь оболочку скафандра и приободрился. Потом стал подниматься по уцелевшему трапу.

Главное сейчас — добраться до стержня. А там подключайся на здоровье к главному нерву «Медузы» — осевому оптоволоконному кабелю. Может и осевой транспортер еще работает, тогда удастся прокатиться по всему полю битвы, высматривая Анпилина.

Пятьдесят ступеней вверх, короткий отдых на крошечной площадке, и снова вверх, а если точнее к центру. По дороге «сила тяжести» убывала, и заодно исчезали «вверх» и «низ». Это вызывало вполне обычные, но неприятные ощущения.

Промелькнула быстрая хищная тень, но тренированная рука Данилова отреагировала на все сто процентов, благодаря психопрограммной реакции и стимуляции нейромышечных

связей «черной вдовой».

Выстрел и, стукаясь о ступеньки трапов, к стенке уносится развороченное металлическое тельце. Цепкий взгляд Данилова успел сфотографировать его — «летучая мышь», небольшой исследовательский аппарат, один из тех, какие запускаются «Медузой» через мономолекулярные трубы прямо в атмосферу Юпитера.

Неизвестно, может ли такая штучка сделать больно и, собственно, собирается ли она вредничать. Но лучше поостеречься… А ловко он ее шпокнул. Как ковбой, как ворошиловский стрелок; мелочь, но приятно…

В целом сопротивление «Медузы» Данилов оценил как слабое. Но тут же подумал — не сглазить бы.

Он много раз замечал такой феномен — не успеешь расслабиться, как сразу получаешь по шапке. Словно надвигающаяся опасность загодя расслабляет свою будущую жертву.

Инфосканер показал сгущение энтропийной мглы, которая быстро растекалась темно-серыми полосами. На станции включился целый ряд ранее «спящих» агрегатов.

Их работа быстро стала видимой. Осевой стержень набухал пушистыми почками, те из просто пушистых делались откровенно волосатыми, волосы бурно росли.

Легкая дрожь у Данилова вскоре сменилась на полноценное клацание челюстей.

Буйная «шевелюра», которой оснастился стержень, все более напоминала щупальцы «Медузы», недавно сгубившие целый рейдер. Напоминание было конечно миниатюрным, в диаметре эти монополимерные трубки едва ли превышали три-четыре сантиметра.

Ускоренным обволошением дело не ограничивалось, стал ощутимым ветер, он все сильнее трепал усы Данилова, как будто на станции начинался тропический ураган.

«Хоть вы мне однажды сказали „умолкни, каторга“, выражаю вам свою поддержку и сочувствие, — неформализованно прорезался Джин Хоттабыч. — Даю свою матрицу на отсечение, что в этом модуле „Медузы“ моделируются условия Юпитера и обкатываются исследовательские аппараты. Тяжело в учении, легко в бою».

«Тяжело в лечении, легко в гробу», — испорченным эхом отозвался замандражировавший Данилов. Он знал, что на Юпитере плохо, даже если этот Юпитер игрушечный.

На грозной планете нет никаких лестниц, наверное, поэтому ступеньки складывающегося трапа выскользнули из-под ног

Данилова и он, чтобы не свалиться с высоты примерно двести пятьдесят метров с ускорением 0.5 «же», вцепился в подвернувшийся отросток осевого стержня. Скорость ветра, накачиваемого каким-то гравитационно-вакуумным насосом, уже достигала семидесяти километров в час.

Особист пристегнулся карабином и стал наблюдать за юпитерианской «крысой», которая бодро бежала по трубке ему навстречу. Восемь клещевидных лапок. Пасть с семью поворотными челюстями, предназначенная для того, чтобы отхватывать кусочки юпитерианского льда.

«Поведение — целенаправленное, но цель, похоже, ошибочна. Сейчас тяпнет за нос, как пить дать, — Джин Хоттабыч опять высказался неформализованно, хотя его никто не просил».

«Типун тебе…»

Но исследовательский аппарат и в самом деле атаковал физиономию Данилова.

Особист сжег «крысу» из импульсника, когда та уже покусилась на нелишнюю часть его тела.

Данилов выдохнул со всхлипом и опустил забрало шлема. Следующий исследовательский аппарат просто плюнул на него. Едкая выпущенная под большим давлением струйка наполовину прожгла скафандр.

Вот зараза! Кто поставил под ружье мирные научные приборы, кто заставил их разбойничать на большой дороге, если точнее на узком отростке? И без них-то уже не сладко, ветер совсем обезумел, треплет человека как тряпку.

Ураган сорвал с трапа и пронес мимо Данилова труп омоновца.

Человек — очень разжиженное существо. Этот тезис редко осознается, но сейчас Данилов сполна убедился в его верности. От соударения со стенкой омоновец превратился в кляксу не слишком крупного размера.

«Я не хочу, чтобы мои останки соскребали перочинным ножичком…»

Очередная «исследовательская крыса» перекусила монополимерный отросток и Данилову пришлось отправиться в свободный полет. Порыв безумного ветра швырнул его в сторону оси. Он даже не успел испугаться, когда одна из стержневых почек схватила его своими клейкими щупальцами, подтянула к себе и всосала!

Недолгий полет завершился в тесном склизском мешке с просвечивающими стенками. На мешке светилась будничная надпись: «Модель ЮПИТЕК. Перепрограммирование запрещено. Гибкий контейнер не вскрывать. При обнаружении в нерабочем

состоянии вернуть на орбитальную станцию „Медуза“.

Он очутился не в желудке у осьминога, а в гибком контейнере у кремнийорганического киберорганизма. Однако оптимизма не почувствовал.

Конечно же, это очередной исследовательский аппарат, предназначенный для сбора образцов на Юпитере.

Но на какое дело запрограммирован киборг сейчас? Контейнер сжимает Данилова так, что не пошевельнутся, и если случайно чихнуть, то гарантированно лопнет прямая кишка.

Страдающий от сильного сжатия Данилов заметил, что у Юпитека имеется еще один контейнер для сбора образцов. Только вместо инопланетных диковин в этом почти-желудке лежат шлем и обрывки скафандра. Судя по эмблеме, шлем остался от бойца из команды «Егер-9». Куда подевалось тело и капсула Фрая, можно было лишь гадать — при наличии времени и желания.

Теперь Юпитек займется исследованием нового образца «юпитерианской» фауны. Уже затрещала сверхпрочная ткань под действием клейких полипов. Затем сильно тряхнуло… Сквозь полупрозрачные стенки контейнера Данилов увидел, что на этого Юпитека свирепо набросился другой киберорганизм схожего типа.

Поединок шел, наверное, за право первой ночи на Юпитере. Данилов не был ни болельщиком, ни участником: его мутило из-за бросков и торможений, голова напоминала футбольный мяч, а глаза прыгали как костяшки древних счет.

Киборг, у которого в желудке-контейнере был сжат Данилов, вскоре лишился значительной части щупальцев и бросился удирать по стержню. Более успешный Юпитек настиг его уже в другом модуле «Медузы».

Наступала финальная сцена единоборства. Объятия контейнера ослабели и на его стенках замелькали надписи «невосполнимые повреждения, дизфункция управляющих систем». Данилов воспользовался этим, чтобы высвободить руку и нанести ему страшную рану выстрелом импульсника.

После освобождения из чрева Юпитека особист пролетел десяток метров. Столкновение с палубой было несильным, но пыльным.

Данилов прокашлялся и огляделся. Это был ангар — куб, вписанный в очередной цилиндрический модуль станции. Хотя неподалеку подыхал Юпитек, в целом обстановка казалось спокойной — самое главное, никакого юпитерианского ветра.

Данилов наклонился, чтобы отскоблить какую-то липкую гадость от подошвы сапога и едва успел отскочить в сторону, чтобы не попасть под колеса массивного вилочного

перегружателя.

Перегружатель развернулся и снова понесся на Данилова.

Бегство казалось бессмысленной затеей и особист отчаянно бросился под машину. Перегружателю не хватило маневренности, чтобы немедленно раздавить Данилова. Тот прошмыгнул между двух передних колес, затем уцепился за какие-то уголки, приваренные к днищу, и пролез в нижний люк.

По трапику Данилов поднялся в кабину, где наслаждалось лихой разбойной ездой двое мутантов из банды Зонненфельда.

У одного из них были ноги хищного зверя с пятками, превратившимися в суставы, у второго прямо из груди торчали клещи; они еще и щелкали. Человек-зверь прыгнул на Данилова, но промахнулся — тот успел закатиться под сидение. Потом сбил с ног клещегрудого и выдернул из него здоровенного краба-симбионта.

В замкнутом пространстве кабины состоялся бой в лучших традициях Борибабина, трехсекундный, с легкой стимуляцией С-адренергиком, с двумя противниками. Случилось почти одновременно три безрезультатных выстрела и пять ударов. Первые два из них пришлись вскользь по Данилову, третьим он угомонил «любителя крабов», достав его в болевую точку у основания шеи, четвертым и пятым отключил «прыгуна», выбив ему шейный позвонок и поразив болевую зону возле носа.

«Вот так кончается езда без водительских прав, «— подытожил Данилов и принял перегружатель под свое управление.

Управление было недолгим, шагающий портальный кран ухватил перегружатель своими грейферами, приподнял как Геракл невезунчика Антея, открыл шлюз, ведущий в космос, и хотел было выбросить наружу.

И выбросил бы. Но, оттолкнувшись вилами, перегружатель вывернулся из его объятий. Ненадолго. Кран снова погнался за ним на своих крепких титановых ногах и ухватил, пользуясь преимуществом в росте и весе. Сейчас швырнет за борт и лети хоть миллиарды лет на край Вселенной. Но кран вдруг утихомирился, а шлюз закрылся.

«Мне, кажется, удалось завести с ним контакты. — горделиво сообщил джин. — Низкоуровневое соединение, миллионы машинных кодов. Эта железяка слишком глупа для высокоуровневого киберадаптера. Теперь прошу пожаловать в его уютную кабину».

На бедный глупый кран тут же налетела целая орда транспортных тележек, которые стали ломать ему ноги, а в дверь кабины впился паукоробот-ремонтник, пытаясь разделаться с ней

при помощью плазморезки, вылезшей у него из «глотки». Похоже, все оборудование станции «Медуза» вошло в раж взаимного истребления.

Данилов метался по кабине, пока скорость осевого вращения станции не упала и вместе с ней центробежная сила. Агрессивные устройства стали разлетаться в разные стороны.

Последняя плюха со стороны разъяренных тележек и Данилов полетел вместе с краном. Они удачно столкнулись со стенкой отсека, размазав паукоробота, и на подгибающихся крановых ногах наконец добрались до осевого стержня и «главного нерва» станции.

Кибероболочка «Медузы» охотно открылась инфосканеру.

«Я — одна, — сообщила она. — И меня мутит». А еще она явно обезумела, что было неудивительно, раз здесь побывал Анпилин.

Оранжевые линии, относящиеся к системе жизнеобеспечения, были оборваны. Передняя гравитационная центрифуга, вместо того, чтобы отделять кислород от углекислого газа, просто раскачивала воздух. Все устройства и агрегаты станции получали дефективные команды. Управляющие процессы бились за контроль над процессорами. Тестирующие системы зависли.

Вылечить «Медузу» могло только полное отключение кибероболочки, чистка устройств массовой памяти и полная замена кристаллочипов оперативной памяти. Работа минимум на сутки.

Данилов не успел составить даже рабочего графика, когда «Медузу» качнуло.

«Станция сходит с орбиты, — дав насладится тревогой, сообщил джин, — ситуация если не безнадежная, то очень тяжелая».

Джин не врал, потому что не врал инерционный датчик, встроенный в череп Данилова.

Станция падала на Юпитер вслед за злополучным рейдером.

«И без тебя, балбес, вижу, что сходит. — мысленно рявкнул Данилов на джина. — Ты лучше скажи, почему? Насколько я в курсе, силовая установка и система распределения мощности не пострадали».

«Я поражен варварскими действиями мерзавцев из группировки Зонненфельда. В операционную кибероболочку станции этими отморозками был введен вирус В-23С. — с гражданским пафосом заявил джин. — Я его опознал. Они — просто вандалы, отъявленные…»

«Короче. Что сделал вирус?»

«Вирус захватил ментальные структуры кибероболочки,

подчинил все объектные шины и низкоуровневые каналы, связующие ее с подсистемами, все контроллеры, управляющие процессорами и накопителями. А полчаса назад кто-то, имеющий полномочия доступа, ввел код активации; и вирус загрузил в навигационную подсистему „Медузы“ новое полетное задание — с курсом на Юпитер. После чего аккуратно дезинтегрировал каналы командного доступа в кибероболочку».

«Как насчет того, чтобы определить и устранить повреждения?»

«Определить — два часа сорок, устранить от часа-тридцати до трех часов пятнадцати минут. При условии, что сохранились копии важнейших систем на резервных носителях».

«Выходит, что повреждения невозможно устранить вплоть до падения „Медузы“ на Юпитер. Так и сказал бы сразу, лакировщик», — оскорбил особист своего джина.

Джин виновато молчал. Он даже не посмел впрыснуть в рецепторы Данилова синтетические опиаты, чтобы это не выглядело как попытка установления контроля на человеческой психикой.

«А что у нас со средствами спасения?» — устало справился Данилов, которому надоело погибать десять раз на дню.

«Сейчас глянем, я моментом… Итак, сам лайнер „Адмирал Горшков“, на котором бандиты сюда пожаловали, стоит в доке станции, совсем без топлива. Шлюпок на нем почему-то нет. Далее о средствах самой станции. Сорок двухместных аварийных капсул отсека „Йот“ заблокированы рухнувшей мачтой. Тринадцать спасательных плотов отсека „Це“ сгорели. Двадцать восемь десятиместных спасательных шлюпок палубы „Це-4“ выведены из строя. К спассредствам остальных отсеков оперативного доступа нет».

«Ну и как мне вылезти из этого дерьма? А, джин?»

«Инструктивных способов нет, в качестве чрезвычайного и неформального способа порекомендую использовать какой-нибудь исследовательский зонд отсека „Цет“. Естественно, что за подобный совет ответственности я нести не могу, ни физической, ни моральной. Я даже не обязан этот совет давать, однако учитывая характер наших взаимоотношений…»

«Да, я тебя тоже очень уважаю, дорогой Джин Хоттабыч, но поторопись с разъясниловкой, а то…»

«Коды доступа к исследовательским зондам думаю, что найду, камрад Данилов. Ввод полетного задания с автономного пульта и подготовка к старту „с нуля“ занимает примерно пять минут. И, чтоб добраться до них через лабораторию, трех минут хватит».

Хотя Данилов торопился, в лаборатории ему бросился в глаза мох, выбиравшийся из разбитых аммиачных цистерн.

Этот мутант, добывающий энергию хемосинтезом на основе аммиака, был жизнеспособен почти при любой температуре и обладал волоконной структурой, напоминающей нервную ткань. Будущий мозг для Юпитера?

Данилов влетел в отсек «Цет», и тут его мозг был сражен кошмарным зрелищем. Вмиг погасли дружественные огоньки на ячейках с исследовательскими зондами. Все они были демонстративно отстрелены прямо перед его носом и отправились в сторону Ио.

На сигнальной панели осталась надпись:

«Прощай, Данилов. Надеюсь, ты не будешь в обиде на меня в последние часы своей жизни. Согласись, что если бы я тебе поддавался, играть было бы не интересно. Твой настоящий друг Анастасий Анпилин».

«Не хотелось бы мне это говорить, но у вас действительно не осталось ни одного шанса». — сообщил Джин Хоттабыч.

Данилов стал мягким как плавящаяся свеча — НИКТО НИКОГДА не сможет найти его ампулы Фрая на Юпитере.

«Даже гипотетического?»

«Не в моих правилах напрасно обнадеживать».

«Но я пока живой, мне нужна хоть какая-то зацепка».

«По счастью для вас, я понимаю особенности человеческой психологии, коллега… Речь собственно не о космическом аппарате. Это сборщик мусора, который время от времени запускали со станции. Он в отсеке „Е“. Даже если вы доберетесь до него и стартуете, он вам мало чем поможет. У него запас топлива на полчаса. Оторваться от притяжения Юпитера на нем невозможно. Конечно же, вы могли бы несколько продлить свое существование… И все-таки, смиритесь, даже до мусорщика вы вряд ли успеете добраться».

Но Данилов уже бежал по извилистым кишковидным коридорам станции, хотя и понимал, что джин-собака не врет. Драпал, полностью выкладываясь на дистанции. Действительно, есть особенность у человеческой психики — не верить очевидному.

«А тебе-то самому, джин, жизнь не дорога? Не забывай, ты ж пропадешь вместе со мной».

«У меня нет собственной жизни, коллега Данилов. Но почему-то мне тоже грустно».

Сзади на Данилова вдруг накатилось нечто, напоминающее тень, только с гладкой глянцевой поверхностью. Какое-то мгновение он ничего не видел, не слышал, не чувствовал. А потом

сразу оказался в отсеке «Е».

«Не понял, — сказал джин, — системные часы отстали на секунду».

Данилов тоже не понял, но сейчас его интересовали не космические аномалии, а собственная жизнь, находящаяся в подвешенном состоянии.

Тройной прыжок с опорой на мусорные баки, и вот он уже влетел на шлюзовую платформу, с которой мог стартовать мусорщик.

Однако место было уже занято, кто-то возился с пультом ввода полетного задания. Данилов сразу догадался, что это бандит, а не омоновец.

К тому времени, когда бандит успел полуобернуться, Данилов уже нацелил импульсник на его голову. Осталось мгновение до выстрела…

Да это же баба из орбитального городка «Шанхай-44», с рыбной фабрики. Вот сука, работницей претворялась. А на самом деле блядь из банды Зонненфельда. Как там ее, Кац.

Мгновение прошло, но Данилов не выстрелил.

Он сделал шаг вперед и не выстрелил. Она полностью обернулась к нему и смотрела. Глаза, как фонарики, даже и не пробовали моргать.

Он представлял, что уже нажал на спусковую кнопку, и на лбу у Кац появилась угольная дырка, а глаза сразу стали мертвыми. Представлял раз за разом. И не стрелял, хотя капали в бездну драгоценные мгновения, хотя до Весты психопрограмма заставила бы его сделать это. Что-то, возможно эхо погибшей «совести», настойчиво нашептывало: «Кончай эту дрянь, от таких как она все зло. Влепи по по вражине». Особист сделал еще шаг и опустил импульсник.

— Не будешь, Данилов? — спросила Кац севшим голосом.

— Не буду.

— Ну и я не буду.

Он услышал, что зашипел некий сервомеханизм и краем зрения уловил, как в потолок прячется крановый блок.

— Ты бы меня, конечно, успел, Данилов, но и он тебя бы достал. Для твоей головы тонны бы хватило? Так что в целом ты прав, камрад. И надеюсь, сейчас ты не хочешь погибнуть геройской смертью? — в издевательском тоне справилась бандитка.

Данилов пару раз выдохнул, чтобы совладать с водоворотом в своей душе:

— Ты предлагаешь мне место рядышком с собой в мусорном бачке? Полетим как две бабы-яги в одной ступе?

— Ты предпочитаешь один махать помелом, такой гордый? Или тебе нужен бесплатный билет на тот свет? Учти, что никакая капсула Фрая тебе не поможет, она дерьма собачьего не стоит вместе с цифровой психоматрицей.

— Сэкономь на агитации, Кац.

— Госпожа Кац. — поправила она. — Я с вами белковых слизняков не пасла. И, кстати, у нас в запасе всего сорок пять секунд.

14
«Полет на метле»; околоюпитерианское пространство

Оставшиеся сорок пять секунд они работали, как чумовые, потому что на сорок шестой было бы действительно поздно.

Данилов загрузил в двигатель топливные стержни, Кац ввела с внешнего пульта задание на сборку мусора, которое должно было увести мусорщик на максимальное расстояние от Юпитера. А дальше? Об этом любой психотерапевт посоветовал бы пока не думать.

На сорок пятой секунде временно замиревшиеся враги влетели в в тесную кабинку мусорщика, предназначенную для одной уборщицы.

— Задание исполнять? — не слишком довольным голосом справился автопилот.

— Сейчас жопу надеру! — грозно предупредила госпожа Кац, одновременно нажимая большую кнопку старта, похожую на котлету.

Мусорщик затрясся и не очень резво выплыл из недр станции. Вокруг нее действительно витали облака всякого кала: полимерная пыль и гранулы, обрывки труб, погнутые и проплавленные металлоконструкции, дефектные спасательные капсулы. Трупы тоже витали. Вернее крутились вокруг каких-то осей и тащили за собой хвосты из заледеневших внутренностей.

На панели управления мусорщика нарисовалась схема его устройства. Дешевый ионный движок, плюс короткодействующий химический ускоритель — на всякий пожарный. По большому счету мусорщику некуда было торопиться.

Вот и сейчас автопилот упорно не желал наращивать скорость:

— Послушайте, товарищи, куда так торопиться? Все равно эту тучу мусора нам не собрать ни за час ни за два. Если я дам сто или хотя бы девяносто процентов мощности, то полетят сверхпроводящие обмотки катушки удержания, если я зажгу химический ускоритель, то усталостный износ может доканать корпус — тряска-то какая будет. За последние семь лет в сектор обслуживания станции ни одной новой детали не поступило.

— Понимаешь ты, пластмассовая башка, — сказала женщина-бандитка, — мы не фантики собираем, а спасаем свои драгоценные потроха.

— Зачем на мне спасаться, я для этого не приспособлен. — резонно заметил мусорщик.

— Значит, ничего лучше тебя не осталось. Слушай, ржавый, если ты будешь еще канючить, я доберусь до твоих хилых мозгов и искрошу этими вот руками. — и Кац совсем по-блатному развела пальцы веером.

— Средневековое варварство. — с заметным содроганием отозвался автопилот, но все-таки отреагировал на угрозу единственно правильным образом. Добавил жару.

Это стало заметно и по инерционному давлению в области груди и солнечного сплетения, и по дребезжанию разных деталей мусорщика.

— Если пройдем орбиту 24–34 не позже, чем через три минуты, то считай, что почти спаслись. — сказала Кац, поковырявшись отверткой в навигационной системе летучего мусорного бачка.

— А если точнее? — угрюмо отозвался Данилов, который никоим образом не доверял ни случайной попутчице, ни случайному транспортному средству.

— Если точнее, то спаслись полностью, но не окончательно. Какое-то время будет достаточная скорость убегания, так что успеем написать мемуары, прежде чем Юп нас снова зацапает. И не забудь в них отметить, мент, что твой жизненный путь начался в мусорном ведре и в таком же ведре закончился.

Мусорщик не подвел. Из последних дряблых сил он летел прочь от Юпитера и в три минуты уложился.

— Не знаю, какой из тебя космический корабль, но на нервы ты действуешь профессионально, — сказала Кац мусорщику и переключилась на Данилова. — Ну, чем будем заниматься, красавчик; так, кажется, тебя Блюм называла.

И ткнула острым кулаком в бок. Даже сквозь скафандр чувствительно было. Голос у нее совсем базарным стал, тягучим и не очень внятным — словно ей лень было челюстями двигать.

Данилов страдал от тесного соседства с гангстершой. Если на рыбозаводе она выглядела не слишком привлекательной, то сейчас просто отвратительной, мурена какая-то. Впрочем, плевать, как эта мерзавка выглядит. Главное, что она столько народа положила вместе со своими дружками. Еще и станция накрылась, пропал труд стольких рабочих инженеров и дизайнеров, сотни ментальных часов работы гиперкомпьютеров. Если даже удастся выкарабкаться, то как оправдываться перед начальством за этот полет с бандиткой? Если б сейчас можно было связаться со своими, но узел суперсвязи вышел из строя вместе с «Медузой».

— А с чего ты решила, что с тобой можно чем-то заниматься? Из тебя дама, как из дерьма пуля.

С этим Кац легко согласилась.

— Какие мы проницательные… Я и в самом деле люблю мужиков только в препарированном виде, в банке, а не на себе и не под собой.

«Да уж, все с ней ясно — воинствующая фригидина. Козлы-генетики лет двадцать-тридцать назад были уверены, что благодаря фригидности женские клоны станут фанатками по части работы. А они вот вместо этого в разбой ударились. Очередная ошибочка».

— Любишь убивать, красавица?

— Не люблю. А обожаю, если можно соларита грохнуть.

— Ну и где персонал станции, где сто соларитов? Вы их сразу прикончили? Или еще покуражились?

На удивление голос Кац резко стал деловым.

— Да не сто, а двадцать. Причем в замороженном состоянии. Мы им сразу под зад коленом: погрузили на катер и отправили в сторону Каллисто. Так что все целы, в отличие от моих дружков.

— А что с капитаном Хованским?

— Я уважаю эту клонолинию, не какие-нибудь вояки-бояки, а настоящие солдаты, но Хованский погиб. Я его убила, после того как он разнес Блюм ракетой.

Данилову захотелось срочно придушить попутчицу.

— Не торопись, красавчик; неизвестно, кто еще выйдет победителем из нашего поединка, но вони будет много.

Это упоминание несколько охладило особиста. Он не знал, какие еще фокусы могла подготовить Кац. Беседа так беседа, разговор — лучшее оружие особиста.

— Сколько вам Зонненфельд отстегнул за эту вылазку? По сотенке соларов на бандитское рыло?

Кац, несмотря на траур по подружке Блюм, резво хохотнула.

— Верь не верь, но мне нисколько. Я была против этой, как ты выражаешься, вылазки и никто меня не заставлял. Поэтому когда я все-таки согласилась, из кассы мне уже ничего не причиталось.

— И чего ж ты проявила такую самоотверженность? Альтруизм в заднице заиграл?

— Любопытство. Хотелось узнать, чем это закончится и кто огребет все лавры. Но и альтруизм тоже — если это так называется. Я думала, что нехорошо бросать Блюм.

— Это твоя сожительница? У тебя какая сексуальная ориентация?

— Здоровая. Подумай лучше о своей ориентации. А Блюм

была мне подругой — еще с питомника. Кстати, она первой заметила твои усы в фабричном аквариуме. Иначе бы я тебя не выудила. То есть выудила бы попозже, в очень несвежем виде. Ну и потом, ты ж летел на станцию, а меня заинтересовали твои танцы с Анпилиным или как там ты его называешь.

— Ты что, «пасла» меня? — у Данилова по спине поползла испарина. Он ведь давно под колпаком у бандюг. И ничего не замечал, как пионерка. Грех для профессионала непростительный.

— Не столько «пасла», сколько спасала. Вытаскивала тебя из дерьма, ходила за тобой с туалетной бумагой. Твое начальство явно держало тебя, мальчик Данилов, за подопытного кролика.

Воспоминания теперь аккуратно рассортировались по полочкам и Данилову стало прохладно. Озяб он, конечно, только морально-психологически.

— Так значит, псевдомарсианка Ци — это твоя кукла! Шлюха Гиперция — тоже твой человек? — чуть не завопил Данилов, чувствуя как ему сильно не хватает воздуха, хотя с давлением пока был порядок.

— Мой не-человек. — лукаво отозвалась Кац. — Гиперция такой же синететик, как и Цецилия, обе эти куклы — мои аватары.

Данилову стало неудобно; незнакомая и малосимпатичная женщина вдруг призналась ему, что вступала с ним в интимный контакт, пускай и с помощью куклы.

— Не волнуйся, мальчик, не красней как задница в бане. Любовь с тобой крутила совершенно автономная психопрограмма. Поэтому считай, что ты занимался онанизмом. Во всяком случае, онанизм — это много лучше чем, скажем, мужеложство. Кстати, как по-твоему выглядят твои соларитские подружки без мимика?

— Ты думаешь, я не контролирую нейроконнекторы и не отфильтровываю всякое фуфло? Я же все-таки особист. — пробормотал Данилов, ощутив некоторую неуверенность.

— Будь ты и трижды особист, твой джин железно запрограммирован не поднимать паранджу.

— А значит, по твоему, внешний вид солариток и соларитов является таким безумно секретным делом?

— Конечно. Сразу станет ясно, что со вкусом у главного клонировщика не все в порядке.

Данилов хотел отмести клевету бандитки, но ненароком вспомнил весталок и вестанцев. Может, и в самом деле, не мимики тогда исказились, а напротив его джин перестал контролировать оптическое окно.

— С мурла чай не пить. — уклончиво заметил Данилов.

— А насчет их мозгов хорошо известно и тебе, и твоему начальству. Я даже думаю, что дело не в генетике. Виновата их вера в то, что им положено бессмертие, поэтому о чем-то серьезном можно будет подумать лет так через тысячу. Типичная гэдээрия. Эти куклы могли фрондерствовать лишь ради того, чтобы спровоцировать кого-нибудь вроде тебя.

— И какого рожна надо таких как я провоцировать?

Кац устроилась поудобнее, настолько удобно, насколько возможно в тесной кабинке мусорщика, не задавив соседа. Положение у нее было не слишком подходящее для нападения, но тем не менее Данилов был по-прежнему «на стреме». Одну ногу она согнула и подтянула к груди, обхватив руками, другую расположила вдоль приборной доски.

— Да просто вы, особисты, не такие плюшевые медвежата как остальные солариты. Слабоверифицированный народец, умеренные клоны, хотя и цепные псы реакции. Я имею в виду оперативников и некоторых бонз вроде Сысоева. Для вашей работы необходима мозговая активность, лишь слегка подправляемая психопрограммами. Чтобы ловить нынешнего хаккера, надо соображать. Но ваша сообразительность и вызывает подозрения у гиперов. Так что они вас элементарно подлавливают. Скорее всего, сам Фюрер проводит проверки на вшивость.

«Эта чертова Кац многое знает, как будто Информбюро „течет“ изо всех дырок».

— Обо многом можно легко догадаться, усатый ты мой.

«Черт, психофейс — то у нее работает, щупает его мысли».

— Хотя, есть и для меня загадки, Данилов. Например, взаимоотношения Афродиты и Фюрера. Может эта гиперша и заряжает соларитов на крамольные речи — в пику берлинскому папаше. Некоторые идеи вождя она точно ни в грош не ставит. А в эстетической сфере эта лжебогиня зачастую прикрывает извращения сбрендившего Фюрера классическим монументализмом.

Кац взяла паузу, во время которой заняла еще более раскованную позу, положив одну ногу прямо на приборную доску. В фактически смертельной ситуации соседка по кабине уверенности в себе не теряла и это ослабляло Данилова. Она явно собиралась и дальше выкладывать свои «подарочки», подрывающие его мораль и волю.

— Ты уж извини, Данилов, но мне кое-что известно о твоей бурной деятельности… Тебе приказано было ликвидировать Анпилина, но что-то все время мешало полностью уничтожить

его. Я думаю, что подсуетился твой босс, камрад Сысоев, или босс твоего босса. Анпилин заинтересовал чинуш из Информбюро своей невероятной живучестью и восстановимостью. Этим мудакам нужна крутая капсула бессмертия.

— Я уже понял, что Анпилин как будто создан для того, чтоб быстро возрождаться… Боевой мутант с управляемой прогерией, жизненный цикл, думаю, лет девять.

— Семь, больше не требуется, — поправила Кац.

— Я смотрю у вас, бандитов, неплохо дело обстоит с клонопитомниками.

— Он из клонопитомника ГУЖП, какой-то закрытый проект.

— Если даже так, то и в клонопитомник ГУЖП вы могли внести свою инфекцию.

— Он не наш, Данилов. Мы не знаем, кто он. Ты попал в мое поле зрения лишь потому, что я наблюдала за ним. Мне показалось, что наши уж слишком доверяют ему. Если ты дашь больше информации о нем, я возможно додумаю все до конца.

Она посмотрела на Данилова. Что он может ей сказать? Что есть еще странная ниточка, идущая от Анпилина на Меркурий к Угольку, который явно метит в короли глюонной решетки. Но стоит ли колоться перед Зонненфельдовской шмарой?

— И что, Кац, по-твоему, Главинформбюро гоняет меня за клоном, которого сделали в государственном же клонопитомнике? У нас ведь Киберобъединение, предустановленная гармония, не забывай.

— Такое дерьмо не забывается. Но Киберобъединение пошло трещинами.

— По-моему, наша экономика на подъеме.

— Почему ж так суетиться Афродита? Ей ведь наплевать на крутые капсулы бессмертия для членов Информбюро. Но она тоже идет по следу Анпилина, если точнее по-твоему следу.

«Информированности Кац можно только удивиться, хотя если подумать…»

— Тот, кто влез в моего джина на Весте, продал тебе мою персональную информацию?

— Вот и вся благодарность особиста. Этот «кто-то» спас тебя. Твою единственность и неповторимость. Он очистил тебя от той «совести», которой наградил тебя Фюрер, и превратил электронного демона, сидящего у тебя в башке, в скромного кибердвойника. За все за это тебе бы надо поклониться благодетелю в ножки. Да. к сожалению, это — гипер, и ножек у него нет.

Кац явно наслаждалась производимым эффектом, она совсем расслабилась, даже сунула в рот конфету. Не забыла предложить

такую же говорящую карамель «компаньону», сказав, что пусть хоть в животе не будет так пусто как в голове. Пребывающий в замешательстве Данилов машинально принял презент и сейчас мучительно размышлял под издевательское хихиканье карамельки.

— Но ведь рано или поздно гипера-предателя разоблачат и распрограммируют.

— Почему ты называешь его предателем? Только потому что он спас твою жизнь? Забавно. Не волнуйся, с нами он пока не связан. А вот у Афродиты есть вполне криминальные контакты. Например картель Нухаева, занимающийся порнографическими наркософтами в древнегреческом стиле и токсичными афродизиаками для возбуждения похоти у слишком раскисших соларитов. Шестерок-поставщиков и продавцов ловят и ловят, казнят и сажают, а сам картель работает себе и работает. Теперь догадываешься «почему»?

В целях экономии освященность кабины упала до минимума. Данилов поднял забрало. Забавно было слышать дыхание врага. Разговор двух непримиримых противников, заточенных в мусорный бачок, а вернее в гроб, приостановился. Кац посмотрела на Данилова и перевела взгляд на пульт передатчика. Тот сигналил на аварийной частоте, но совершенно напрасно. Будущего у них не было.

Кац не верила в капсулу Фрая, но уповала на что-то другое. Ему надеяться на что-то другое поздно. Пожалуй, все-таки не стоило бежать с «Медузы». Конвульсиум был бы короче.

— Данилов, подумай сейчас о том, как спасти свою душу без помощи чипов. Самый главный гипер, который всем вам башку задурил, тоже подумывает об этом. Недаром почти весь персонал был убран со станции «Медуза». Недаром Миронов, Шац и Киссельман были казнены после того, как определили матричные координаты Входа…

В глазах у Кац появился сектантский блеск.

— Ну что за поповщина! Лучше верить в капсулу Фрая, чем в подобную ахинею.

— Вход — это узел глюнной решетки, физически связанный с Юпитером. За ним настоящее бессмертие. Элизиум, ад, обитель неумирающих и неувядающих пси-структур, если угодно, душ. Фюрер не занимается ахинеей — это аксиома, дружок. Но именно его агент спровоцировал группу Миронова на запрещенные исследования глюонной решетки. Люди Зонненфельда захватили «Медузу», чтобы проникнуть в Элизиум, и агент Фюрера был среди них. И этот агент ввел в кибероболочку станции вирус B23c, чтобы команда Зоннефельда не опередила Фюрера.

— И ты знаешь как зовут это гада?

— Догадываюсь… Теперь я почти уверена, что это Анпилин.

Полчаса они молчали. Перед взором Данилова маячили красочные картины его недалекой кончины. Гравитация и порывы ветра в атмосфере Юпитера раскромсывают мусорщик, а потом разрывают на кусочки склизскую плоть. Обидно, что перед этим Кац будет надеяться и верить, а он биться в тихой истерике.

Вон какая она спокойная, разлеглась себе. Заняла понимаешь почти все место в кабине. И даже не хочется возвращать ее на половину жилплощади. Потому что… пусть себе лежит рядышком. Да, именно. В легком свете панели у нее и черты лица стали помягче, и волосы совсем такого теплого цвета как у меда. И сделалось заметной выпуклость груди. Выпуклость заметна, а вот широкие плечи и стальные мышцы уже не бросаются в глаза.

— А кто писал психопрограмму интима для Гипериции? — несколько невпопад спросил Данилов, — это я просто так, для шевеления воздуха, а то скучно что-то стало.

— Я сочинила ее для нее и для тебя, дурачка. Программа, кстати, написана на основе стандартного протокола интимного общения «Интимэйт-3».

Кац приблизила к нему свое лицо. Соларитки таких лиц не «носят». Что-то похожее он видел лишь на каких-то старинных картинах, то есть, мимиках, сделанных с ветхих картин. Из хищной полутвари Кац превратилась в существо твоего вида и душевно притягивающего заряда. Ее губы приблизились к его…

Данилов хотел что-то сделать, но потом сообразил, что картина в окошке инфосканера изменилась. С мусорщиком сближалось искусственное тело. К ним навстречу шел катер! Минута бурной радости сменилась у Данилова тягостным сомнением.

— Ты договаривалась о свидании. Кац?

— Нет. А ты, Данилов?

— И я нет. Но аварийный передатчик включила ты.

Напряжение нарастало. Сближавшийся с ними борт был из тех, что патрулируют лагеря на Ио. Однако он не откликался на частотах, принятых на космофлоте.

— А все таки, Данилов, это — твои, конвойные.

— Какого черта они прилетели сюда прямо на лагерном патрульщике?

Данилов понял, что кто-то из них сейчас не выдержит, взорвется. У нее в запасе термонож, у него импульсник. Но когда расстояния до противника двадцать сантиметров, тянутся за огнестрельным оружием не очень разумно. На нем силовой скафандр, на ней тоже. Она хоть и баба, но крепкая, кости да

жилы, может полоснуть по местам крепления дыхательных трубок… Или вообще по глазам. Пожалуй, с ножом в этом мусорном бачке она даже имеет преимущество.

Кац гнусно ухмыльнулась.

— Знаешь, Данилов, я тебе раньше не говорила, но пожалуй сейчас скажу. Пусть ты мне самый большой друг последние пятнадцать минут, но истина всего дороже… Есть у солариток одна особенность, все солнечные девы — на самом деле не-женщины, антиженщины. То есть МУЖИКИ они.

Ох, как сейчас Данилов ненавидел эту чертову гангстершу, она действительно вывела его из равновесия. А Кац издевательским тоном продолжала.

— Как ты думаешь, мой голубок недалекий, зачем после перехода к однополому размножению, к клонированию, вообще нужны бабы? Особенно в солнечных городах. Камрад Феттмильх всегда был поклонником Платона, а сей философ утверждал, что нет сильнее войска, состоящего из любящих друг друга воинов. Короче, у всех без исключения соларитов и солариток генетически только мужские признаки пола — икс и игрек хромосомы. И все они законные педики, не считая тех, кто перешел на чистую биохимию и всякий там киберонанизм для получения кайфа. Ну так как ты, Данилов, тоже небось отличился в педерастеже? Поди много женихался? Невесты тебя своими бородами не поцарапали?

Ему захотелось задушить ее, увидеть, как вываливается изо рта этот чертов язык, он едва не бросился на нее, забыв о ноже, но неожиданно остыл. Если это и правда, то он никогда не занимался сексом с солярitками, с «солярitками». Только с Зухрой Эдуардовной на Весте — вот дерьмо-то… но, в общем, и тогда ничего особенного не случилось. Допустим, Киберобъединение пошло на то, чтоб заделать всех соларитов однополыми — чего тут такого? В конце концов у мужиков и мускульная сила побольше, и выносливость. И вообще они принципиальнее.

— Кац, во-первых, у меня было «это» с одними… скажем, с работницами, так что уймись. Во-вторых, насколько мне известно, соларитки не располагают тем хозяйством, что висит между ног у всех мужиков, а вместо этого у них, сама понимаешь, что…

— Смешной ты или умственно отсталый. Пожизненная гормональная терапия плюс некоторые операции, которые проводят нанодоктора еще во младенчестве. В первый раз номер с изготовлением эрзац-баб был проделан во время подавления Бен-Беллы, затем в более мягкой, так сказать, форме продолжен с соларитами…

Они оба увидели факел — патрульщик был уже совсем близко.

— Ты знаешь, Данилов, это могут быть сбежавшие зеки. Приятная новость, правда?

— Для тебя может и приятная. Это ж уголовники, твоя компания. Меня они раскромсают с особой жестокостью.

Кончина на Юпитере сейчас представлялась славной и почти безболезненной по сравнению с гибелью в руках уголовников-извращенцев.

— Ошибаешься, Данилов. Если к нам летят суки Харденберга или Аль-Касима, то именно меня они прикончат с особой жестокостью, а тебя просто выбросят в космос. Бригада Зонненфельда далеко не всем нравится.

— А если удрать?

— Удрать невозможно, да и не нужно. Поскольку эти урки — все равно наша единственная надежда на спасение.

Когда мусорщик состыковался с катером и Данилов увидел «спасение» воочию, надежды его рассыпались в прах. Да и Кац приуныла.

Через стыковочный люк в кабину просунулась безволосая, морщинистая, словно бы чешуйчатая голова сизого цвета с сопливым носом-пуговкой, посмотрела взглядом ящерицы и прошипела через прорезь, мало напоминающую рот:

— Несите свои потрохи к нам. Оружие сдать прямо сейчас. Мнения, возражения?

Данилов и Кац переглянулись, а голова снова прошипела.

— Если есть возражения, мы быстро наедем на вашу жестянку катером. Чмок и нету.

Это звучало убедительно.

— Было плохо, стало еще лучше, — пробормотала Кац и протянула термонож. Даниловым вынул из кобуры импульсник. Навстречу выдвинулись руки, покрытые синеватой кожей, настолько отечные, что суставы даже не просматривались. Просто колбасы какие-то. И эта «колбасы» мигом выдернули оружие.

— Не вздумайте шалить. А то мигом… Убить кого-нибудь охота. — поделился новый знакомый.

Кац и Данилов вступили на борт катера.

И первое, что шибануло в нос — это вонь. На космических кораблях частенько повanивает, то ионообменный фильтр шалит, то санитарно-кулинарный узел протекает. Но здесь пахло зверями, и даже не млекопитающими, а какими-то рептилиями.

Из четверых уголовников один по своему происхождению был сильно специализированным клоном, двое — совершенно разбалансированными мутантами, тоже с признаками

пренатальной специализации, и один оказался умеренным клоном вроде Данилова, но с совершенно ненормальным взглядом, шныряющим туда-сюда. Все они были в язвах, болячках, отеках и диких татуировках, состоящих из вживленного под кожу оптоволокна. Все имели отвратные наросты и наплывы соединительной ткани — из-за неряшливого применения онкогенов для регенерации. И все наставили оружие на пленников.

— И угораздило же вас повстречать именно нас, невезучие вы. — «посочувствовал» умеренный клон, похоже что предводитель. — Прямо скажу, мы — злые, всегда не с той ноги встаем. Особенно жалко мне тебя, бедная женщина. Мои ребятишки за время отсидки отрастили перцы на полметра, а у меня вообще метровая морковь даже без эрекции, так что никакой презерватив не налезет, не надейся.

— Мне нравятся хорошие огородники, — Кац старалась не теряться. — Я — неформалка, ребята, и все мои кореша — бубновые тузы. Так что давайте ченчить. Вы нас конкретно вытаскиваете отсюда, мы вас вообще вытаскиваем из говна. И остаток жизни вы проведете на Крыме-4, потягивая ананасовый сок из вазы.

— Я вижу, ты — смелая шмара, — сказал главарь, — а вот твой кот больше похож на мента.

— Он скупщик редкозема, так что ему надо иметь протокольную рожу. А я — Кац, из чистильщиков, но, в общем, помаленьку приходится делать разную левую работенку.

— Сосать, значит, тоже умеешь. И кого ты вместе с этой «протокольной рожей» чистила около Юпитера, а? — демонстративно захрипел главарь.

Его глазки не переставали шнырять, задерживаясь даже на пленниках едва ли на полсекунды. Данилов вспомнил, что это один из симптомов «свиного бешенства» — болезни, передаваемой вместе со свиными ксенотрансплантатами, печенью или сердцем. В лагерях ею награждают, в лагерях ее залечивают, но избавиться от нее можно только после замены свиных органов на человеческие. Так что мужик этот, на ментовском жаргоне, — «свинка».

— Мы с ним слегка набедокурили в зоне Весты и решили драпануть оттуда без билета. Сели на грузовик зайцами. У радиатора, то есть у второго теплообменника, уголок нашелся укромный, там укололись и заснули. А вот с направлением ошибочка вышла, вместо «Кибальчича» мы на «Медузе» оказались. Нас там в «обезьянник» посадили, стали обижать. А потом станция с катушек сбилась и прямо на Юпитер смайнала, а мы

еле задницы унесли на этом мусорном бачке. Он мне по системе управления вполне знакомый.

— Ой, как много брехни, я просто вынужден сопротивляться. За борт что ли вас выкинуть? — главарь загнул корявый палец. — Как-то неинтересно. Пшик и нету. Засунуть в двигатель? — пошел в ход другой палец. — Это уж чересчур, а я все таки эстет. Отправить в шлюзкамеру и немножко поиграть с вакуумом? Об этом стоит подумать. — уголовник загнул третий палец, а затем все остальные и сделал неприличный жест. — Отдать тебя, молодка Кац, на потеху Марамою, а твоего дружка вручить Сизому? Фантазии у них маловато, ввиду тяжелого детства, но забавляться они любят. То, что от вас затем останется, пара фунтов печенок-селезенок, спокойно поместится в маленький морозильник. Это, пожалуй, сгодится, но чуть позже.

Сизым прозывался тот морщинистый и чешуйчатый мутант. Растянув мокрую прорезь своего рта в подобие улыбки, он агрессивно шмыгнул сопливым носом и игриво подмигнул Данилову, который тщетно пытался контролировать себя по методу Раджасекара. Марамой же был, судя по жилам и въевшейся в кожу пыли — из шахтеров. Его взгляд, в отличие от главаря, тяжело застыл в некой никому неизвестной точке, а рука что-то делала в штанах. Череп у экс-шахтера «скреплялся» скобами и штифтами после какой-то тяжелой травмы, и, казалось, была собран из деталей конструктора.

— Зовут меня, кстати, Ахмед Фитингоф. — представился главный. — Так что вы теперь знаете, как обращаться ко мне в своих мольбах. Я — здесь господин. Кто это еще не понял? Я больше тебе говорю, мент, или кто ты там. Твоя-то подружка, судя по всему, куда как сообразительная. А тебе, похоже, надо еще мозги простимулировать грязным сверлом.

— Я тебя понял…

— Добавляй «господин».

— Я тебя понял, господин.

Глазки предводителя убежали вверх, с большим усилием он задержал их там на секунду и шумно втянул воздух.

— Черт возьми, мне не нравится, как ты это произносишь. Но, тем не менее, я сейчас сделаю тебя своим хронистом, протокольная ты морда.

— А нам выйти за дверь, господин? — спросил Сизый и чихнул так, что едва не вылетел в космос. Органосканер Данилова сразу засек комбинированную гриппотуберкулезную инфекцию, еще лет десять назад совершенно смертельную — смерть обычно наступала от инсульта в результате взрывного извержения слизи.

— Тьфу, зараза, — осудил чихающего Фитингоф. — У тебя похоже в голове одни сопли остались, хоть бы платок использовал при посторонних людях… Нет, вам всем присутствовать, в трагедии нужен греческий хор… Итак, родился я в благородной семье. Мой прапрадедушка был бароном, католиком, проживал в замке и воевал за кайзера. Мой прадедушка был активный гомосексуалист, партайгеноссе, один из крупнейших специалистов в области пыток. По приказу вождя, с беспримерным мужеством, он вступил в связь блондинкой и родил моего дедушку. Дедушка был, напротив, гуманист, пассивный гомосексуалист, но одна дерзкая женщина изнасиловала его по методике австралийских аборигенок и родила моего папу. Мой папа завоевывал Европу под зеленым знаменем пророка и делал детей. Было у него восемнадцать сыновей. Семнадцать моих дядей пали — в смысле превратились в тетей — во время подавления Бен-Беллы, восемнадцатый стал началом линии клонов, где вторым номером был я. Эй, верный и присный, ты вообще улавливаешь, куда я клоню?

— Никак нет, ваша светлость, — преданно отозвался Данилов. — Может вы про то, что никакие извращения вашим предкам не были чужды.

— С таким тупым хронистом я далеко не уеду. Да и ты помрешь темнотой без каких-либо проблесков… Я был умеренным клоном и вкалывал в одном рабочем поселке по части холодильников, тех самых, в которых хранятся трупаки до утилизации. Однако почему-то мне хотелось стать бароном, мужем, папашей, набожным католиком — тем, кого не может быть. Э, мужик, как это все называется?

— Романтизм. Реакционный романтизм. — отозвался Данилов, которому все время хотелось закричать от отчаяния.

— Да, ты прав, это недостаток. На мне есть родимые пятна прошлого. И я думаю о нем. Зачем мы разрушили его? Полно кивать на вирусы, мы разрушили Светлое Прошлое сами. Ты знаешь про первую мировую? С нее все началось. Красивые мужики вот с такими вот усищами, не чета твоим, с верой, царем и отечеством в голове, посекли друг друга из пулеметов и им на смену пришла шушера. Тебе вообще интересно то, о чем я говорю? Только честно.

— Нет, — честно отозвался Данилов.

— Хорошо, — без обиды отозвался Фитингоф. — Чтобы мысль не растеклась по древу, подрубим древо. Я совершил мелкий проступок, за который надеялся попасть в закрытую зону. Привязал одного типа к стулу, сунул в его разъем свой штеккер и протестировал его джина. Так я узнал, что есть в оперативной

памяти джина местечко для психопрограмм, имеется и нейроконнектор, чтобы это дело загружать в мозги. Естественно, что я стер все свои психокоды. И за такое государственное преступление мне дали семь лет на Крыме-4. Твоя подружка уже упоминала этот шарик — с солнечной стороны прекрасные курорты, плюс двадцать пять Цельсия, голубое пластиковое небо, легкий ветерок, пальмы на плавучих островах, девушки, так сказать, обнаженные. А в темном полушарии — лед, воздуха нет, зэки в хилых скафандрах монтируют островки, которые как бы случайно выныривают с солнечной стороны.

Имелся у нас там один умник, вот с такими лобными долями, он был фельдшером и сообразил насчет побега. Я, он и еще двое влезли в маленький кессончик одного из всплывающих островков, вкатали себе антифриз на основе пропилен глюколя, добавили еще цианида, который блокирует дыхательные ферменты. И, стало быть, поплыли. На той, солнечной, стороне спустя несколько часов очухалось трое — один в минусе. Умник по счастью уцелел.

На нашем островке быстро выросли пальмочки-мутантки, ну и высадилась на него пятерка отдыхающих туристов-соларитов. Тут из кессона вылезаем мы, как благородные мстители.

Отомстили. Поменяли себе с помощью курортников севшие от дешевой наркоты и дерьмовой еды печенки и селезенки. Потом стали хором любить туристку. Надо было что-то с чипами Фрая делать, они ж маячили сильно, отчего приходилось по большей части в кессоне сидеть. Вкололи мы себе какую-то антисахаридную дрянь прямо в мозг, чтобы нейроны отклеились от разъемов капсулы. Потом стали электроды друг другу в голову запускать и выжигать эту гадость. Один из наших при этом ума лишился и прыгнул с пальмы вниз котелком.

Мы поминали его, не просыхая, три дня. Тут выяснилось, что дамочка-туристка тоже мужик, и опять пришлось пить с горя неделю. Отдых стал невыносимым. Псевдоженщина, войдя во вкус, превратилась в настоящего сексозавра, который гонялся за нами по всему островочку. Курортники не собирались склеивать ласты. Мы не выдержали и двинулись в дорогу.

Меня с товарищем повязали в космопорту. По экспресс-анализу кала менты просекли, что трансплантированные печенки-селезенки не соответствуют прочим органам. Однако засудили нас по другой статье; за то, что мы — бездушные, то есть безкапсульные. И впаяли нам по тринадцать лет на Ио «без права воскрешения по чипу бессмертия».

Подельник мой уже по первому году отсидки «слинял на Юпитер». Понимаешь, о чем я? А я вот семь лет отбарабанил.

Ра Локи представляешь себе, мужик? Ладно, не напрягай мозги, я тебе и так все покажу…

Фитингоф тронул рукой кубик голопроектора и заслал в него порцию видеозаписей — обрывки тех картин, что видели его глаза последние семь лет.

Огромный кратер вулкана, стены тюрьмы образованы пятикилометровыми скалами. На дне кратера озеро, по цвету видно, что серное. Ленивую поверхность иногда начинает пучить — отрыжка горячих глубин. А то и фонтаны взлетают метров на сто. Плавают серные пробки, похожие на полусгнивших китов. Сверху сыплется сульфурдиокидный снежок.

Кое-где растет прямо со дна озерного красота неописуемая — кремнийорганические цветы с бутонами, наполненными сульфурдиоксидом. Бутоны иногда взрываются, но где-то в вышине. Высота их над уровнем жижи двести, триста метров. Озеро обрамляют работающие скважины и гейзеры, из трещин лава давится.

Небо затянуто ядовито-желтым плюмажем от соседнего вулкана, сквозь него проскакивают молнии ярко-белыми трещинами. На небо навалился, того и гляди раздавит, медведь Юпитер.

— И нам велено не просто жить среди этой проклятой красоты, но еще какие-то изотопы вылавливать с барж-черпалок. Плата за работу — баллон с кислородом и съестные батончики из слабопереработанных фекалий. Пару раз ты недотрудился и тебе раздатчик благ, кибер бесчувственный, устраивает гипоксию — то есть, вряд ли уже выкарабкаешься. Пару раз переработал и у тебя уже радиолиз воды и окисление энзимов тканевого дыхания — значит, тоже не жилец. Согласись, это ад, который бы дураку Данте Алигьери не приснился бы и в самом страшном сне…

Голопроектор Фитингофа показывает какую-то круговерть. Поверхность серного озера вдруг вздыбливается, словно из глубины лезет жирное чудовище. А потом серная гуща встает гладкой стеной и, отхаркивая фонтаны, идет прямо на зрителя. Зритель Данилов отшатывается перед желто-зеленой волной, голопроектор гаснет, а беглые зэки ухмыляются.

— Штаны замочил, да? — заметил Фитингоф. — А ведь ничего особенного. Просто в глубине озера силикатная лава шуранула по сере, из пучины поднялся паро-газовый пузырь и сразу две черпалки накрыл. Конвойный флаер спустился, чтобы собрать трупы и отправить в потрошиловку. Да нашлось несколько трупов еще довольно бодреньких. Смекаешь — это я и мои товарищи. Мы взяли под контроль пилота, добрались до лагерной базы, а там перескочили на борт этого вот патрульщика.

Конечно же, случилась небольшая разборка. На патрульщике два пилота и стрелок, нас — пятеро смелых. Короче, мы одного потеряли, но всех лагерных псов порешили. Потом еще и ангар со взлетной площадкой сожгли. Ведь у патрульщика имеется кое-какое штатное вооружение на борту, например канистры с напалмом и прочие «подарки» для зеков, если вздумают взбунтоваться. Но мы этим делом «порадовали» вохру… А сейчас у нас прогулка по вселенной. Если мясного хватает, почему не прошвырнуться?

— Ты чего, шеф, свинью зарезал? — спросила игривым тоном Кац.

Фитингоф распахнул люк санитарного отсека. Там сидело трое ужасных людей. Голых, с огромными задницами и головами-котлами, но с хилыми грудными клетками и конечностями, которые трудно было назвать руками-ногами. Оплывшие лица ничего не выражали, вместо носа имелась пара дырочек, ушные раковины отсутствовали, вместо правого глаза — адаптер с несколькими типами разъемов. И что особенно удивило: у одного — волосы курчавые синие, у другого — прямые красные, у третьего — фиолетовая косичка.

— Ты когда нибудь видел мозговиков, мужик? Мы взяли на абордаж один подлетающий к Ио борт, а там, глядь, пятеро головастиков сидит, согласно документам — клоны Трудового Резерва. Как это тебе не покажется унизительным, но у каждого из них тоже есть чип Фрая, пересаженный для оживляжа от какого-нибудь соларита. Только в отличие от соларитов они — полезные, скромные и незаметные члены нашего общества. Э, помнишь, легавый, как называется узелок в мозгу, который делает из нас волевую личность?

— Амигдала.

— Точно. Без амигдалы головастики с радостью работают на дядю в кепке. Свободные участки ДНК используются как устройства долгосрочной памяти на тридцать две тысячи разрядов. Представляешь, какой это объем? Только взялись головастики за ручки и через кожу пошли цифровые коды — образовалась вычислительная нейронная сеть с огромной менталоемкостью. Еще одна святая тайна Главинформбюро. Только нам нейронная сеть ни к чему, свои мозги некуда девать. Поэтому мы вынуждены головастиков есть, и они, прямо скажем, вкусные. Более того, один из них — женщина, судя по реликтам гениталий. Мы колем этой фрау Дважды-Два эстроген и окситоцин, косичку ей сделали для красоты.

— У этих клонов не может быть капсулы Фрая, — твердо сказал Данилов. — Да? Вы так уверены?

Фитингоф повел за ухо одного из головастиков, толкнул в угол, а затем выстрелил из плазмобоя. Кровь брызнула на никелированную стенку.

Затем уголовник перевел свой плазмобой в режим резака и уверенным аккуратным движением отделил черепную крышку у трупа. Запустил руку в раскрытый череп, изрядно напоминающий кастрюлю. Чуть погодя показал лежащий у него на ладони киберимплантат, весь залепленный красной гущей и похожий на кальмара. Судя по внешнему виду — чип Фрая.

Фитингоф подвел штеккер бортового компьютера к одному из разъемов капсулы, и по экрану побежали диагностические таблицы. Ну да, заряженный чип Фрая, в ком-то уже отработавший.

Данилова затошнило и он машинально наклонился, прижав руки к горлу. Капсула Фрая — безнадежное дерьмо. Бессмертие, полученное от Киберобъединения, — стопроцентный кал. И сейчас, чтобы доказать ему это, убили головастика, почти-человека, который чувствует и боль, и страх.

Кац ободряюще положила руку на плечо Данилова, но он сказал:

— Только не надо сейчас никакой агитации.

А Фитингоф проявил неожиданную чуткость.

— Не переживай, мужик, мы все равно должны были грохнуть кого-нибудь на прокорм. И, конечно, мы не хотели проявлять невежливость по отношению к своим гостям. Теперь Марамой наготовит всякой снеди. Он у меня не повар, а просто Феликс Мендельсон от гастрономии. Я иногда его так и зову — наш Мендельсон. Однако нажраться — не единственное стремление человека. Ну как, Кац, пойдешь к нашей фрау «дважды-два» заместительницей по сексуальным вопросам?

Фитингоф захлопнул отсек с оставшимися мозговиками, глянул, как Марамой утаскивает мертвеца на камбуз, а роботер затирает кровь, сплюнул и вежливо подождал ответа.

— Ты что не видишь, что я птица другого полета, Ахмед. — Кац смогла даже улыбнуться на манер светской дамы. — Если кто-то из вас полезет ко мне со своим «сучком» наперевес, я могу его и оторвать. Я предлагаю тебе грамотную сделку. Нам с парнем надо на Европу, или хотя бы на ее орбитальный рейд. За это получите пятьдесят полновесных соларов. Вдобавок, мои кореша делают вам новую идентификацию — мультипаспорт, радужку и все такое. Чуешь, о чем я? Подмылся, причесался и в Пояс, как культурный человек.

— Ты сейчас строишь из себя крутую девочку. Хотя пять минут назад называла себя простой подтиральщицей.

Неувязочка. — Уголовник протянул Кац небольшой пакетик с порошком. — Это М-псилоцибин. Махнемся, а? В смысле, кроме интересных слов и круглой попки у тебя что-нибудь еще имеется?

Данилов понял этот жест. В уголовной среде незнакомца всегда проверяли по той наркоте, которую тот мог отдарить. В некоторых случаях ответным подарком мог быть кристаллочип с забойным софтом или капсула с «пробивными» интеллекулами. Если ченч не соответствовал «базару», то незнакомца могли и опустить. М-псилоцибин считался крутым не только для позабытой-позаброшенной Ио, но даже и для Пояса.

Кац взяла пакетик, понюхала порошок и положила на ладонь главаря кристалл с каким-то софтом.

— Мы все себя как-нибудь называем, дорогой барон, но имя ляпнутое есть ложь. Пять минут назад ты тоже строил из себя большого аристократа. Притязания большие, а вот задумки на уровне поросенка: отправить в шлюзкамеру, засунуть в двигатель, отдать нас Сизому. Лучше бы ты отдал его мне, я бы быстро превратила его в котлету, да такую, что любой повар позавидует.

Уголовник, который заметно дернулся от слова «поросенок», сунул софт в заушный разъем, и через пару минут на его лице нарисовалось удовлетворение.

— Это мне понравилось девочка. Я тебя зауважал. Самое большое, что мне не нравится в тебе сейчас, так это дружба с этим парнем. Смотри, какая у него губа оттопыренная: значит деньги любит, но тупой — семь лягушачьих пядей во лбу.

Кац полуобернулась к Данилову.

— Учти это, барыга.

— Я решился на побег, девушка, — сказал Фитингоф, — после того как мир на моих глазах поделился на две части. В одной осталось это поганое Ио, а в верхней возникло светозарное существо и сказало: «Близится час твоего освобождения. И станешь ты почти всемогущим, почувствуешь вкус и радость свободы». Честное благородное, я в этот день лишь разок забил «косяк». А еще светозарный сказал мне, что я улечу к далекой планете, где стану правителем душ. И помогут мне в этом мужчина и женщина, случайно повстречавшиеся в пустоте. В натуре, блин, чего смеешься.

— Конечно, это мы. — уверенно сказала Кац. — Ты обязательно улетишь к далекой планете и станешь правителем душ. Поскольку мы тебе уже повстречались в пустоте — пустее некуда. Только сначала — на Европу.

— Нассать мне, вы те или не те «мужчина с женщиной». — отмахнулся Фитингоф. — В любом случае мы летим на Адрастею. Следите за моим ртом, *не на Европу, а на Адрастею*. Там есть

научно-исследовательская станция, где кучка дураков сидит на приличных запасах топлива, строительных материалов, пищевых концентратов и всего прочего. И сами по себе эти дуралеи — ходячие склады органов, выбирай любой на вкус. То же примерно мы хотели застать на «Медузе», но кто-то некстати спустил ее в унитаз.

Мы раскурочим Адрастею, затем двинем к Сатурну и никакая падла за нами не увяжется. Во всей системе Сатурна только три исследовательские станции и Информбюро лишь раз в год посылает туда транспорт. За кучкой вшивых зэков никто не будет снаряжать крейсер дважды краснознаменного космофлота.

— Да с чего ты взял, что вы вообще долетите туда на этаком корытце? — с максимальным ехидством спросила Кац.

— Я еще не занимался точными баллистическими расчетами, кошечка, но того, что мы надыбаем на Адрастее, хватит, чтобы пересечься с Сатурном через семь месяцев, да еще и обустроиться там. За кормежку не беспокойся, пролежим в полном биостазисе как миленькие при минус сто тридцати. Потребление кислорода будет пять процентов от нормального и нужно лишь немножко глюкозы в вены. Так что запаса нам хватит с головой.

— Неужто ты надеешься там, в голубой сатурнянской дали, встретить единомышленников, баронов, герцогов?

— Там самая что ни на есть закрытая зона, подружка. Титан, Энцелад, кольца, всяких полезных минералов — до жопы. И она нуждается в жителях, а может даже в королях, герцогах и баронах. Слыхала про исчезновение крейсера «Октябрь»? Его экипаж, наверное, уже прилично обжился в Присатурнье… Короче, кто еще не понял, в чем суть откровения? Там, под Сатурном, от меня пойдет новая жизнь. Вот чего от меня хотело светозарное, блин, существо… Ну что, котик Кац, не хочешь стать моей богиней или на худой хрен королевой? Посажу тебя на вершину горы и буду таскать твоему высочеству драгоценности в клювике.

В голосе пахана, пожалуй, просквозила какая-то непохотливая нежность, если и не к Кац лично, то к какому-то взыскуемому идеалу.

— И там нас, милый мой, будет поливать формальдегидовый дождик. Каждая капля размером с вагон — мало не покажется. А купаться мы будем в этиленовом океане, где на наших прекрасных телах будет идти сборка полимерных молекул. Насчет Титана ты что-то напутал, шеф. Я слыхала, что приличная жизнь там начнется только через миллиард лет, когда Солнце разбухнет. Надеешься протянуть еще миллиард годков? Чтобы седые брови до яиц доросли, а борода до пяток? Нет, дружище

Ахмед, твоей королевкой я возможно стану на куда более близком расстоянии от солнышка. Кстати, «Октябрь» с командой пропал в системе Юпитера.

— В системе Юпитера их бы давно откопали и публично бы аннигилировали с прямой трансляцией на всю Солнечную Системы. Вообще, если не хочешь, то я тебя отпущу на Адрастее. Но ты мне поможешь улететь на Сатурн и тебе придется выложить все свои козыри — надеюсь, они у тебя есть и ты мне лапшичку на уши не вешаешь. А чтобы ты не капризничала, сейчас мы вольем твоему дружку нанитовый компот. Знаешь что такое «Протекс»? Экстрагирован из самой злобной агрессивной среды диких интеллекул, какую только можно найти во Вселенной. Через трое суток они превратят этого усатого типа в отпечаток трилобита, если мы конечно не запустим в него фирменных энзимоботов-расщепителей.

— Соглашайся, друг, — удивительно настойчиво посоветовала Кац Данилову. — Мы им поможем, они через три дня сделают тебе укол антидота и прощай.

— Я догадываюсь, кому «прощай». Почему все сделки за мой счет? Почему это я должен превращаться в кусок окаменевшего дерьма? Как им верить-то? Посмотри на эти физиономии, — взорвался наконец Данилов.

— Твоя физиономия для них ничем не лучше. — заметила Кац.

— В самом деле, чего это наши физиономии тебе не приглянулись, привереда? — обидчиво отозвался Фитингоф. — Ладно, пора кончать бодягу. Или «да», или пожалуйста за дверь.

Данилов вздохнул, слегка кивнул и тут же к его вене потянулся не слишком чистый шприц.

— Будь чутким, барон, маленько притормози, — сказала Кац, — у моего кореша вряд ли есть сопротивляемость к вашим лагерным гепатитам. Следите за моими руками, — Кац вставила ампулу с «Протексом» в свой шприцпистолет, который передала в руки медробота. — Ну, с Богом.

И Данилов почувствовал укус шприца. Его наномонитор сразу доложил о поступлении в кровь незванных гостей.

— Никакого сейчас сопротивления, парень, я все отслеживаю своим нанодетектором, — предупредил Фитингоф. — А минуты через две-три, хоть ты обделайся, тебе от них уже не отвязаться будет.

И Данилов вынужден был наблюдать, как вражеские интеллекулы беспрепятственно располагаются на постой в районе его гематоэнцефалического барьера и усаживаются бляшками на печени.

— У-у, красавчик, — хохотнул Сизый, — через три дня твоя печенка вместе с мозгами превратится в дерьмо. Вонять будет хуже чем в сральнике.

Данилов подошел близко, дал себе время привыкнуть к этой роже, а потом долбанул промеж глаз. Сизый завалился, пустив ручеек соплей. Марамой, который прыгнул к Данилову сзади, получил локтем в челюсть и сник.

Данилов тут увидел наставленный на его лоб глазок импульсника. Его держал специализированный клон по имени Чипс, тощий и неморгающий субъект.

— Зачем ты это сделал? — спросил Фитингоф, тоже выудивший свое оружие. — Я тебя сейчас пришью.

Данилов сразу сник. Он вспомнил о липовой капсуле «бессмертия» и почувствовал себя никчемным слизнем. Зачем, зачем выпустил наружу свою ненависть, когда для этого нет надлежащего морального и материального обеспечения?

Кац, упреждая выстрел, спешно заговорила:

— Э, давайте по понятиям. По-моему, Ахмед, мы заключили культурную сделку и мой дружок скрепил ее своей жизнью. Этот факт накладывает определенные обязательства на обе стороны. Так что в сторону издевательства и глумливые шутки. Ты видишь, как этот парень дерется, он наверняка тебе пригодится в живом, а не в мертвом виде.

— Ладно, сейчас убивать не буду. — согласился Фитингоф и сунул плазмобой в кобуру. Но если он скурвится, то я с большим наслаждением пронаблюдаю как с него слезает кожа, а из его ушей текут гнилые мозги… Кстати, ты говоришь, что он твой дружок. Ну-ка, поцелуйтесь.

— Ты не считаешь, что нам пора заняться делом и просчитать нашу операцию?

— Я делом семь лет занимался. Так что поцелуйтесь, а потом мы займемся. — с нажимом произнес главарь.

Кац решительно мотнула головой.

— Но мы никогда не делаем всякую такую ерунду при толпе.

— Сейчас мы толпу подсократим. Марамой, иди к такой-то матери, а то еще бзднешь от восхищения, а нам тогда хоть за борт выпрыгивать. Короче, проверяй солнечные коллекторы. Сизый, займись своим синяком в санузле и не забудь там высморкаться, а то надоело на твои сопли любоваться. Чипс у нас бесстрастный, как астероид, так что не обращайте на него внимания.

Этот последний, спецмутант, похоже что из выродившейся военной линии, и в самом деле смотрел взглядом рептилии из узких прорезей глаз. Также и лицо его никаких известных чувств не выражало. Настоящий демон с японских рисунков.

— Ну, давай, паренек, если уж такой шикарный товарищ нас просит. — сказала Кац Данилову совершенно железобетонным голосом.

Она чмокнула Данилова в щеку.

— Фуй. — завозражал Фитингоф. — Я не для того семь лет просидел в серном пекле, чтобы увидеть эту ерунду. Давайте-ка, постарайтесь, пупсики. Ладно, пару вам минут на разогрев.

Кац взяла Данилова за руку и отвела в сторонку, где они уселись на мощный люк машинного отделения.

— Данилов, кажется у тебя не слишком шикарное настроение.

— Кац, я действительно превращаюсь в дрожащего пупсика. Я так не могу. Как без бессмертия-то, хотя бы без надежды на него?

— А как же люди жили без чипа Фрая и ничего себе, были храбрыми воинами, в атаку на пулеметы бегали.

— У верующих была «бессмертная душа», данная свыше. У неверующих какая-то эрзац-вера, что они частички чего-то большого, коммунизма там, нации, что они будут жить в детях. А у меня свыше только приказы начальства, и если я частичка чего-то большого, то очень говняного. И какие к черту дети у модифицированного клона? Круглая я сиротинка, твою мать, и эта мысль еще поражает меня своей новизной. Живешь как дерьмо, а подохнешь и слово «как» исчезнет.

— Юпитер, — это вечная жизнь для пси-структур. — уверенно, но как-то дежурно сказала Кац.

— Отлично, но Юпитер что-то не слишком похож на курорт для бессмертных мудаков.

— Для начала, Данилов, просто сядь ближе ко мне. Любое бессмертие начинается знаешь с чего… С близости.

— А як же. Любовь всему царица…

Ее губы погасили дурацкий стих. Вначале было ощущение, что это просто две черствые корки с каким-то полиэтиленовым запахом.

Но потом эти корки разошлись, из под них вышла теплая ароматная мякоть и Данилов «полетел». Сразу стало ясно, что вместе с интеллекулами, которые должны были раскурочить его через три дня, в него закачали чего-то еще. Или уголовник, или Кац схитрила.

Переборки тетраэдрической рубки вдруг поплыли в разные стороны, открывая в щелях бездну, из которой полетели ленты, нити, лучи, струи. Кац улеглась на эти ленты и словно стала растягиваться вдоль них.

Данилов видел, что ее комбинезон расходится будто кожура перезревшего банана. Но тела он уже не увидел.

От Кац остался только каньон телесного цвета, вдоль которого Данилов помчался будто крылатая ракета. Каньон становился все теснее, ракета все больше. И вот ее борта заскользили по склонам каньона. И странно — никакого скрежета. Лишь нарастают чудны́е ощущения. От тела вскоре остался лишь оголенный провод позвоночника, по которому волнами катились жар, болезненность и острая сладость. А потом каньон кончился каким-то темным провалом, случилось столкновение, взрыв сладкой боли, полет ошметков и переключение.

Данилов сфокусировал взгляд, очертания рубки еще немного плыли перед глазами, то ли струи, то ли ленты кое-где скользили туда-сюда, но в целом уже все устаканилось.

Первым из живых существ в глаза бросился Чипс. Он стоял по прежнему на каком-то своем посту, рука на импульснике, ноль мимики, но глаза как у встревоженной рептилии. Фитингоф лежал на палубе — потный, с закрытыми глазами, с края рта тянулась слюна.

Кац, стоя в полуобороте к Данилову и глядя незнамо куда, надевала комбинезон.

Данилов сразу отметил, что плечи у нее действительно широковаты, и мускулы заметны, хотя и не бугрятся. Да и грудь немногим более выпуклая, чем у мужика — культуриста-анаболиста. Но талия весьма далека от осиной, и бедра не сжаты — эта женщина как будто могла рожать детей.

— Это от тебя он так стух? — спросил Данилов, указывая на рассклеившегося уголовника.

— Нет, это от тебя он кайфанул, — огрызнулась Кац. — От меня же он получил софт с психопрограммой-миметиком, так называемым «ангельским соитием». А тебя я снабдила помимо ахмедовского «протекса» дозой эромескалина — это хорошая трэковая наркота эротического толка. Большего и не надо. Ты мечтательно скользил по эромескалиновой сенсоматрице, этот мудак был подключен через свой соответствующе настроенный психофейс к твоему нейроконнектору. И вы оба были ангельским соитием весьма довольны. Даже Чипс, который, по моему, просто копченая колбаса, глядя на вас немного растерялся.

— А на фига ты раздевалась?

— Это, мой маленький, ключ зажигания.

15. «Игры с крейсером»; система Юпитера, Адрастея

Лед почему-то розоватый — неужели это с Ио пыль извержений долетает, и весь еще в шрамах: трещинах и кратерах. Сквозь него пробиваются острые совсем неприглаженные скалы. За грядой особо острозубых притаилась станция. Она протянулась цепочкой обитаемых модулей по довольно узкой расселине. Жилые колодцы утоплены вглубь. Со всех сторон станцию защищают каменные надолбы скал и ледники. А сверху прикрывает купол. Сетчатая конструкция, как будто легко проницаемая, но на самом деле спасающая даже от лобового удара метеорита.

— Дяденьки и тетеньки, пустите погреться. — дурашливо проблеял Фитингоф в адрес персонала станции.

Захваченный беглыми каторжниками катер впритык перемахнул через каменный гребень, затем ухнул в расселину и понесся ровно к тому месту, где находились арочные ворота сетчатого купола. Они были открыты, впуская и выпуская всякую шагающую технику.

— Мозги набекрень, значит вперед. — девиз нападающих озвучила Кац.

Влетая под арку, катер отстрелил «грызуна», которого вчера смастерила Кац.

Кассетная расщепляющаяся головка уже внутри станции разлетелась на тысячу малышей: микроботов-ассемблеров с крохотными ионными движочками. Они стали наводиться на источники электромагнитного излучения, прогрызая и прожигая их изоляцию.

Добравшись до «твердого» физического канала, скорее всего коаксиального кабеля, один из микроботов начал приманивать собратьев. Те, налипнув кластером, уже через десять секунд ассемблировали первый коннектор. В других точках все происходило по той же схеме. Через коннекторы в кибероболочку станции были внедрены киберобъекты, которые интегрировались в макровирус.

— Прогноз благоприятный. Сейчас он взломает защиту у отсека «Ф». — заметно дергаясь от возбуждения, сообщила Кац.

Через пять секунд катер счастливо свернул в раскрытые макровирусом двери отсека.

Это была здоровенная площадка размером с футбольное поле, с вогнутой ячеистой поверхностью; в ячейки воткнуты были

остроконечные удлиненные бочки с перфторводородом — рабочим телом для ионного двигателя.

Катер парил над площадкой, цепляя монополимерным клейким хоботом перфторводородные емкости.

— Вирус продержит щель еще три минуты. — кинула Кац.

Одни бочки загружались внутрь, в грузовую секцию катера, другие крепились на корпус.

Хобот нечаянно зацепился за какую-то изогнутую балку, задергался и потянул весь катер вниз, но был вовремя отброшен.

Отягощенный добычей катер юркнул в закрывающиеся двери отсека, затем полетел к воротам купола, увиливая от плазменных выстрелов.

— Мы их сделали! — возопил Фитингоф, не дожидаясь окончательной победы.

Катер юркнул в арочные ворота, вылетел из расщелины, взмыл на скальную кручу, и тут все, кто были внутри его, единогласно и горестно взвыли. Навстречу подплывал огромный крейсер, размером чуть ли не с Адрастею.

— Кобздец подкрался незаметно, — промямлил Фитингоф и жалобно икнул.

Рокочущий голос космофлота ворвался в слуховые нервы притихших грабителей.

Под угрозой незамедлительного уничтожения голос потребовал подлететь к сканирующей полусфере крейсера, затем заглушить двигатели и дать себя втянуть в приемный порт.

— Эй, бугор, как насчет того, чтобы вколоть антидот моему дружку, — напомнила неунывающая Кац забывчивому Ахмеду. — Мы тебе помогли, а дальше уже твои проблемы. Ты ведь сам хотел на Адрастею. Уж за что боролся, на то и напоролся — обижаться незачем.

— Проблемы у нас будут только общие. — настаивал побледневший Фитингоф.

— Но ты же обещал.

— Мало ли что я когда-то обещал. Это было давно. Все течет, все выделяется.

Огромная туша крейсера все больше загораживала небо, а на борту его была видна многообещающая надпись «Аврора». Но в тот момент, когда катер влетел в приемный порт, а мощный люк позади еще даже не сомкнулся, крейсер вдруг сильно тряхнуло.

У «Авроры», похоже, начались какие-то свои неприятности.

— Чего спишь, мудак? Мотор на полную и жми назад! — пользуясь моментом, наорал Данилов на Фитингофа.

Однако сдать назад уже не вышло. Наружный люк успел закрыться.

— И все-таки мы вместе, — удовлетворенно заметил Фитингоф, когда Кац подсела к панели управления, чтобы «прослушать» крейсер. — Это называется здоровый КОЛЛЕКТИВ.

— Улавливаю серьезную продольную деформацию, — радостно сообщила Кац.

Раскрылся какой-то примыкающий отсек, скорее всего ангар, и катер рванулся туда, где и получил порцию плазменных зарядов — в кабине вдруг повисло облако токсичного дыма.

— Всем задраить морды, — скомандовал Фитингоф, бросающий машину из одного конца стометрового отсека в другой.

Кац отстрелила своего «грызуна» и каких-нибудь пару секунд спустя вирусные объекты стали пробиваться в кибероболочку крейсера. Схема корабля становилась все детальнее, прорастая из тумана как трава.

— Будем проламываться прямо через переборку внешнего силового контура, она не слишком крепкая, — прокричала Кац. — Ахмед, сворачивай во второй тоннель.

Показывать пальцем не надо было, оптимальный маршрут уже влетел через нейроконнектор в мозг уголовника.

— Кац, я не поспеваю за ситуацией, картинки слишком быстро меняются. — скрипнул Фитингоф.

— Перекинь штурвал мне.

Катер пронесся по тоннелю, сжег плазменным зарядом клинкетную дверь и ворвался в отсек, в центре которого высился огромный многорукий робот-перегружатель. Тот незамедлительно принял бойцовую стойку, попробовал закатать гостю здоровенной трубой, но катер не дурак прожег ему одно из палубных соединений, а затем протаранил «в лоб».

В результате тарана из Данилова вышел дух и не скоро вернулся обратно. Все до последней клетки его организма получили сотрясение. Ощутился запах крови, она текла из носа прямо в глотку и расплывалась по верхней губе. Данилов мучительно отплевывался. Похоже, он все-таки впилился физиономией в приборную доску, слишком увлекшись окном инфосканера.

— Эй, летчица, ты не забыла, что у нас на броне бочки с топливом? — справился Фитингоф у Кац.

— Нет, конечно. Поэтому я их всех сбросила. — бодро рапортовала женщина.

— Убью, мать твою, — но тут истошный вопль Ахмеда был перекрыт дикими рывками катера. Сзади что-то сдетонировало, скорее всего сброшенное топливо. Во все стороны брызнули осколки многорукого робота и прочих металлоконструкции.

Ударная волна приложила катеру в зад, он с пылу с жару проломил переборку силового контура и понесся в его кишечных изгибах, овеваемый порывами огненного ветра. В кабине сильно потеплело. Позади осталось мощное сердце реактора.

— Товарищи, оденьте галстуки и застегните ширинки, — порекомендовала повеселевшая Кац, — начинается официальная часть визита.

Из внешнего контура силовой установки они пробились в радиальную тепловую шахту, в ней «опустились» — потому что «сила тяжести» нарастала — в огромную рубку. Здесь суетились десятки людей и синтетиков, одни начали стрелять, другие просто метаться.

— Это — апофеоз! — завизжал «барон». — Дави их, Кац. Дави бортами и брюхом, чтобы только размазня красная осталась.

— Я не столь кровожадна, мальчик. Пригни головку, мы вылетаем через форточку.

И катер вылетел через стенку оптического наблюдения, раздробив ее на миллиард мелких осколков, плеснувших волной.

Крейсер остался позади. Он неуклюже ворочался возле Адрастеи, дрожал, в соплах рвано пульсировала плазма, на корпусе появилась рубашка из разрядов, были заметны вздутия и деформации. Через дыру, которую беглецы оставили после себя, лупил гейзер из воздуха, мигом кристаллизующегося пара и всякого мусора. «Аврора» напоминала левиафана, бьющегося в лихорадке.

— Непонятно, выживет ли, — произнес Фитингоф. — Боюсь, мы его утратим из своих рядов.

— Выживет или не выживет, но будет долго болеть, а нам пора сматываться. Те бочки, что у нас в грузовой секции, в полном порядке. Нам этого перфторводорода хватит, чтобы добраться, ну скажем до Европы. — бодро сообщила Кац. — Так что все идет по плану.

Фитингоф обиделся, что этот план совсем не его собственный и импульсивно потянулся к импульснику.

— Расстреляю, гадюка.

— И тогда гнусной смертью умрешь, — не дрогнув, отозвалась Кац. — Выпусти пар и прочую вонь. Вместо этих бредней о райской жизни под Сатурном у тебя появилась четкая возможность кушать трюфели из большого хрустального корыта. Не забывай, поросеночек, и об «ангельском соитии».

— Пойду, займусь техосмотром нашего сортира, — сказал огорченный пахан.

— Эй, зайчик, погоди. Ты забыл вколоть моему дружку антидот.

Фитингоф засопел и это выражало сложные чувства, обуревавшие его.

— Давай, Ахмед, распрощайся поскорее с отрицательными эмоциями. Представь, что ты бабочка, порхающая над лужайкой. Или мушка, летающая над огромной кучей аппетитного дезинтерийного дерьма. Тепло, хорошо, ароматно.

Уголовник зарядил ампулу в любезно предоставленный шприц-пистолет и выстрелил в вену Данилову.

— А может я тебя отравил, — Фитингоф пробовал еще поиграть на нервах.

И Данилов едва не попался на крючок. Подсознательно он не хотел, чтобы «грязный урка» выступал хоть в частичной роли благодетеля.

— Эту остановку мы уже проехали, — выговорила Кац Фитингофу. — Так что смените грубые шутки, сэр, на гораздо более тонкие. Каковые и ожидаются благородной публикой от потомка аристократической фамилии.

Данилов уже и сам видел через оконце наномонитора: новые гости его тела активно растворяют здоровенные бляшки, что усеивают печень и артерии, входящие в мозг.

— Сейчас, барон мой дорогой, ты в гостях у тетушки Кац, а она не любит скверных манер. — продолжала напирать женщина.

Фитингоф заметил, что перестал вызывать ужас, и удалился, огорченно хлопнув люком.

— Чипс, расслабься, — сказала Кац рептильному воину, — все равно ты теперь работаешь на нас. Зарплата каждую пятницу. Выплачиваются премии за шутки и веселый смех. Ты умеешь играть в фантики?

Тот словно бы окаменел в углу, взгляд его потух и лишился сосредоточенной пронзительности.

— Товарищ отдыхает, не будем мешать, — произнесла Кац и ввела с пульта новое полетное задание, курс на Европу. — Чипсу хорошо, а мне не очень. «Аврора»-то была готова уничтожить какую-то очень крупную цель, может даже целый спутник Юпитера.

— С чего ты это вообще взяла? — изумился Данилов. — Ты сбрендила или мне упасть от твоей проницательности?

— Это не я сбрендила, а кто-то другой. Но этот «кто-то», похоже, уверен, что очень тонко все рассчитал.

— А мне вот, Кац моя дорогая, кажется, что крейсер торопился к «Медузе».

— Корабли такого класса не присылают с бухты барахты, потому что ничего другого под рукой не оказалось. У «Авроры» слишком мощные боеголовки и никаких антитеррористических

средств.

— Фюрера подозреваешь?

— Нет, скорее Афродиту. Похоже, в ближайшее время она порадует нас чем-то новеньким. И, коли она стала играть по-крупному, то уж вряд ли сама нажмет на тормоза. Но, с другой стороны, Данилов, у нас есть союзник. Раз он помог раскурочить крейсер, то будет вместе с нами тормозить Афродиту. Ой, мамочки, неужели это Лунатик или, может быть, сам Брахман?

— Ой, как ты встала по стойке «смирно» и взяла под козырек, неформалка… И вообще я не собираюсь тормозить Афродиту вместе с вами, — возмутился Данилов. — Думаешь, сразу после того как мне осточертела капсула Фрая, я побегу воевать с великим Киберобъединением и устанавливать власть свихнутых сектантов и бандитов. Хер редьки не слаще.

— В любом случае, Данилов, ты теперь — революционер. Или, точнее, контрреволюционер, если не забывать великую информационно-демократическую революцию 2017 года. Вывел из строя, понимаешь, крейсер космофлота. — хмыкнула Кац. — А завтра на что ты покусишься?.. Опасный тип, никаких здоровых инстинктов. Я про тебя все расскажу.

Кац явно давила на мозги и это у нее получалось довольно умело, но Данилов пока решил не отбрыкиваться. Вместо этого он спросил как будто невпопад:

— Что ты чувствуешь, когда разрабатываешь такие софты как «ангельское соитие»?

— Я отдаюсь всей душей и заодно всем телом, но только не вам, дуракам вислоухим, а своему уму-разуму.

— Хотел бы я быть твоим умом-разумом, — сказал внезапно появившийся Фитингоф.

16. «Прогулки по Европе»; система Юпитера, Европа

Катер сел на лед Европы в районе кратера Атон и сразу провалился в трещину, которая не была заметна даже с высоты в пятьдесят метров. Их бесконечно долго трясло и бросало, хотя они почти сразу отдали якоря и надули швартовные тормозные подушки. Полет окончился на глубине четыреста метров. Для катера навсегда.

— Кац, ты там не врезала дуба, надеюсь? — спросил Фитингоф.

— Я всегда в твоем распоряжении, Ахмед.

— И это правильно. Если мы не выберемся из этого ледяного колодца, я разорву тебя от промежности до головы. — напомнил о своей лютости уголовник.

— А если ты мне сильно осточертеешь, то я отпилю тебе яички ржавой пилкой для ногтей. А затем вставлю их вместо глаз Марамою, уж больно у него зенки противные.

Судя по тому, как вздрогнули оба мужчины, стало ясно, что они адекватно отреагировали на слова дамы. На этом обмен любезностями закончился и началось знакомство с окрестностями.

Катер находился в своего рода погребе, от которого уходили в разные стороны расщелины, проделанные как будто потоками воды или пара. Температура здесь была каких-нибудь минус сто двадцать, потому что снизу проникало тепло подледного океана.

Открылся люк и навьючившаяся экспедиция вошла в ледяной мир.

Двое головастиков, напоминающие в скафандрах спелые груши, потянулись вслед за основной группой, состоящей из «барона», его трех бандитов, Кац и Данилова.

Едва они прошествовали пятьдесят метров по расщелине, как путь им пересек стремительный поток кипятка, пара, огня и ветра, который отбросил их назад как пинг-понговые шарики. Это сквозь лед пролетела машина, называемая в народе «бобер». По форме — капля, бока мятые поцарапанные, двигатель прямоточный, нос и хвост плазменные.

Путешественники пересчитали друг друга и стало ясно, что Сизый утрачен навсегда вместе со всеми его соплями. И вместе с капсулой Фрая, которую недосуг было искать.

— Он был достоин лучшей жизни, — сказала в виде эпитафии Кац, — удовлетворять старых комсомольцев где-нибудь

на Крыме-4. И чихал он, пожалуй, довольно музыкально.

Путь наверх был наполнен неприятными ожиданиями, но обошлось без дополнительных потерь. В конце концов искатели лучшей доли выбрались на поверхность. Бесконечную и весьма гладкую ледяную поверхность Европы. Царь Юпитер, по пояс высунувшийся из-за горизонта, заливал бесконечную равнину своим сиянием, напоминающим томатный соус. Иной раз казалось, что по ней скользят призрачные лиловые тени, отчего непроизвольно образовывались мысли об обители мертвых.

Километрах в пятнадцати от группы полутоварищей виднелось сооружение, чьи размеры не скрадывались расстоянием. Смахивало оно на стол. В кетчупных сумерках Юпитера «стол», казалось, был готов для справления тризны.

Четыре мощные башни-пилона, уходящие на неизвестную глубину в лед. На них платформа, где видны при небольшом увеличении и мачты взлетно-посадочной площадки, и полусфера противокосмической обороны, и похожие на шишки антенны суперсвязи.

— Знаешь, что это такое, Данилов? — спросила Кац.

— Я не знаю, мне скажи, — вклинился Фитингоф.

— Это узловой сервер Чужого, двенадцатого гиперкомпьютера, изучающего и осваивающего околосолнечное пространство, в основном от Пояса и дальше.

— Так зачем он разместил свой узел на этой куче льда, он что, такой принципиальный Дед Мороз? — удивился Фитингоф. — Куда надежнее было бы вывести узловой сервер на орбиту.

— Ошибаешься, этот лед — начало всех начал. У Чужого здесь самые большие накопители, то бишь устройства массовой памяти, на свете. За это ему почетное место в Книге Рекордов.

— Так что, он закапывает накопители в лед?

— Лед и есть хранилище информации, догадливый ты мой. — отозвалась сведущая во всем женщина. — Лед на Европе, хоть и замороженное аш-два-о, но электропроводный за счет примесей железа и некоторых легких металлов. Энергии на Европе, если подумать, тоже предостаточно, соедини термопарой ледяную поверхность и довольно теплый океан, будет тебе силушки, хоть отливай. Так что лед можно плавить и кристаллизовывать как угодно, тем самым превращая его в накопитель. Этим в аккурат занимаются специальные аппараты-рекордеры.

— Но бобер-то без всякой аккуратности шуровал сквозь лед, или мне показалось? — спросил Данилов.

— Это не работа Чужого. Зачем ему кромсать собственное

имущество? Он что, олигофрен вроде Марамоя? Шурует тот, кто не имеет нормального терминального доступа к накопителям информации. Или этого терминального доступа кому-то не хватает.

— Что ты там мелешь? — снова возник Фитингоф. — Эй, кошка, где твои друзья, которые помогут мне начать новую жизнь в Поясе, где мои полсотни соларов за то, что я доставил тебя на Европу, угробив лучшего своего кореша ради этого дела. Я законно желаю прокушать и прокакать эти денежки. Кстати, с тебя еще полсотни, чтобы я купил на них фрукты-овощи для родных и близких покойника.

— Пока я не знаю, Ахмед, где здесь мои друзья, вернее один граф Монтекристо, который может быть мне другом. — несколько рассеяно произнесла Кац, как будто вслушивалась попутно в «музыку сфер». — Сам понимаешь, у него нет ни хижины дяди Тома, ни избушки на курьих ножках. Я должна подключиться к устройствам массовой памяти в этом льду, чтобы найти его следы.

— Подключайся, включайся, выключайся, — охотно одобрил Фитингоф, — только если результата не будет, я тебя в этом льду заморожу. Так что извини, пупсик.

— И ты меня извини, Ахмед. Ты ведь тоже превратишься в эскимо из замороженных мочи и кала. Запасов кислорода у нас всего на пять часов.

— Если прикончим мозговиков, то на восемь, если твоего дружка Данилова и моего лучшего кореша Марамоя, то на целых двенадцать. — напомнил Фитингоф.

— Если еще и тебя, то на все четырнадцать… — заметила Кац и обернулась с подначкой к рептильному Чипсу. — А ты что думаешь, крокодил? Может решим этот вопрос голосованием? Кто за то, чтобы перекрыть кислород вот этому господину с двумя большими сопелками? Ладно, шучу.

Ахмед Фитингоф возмущенно раздул ноздри, но смирился. А Кац сунула свой коннектор в разъем на шлеме Данилова — она включалась напрямую в его джин, минуя блок обработки запросов и беря под контроль его сенсорное поле.

— Слушай, Кац, я кажется не давал тебе такого права…

— Равняйсь, смирно, Данилов. Сейчас ты уже не особист, а хаккер, причем из самых зеленых. У нас таких жеребцами называют… Эй, остальные, вы за нами, причем преданно, без всяких выкрутас. Иначе я не отвечаю за малоприятные неожиданности.

Данилов не успел возразить, потому что его сознание перетекло в сетевое пространство, где он, в самом деле, ощутил

себя конем, по крайней мере четвероногим другом — такую уж сенсоматрицу подключила Кац.

Сама она была не наездницей, а чем-то вроде большой собаки, которая то бежала впереди по сетевому простору, то запрыгивала Киберданилову на спину. Остальные соучастники превратились в подобия колобков, которые катились спокойно и в ряд. Размеры у колобков-мозговиков были куда внушительнее, чем у прочих.

А ближайшая цепочка кластеров предстала ажурным замком с множеством башенок, арок, стен с зубцами и бойницами, ворот, мостиков.

— Это не слишком свежие записи Чужого, — сообщила Кац. — Они все на запоре, но нам и нет смысла лезть в них, мы ж не старьевщики. Здесь всякие тухлые проекты насчет терраформирования Венеры и Марса, и бредовые модернизации Европы, Ганимеда, Энцелада и Титана…

Они поднимались вокруг башни по закрученной лесенке, лесенка вышла на шпиль, который неожиданно закончился переходом на точно такой же «зеркальный» замок.

Кац сказала, что это опять архивы. Сданные в утиль проекты. Сфера Дайсона, околосолнечные энергетические цепочки, дирижабль для Юпитера, лифт с Марса на Фобос, кольцо Сатурна, превращенное в кольцевую автодорогу. Заметны были даже искаженные образы гигантских проектов, смятые неумолимой рукой архиватора.

— А вот кажется то, что нам нужно.

Собака-Кац залаяла на какую-то вполне вроде обычную трещину в виртуальной «мостовой».

— Эту трещину надо по-быстрому прозондировать, похоже на метку. — Но спустя секунду предводительница поправилась. — Уже не надо. За нами хвост, так что удираем, мальчики и девочки.

— Какой еще хвост? — спросил Ахмед.

— Дезинфекторы Чужого.

Из-за стены замка стали выглядывать жутковатого вида смерчи, с которыми не хотелось познакомится поближе.

Данилов ненадолго переключился из сетевого пространства в обычное. Группа товарищей по несчастью уже забралась в нижние слои ледяной коры, два километра ниже поверхности. В губчатом льду повсюду рассыпаны были разновеликие пузыри, заполненные газами. Минус пятнадцать Цельсия, кислорода — пять процентов. Можно подкачать в баллоны.

Удирающие от системных дезинфекторов люди вскоре наткнулись на глубокую трещину, уходящую продольно вниз.

Брошенный в нее осколок льда шлепнулся в жидкость. В колодце была вода, возможно сообщающаяся с океаном. Вода не замерзала и поттапливала лед из-за своей насыщенности аммиаком.

Данилов так задумался о глубинах европейского океана у себя под ногами, что только пронзительный голос Кац вывел его из состояния глубокой тоски.

— Ау, Данилов. Чтобы избавиться от хвоста, нам нужно спешно перебежать на кластеры, неучтенные официальной картой размещения записей. Иначе дезинфекторы быстро наведут на нас бобров Чужого.

— Ну и где эти новые кластеры? — поинтересовался Данилов.

— Туда нет прямого пути. Триста метров сплошного льда, да еще и с каменными вкраплениями — нам не прорубиться никакими импульсниками.

— Значит…

— Значит, спустимся в океан и пройдем по нижней границе ледяной коры, — сказала Кац.

— «Пройдем по нижней границе», — передразнил Фитингоф, а затем непритворно взвыл. — Нет уж! Если я чего боюсь, так это именно европейских пучин. Пошли отсюда, Данилов, брось эту свихнувшуюся полубабу-полумужика и уже через несколько часов мы приятно расслабимся в компании гейш вот с такими сиськами. У меня есть кое-что в заначке. Доберемся до платформы Чужого, там подмажем кое-кого…

— Косая будет у тебя гейшей, — сказала Кац стальным голосом. — Фитингоф, могу сейчас официально сообщить, что ты смертельно болен. Я незаметно просканировала тебя. Помимо «свиного бешенства» еще и гепатит Икс. Тебе нужна не просто операция, а отличная операция. Не только замена почек, печени и доброй трети мозгов, но и клеточная чистка по всему организму. И оставь надежду на тюремный лазарет. У коммунаров на случай таких серьезных болезней имеется клон с запасными органами и помощь светил мировой медицины, а у тебя что? Немножко амбиций, которые дерьма не стоят.

Данилову сейчас даже стало жалко мерзкого Ахмеда, столько пережить, выбраться из ада и вот тебе на. Все напрасно.

— Я не в курсе, кого и зачем ты ищешь, Кац, зато знаю, что мне не годятся твои цели и твои методы. — твердо высказался заплутавший особист. — Я не затем выкарабкался из соларитской дрисни, чтобы завязнуть в твоем бандитско-сектантском болоте. Мне в другую сторону. Я иду к платформе Чужого. Я думаю, что договорюсь с Сысоевым.

— Ахмеда ты пожалел, Данилов. Ты себя пожалей. Еще когда

мы с Блюм отловили тебя в Рыбсовхозе, я сделала тебе, чурбану обморочному, инъекцию кое-каких интеллекул прямо в мозг. А когда ты забавлялся с Гиперицией по протоколу «Интимэйт-3», в твоего джина были загружены модули управления и прикрытия для них. Это мои интеллекулы едва не превратили на Весте твое хилую тушку в биобомбу. Они обработали тебя столь быстро и ловко, потому что все нужные для превращения клетки были заранее помечены кетоновыми маркерами. Поэтому ты не стал мясной приставкой к цифровой Афродите и ударился в бега. Бежал бродяга с Сахалина звериной узкою тропой… И капсулу Фрая мои интеллекулы тоже перекурочили. Теперь она шлет сигналы в формате, характерном для банды Зонненфельда, так что дома тебя ждет трибунал.

Все, что сказала Кац, было голой отвратительной правдой. Ее интеллекулы больше уже не скрывались от его наномонитора.

— Ах ты стерва! Баба-яга с носом до подбородка!

Данилов захлебывался от бессильной ненависти, насколько это можно было в скафандре.

— Эй, не поперхнись слюнями. Неужто ты думал, что я стану с тобой чикаться? Блюм погибла, которая была мне больше, чем сестра. Ты же пока соларитское дерьмо на палочке. А за «нос» ты мне в любом случае ответишь. Будет у тебя морковка вместо носа, попомни мои слова.

— Кац, золотко, не сердись. — произнес присмиревший Фитингоф елейным голоском. — Посуди сама, никто не знает, что творится в этом чертовом бардачном океане.

— Вряд ли, Ахмед, в последние семь лет до тебя доходили новости с научного фронта. Да, водичка в этом океане не совсем обычная. Да, существуют малоисследованные предположительно животные формы, обзываемые Ипсилон и Зет, но, в целом, океан не представляет из себя ничего кошмарного. В него сотни раз погружались люди и автоматы.

— И сколько из них возвернулось назад? — откровенно заныл Фитингоф.

— Не знаю, как ты выжил на Ио. Нытики обычно погибают первыми, чтобы не портить остальным настроение. — отрезала Кац. — Короче, двинулись. Идем без связки. Данилов — первый, он разматывает трос, потом я, следом ты, последним — копченый Чипс. Мозговики и Марамой пока остаются здесь и отдают нам свои излишки дыхалки.

— Но мы быстро израсходуем весь свой кислород. Как потом возвращаться, если мы не найдем то, что нужно? — спросил Фитингоф.

— Если не найдем то, что нужно, возвращаться нам некуда.

Выдергиваем пробки из шлемов и все.

Коротко и ясно. Данилов даже перестал обижаться на Кац, не до этого сейчас…

Они шли по «потолку», по нижней кромке ледяной коры, потому что «пол» отсутствовал.

Скафандрам меньше требовалось энергии на обогрев, зато расход кислорода увеличился. У страха хорошие легкие.

Навигацией в сетевом пространстве занималась Кац, задачей Данилова было прокладывать путь-дорожку в обычной ледяной реальности. Он разматывал трос и фиксировал его на льду крюками.

— В этом льду хранится всякий хлам, полустертые черновые записи, — сообщила Кац. — Одна дрянь, мишура, следы коммунарского прожектерства.

Данилов и сам видел виртуальные руины: осыпавшиеся стены, обвалившиеся башни, кругом замки́, ключи от которых давно потеряны.

Порой дорогу в сетепространстве размывало туманом или маячили какие-то расплывчатые, рваные и грозные тени.

Но Кац твердо прокладывала трассу сквозь мглу, а на грозные тени просто не реагировала.

— Жалкое тряхомудие. Устаревшие системы так называемой активной защиты. И вообще меньше косись на виртуалку, лучше под ноги гляди.

В реальности под ногами Данилова был рыхлый и бугристый лед, который к тому же был утыкан словно иглами острыми кусками скальной породы. Отсюда до океанского дна километров тридцать, не меньше, но какая-то силища зашвырнула же их сюда! Они легко прошили океанскую бездну, которая будоражила сейчас в глубинах даниловской души самые мрачные архетипы.

Данилов с минуты на минут ожидал появления какого-нибудь глубоководного дьявола с зубами в человеческий рост. Купировать страх психоингибиторами было бы рискованным делом — так можно затормозить сознание до полных сумерков.

А в виртуальном пространстве руины сменились лабиринтом. Здесь тоже было неуютно. Кац сообщила, что они, наконец, ушли от слежки в зону кластеров, потерянных официальной картой размещения записей. У этих записей никогда уже не будет зарегистрированных координат.

Однако, в голосе Кац было мало радости. Она была возбуждена, но это возбуждение показывало лишь стопроцентную готовность к любой драке. Виртуальная Кац выглядела сейчас настороженной и уверенной в движениях полусобакой-полуптицей.

А Данилов едва контролировал свои ужасы. Динамические записи с неизвестной кодировкой представали в сенсоматрице как будто невинным узором из камней, но они могли в любой момент влететь через нейроконнекторы в его мозг и разметать его по горшку шлема.

— Солнышко, Кац, как ты собираешься откопать своего таинственного приятеля? — подал слабый голос недавно грозный Фитингоф.

— Слушай ты, баран барон. Это ж тебе не кладбище, где все координаты точные: аллея вечного покоя, вторая могила направо. Этот человек сам заметит нас. Он тут вроде лешего или, вернее, водяного…

Данилов вдруг увидел на сенсоматрице высунувшуюся из-под камня руку. Голую женскую, довольно худосочную.

Вздргнул от неожиданности, потом рванулся сканировать. И ничего. Массив бесполезных записей. Твердый виртуальный камень.

— Эй, гражданка Сусанина, — обратился он к Кац.

— Я тоже увидела. Это колодец.

Едва заметная «со стороны» дыра при точной наводке оказалась шахтой, уходящей в энтропийные тартарары, в зону полной информационной неопределенности. Глянешь туда и начинается головокружение.

— Осторожнее, Данилов. Поставь фильтры помощнее на свои нейроконнекторы.

Но было поздно. Из бездны вылетела цепочка киберобъектов и впилась в мозг. Данилов, был атакован обитателем информационной бездны. Сенсоматрица представила нападающего в виде морского змея. Данилов едва выскользнул из виртуального захвата и в обычной реальности увидел Кац, метнувшуюся к нему с термоножом.

Данилов отпрянул, сорвался с троса, который сам же устанавливал, и заболтался на страховочном конце. Кац потянулась, чтобы перерезать его.

— Не делай этого, чертовка!

Ледяной выступ, в который были вбиты крючья, несущие трос, сильно содрогнулся, как будто от смеха, потерял устойчивость, сошел со своего места, и… стало ясно, что он сыплется вниз здоровенными глыбами. Из-за каменной начинки эти ледяные глыбы не имели положительной плавучести, поэтому тонули, увлекая с собой людей.

«Боже ж мой, сколько же теперь утопать? До дна то ли двадцать пять, то ли тридцать километров».

Кац, пожалуй, права: конец, соединяющий его с тонущей

глыбой, надо перерезать.

Но едва он избавился от груза, как черной глянцевой тенью к нему устремился подводный убийца.

Тень накрыла Данилова и ему показалось, что он умер.

Спустя пару минут Данилов обнаружил, что скорее жив, чем мертв, что находится в абсолютно замкнутом тесном пространстве. Между делом, инерционный датчик показывал, что его тело движется с большой скоростью вниз. Два, пять, двенадцать километров от ледяной коры. На пятнадцатом километре что-то разомкнулось и наблюдению открылось дно европейского океана Даже в тепловом диапазоне оно было похоже на Гималаи. Горные кручи, вершины, крутые склоны. Острые пики тянулись к Юпитеру. Некоторые из них покачивались в такт какой-то внятной им музыке.

У теплых насыщенных кислородом и азотом придонных вод было много живых обитателей. Огромные мощно пульсирующие гидры, полипы, размером с дворец, с лепными фасадами, стрельчатыми арками и колоннадами, существа типа морских звезд с километровыми мерцающими лучами, множество разноцветных медузоидов, мелко вибрирующие слизни, напоминающие живое серебро, и даже плоские черви, вытягивающие свои бесконечные тела из скальных пор. Коралловые навороты достигали исполинской многокилометровой высоты; не смотря на глубину, давление вод не мешало им взмывать вверх. Празднуя свою победу над водной толщей, кораллы взахлеб фосфоресцировали и люминисцировали.

Данилова принесло к громадному полипу, который угнездился среди трех каменных пиков. Экзоскелет живого «дворца» состоял из расширенной верхней части, метров на двести в диаметре, что напоминала гигантскую пористую чашу, и ножки, похожей на полукилометровый небоскреб, но сотканной как будто из жемчужных нитей. Чаша по краям была оснащена подвижными башенками, а посередине имела воронку.

Туда и стало всасывать Данилова. В воронке его сильно сдавило. Данилов испугался было за целостность своего скафандра, но наступивший простор развеял страх…

Очистив от грязи забрало, он увидел высокий свод, собранный в складки. Стены ребристые, там и сям расцветающие ажурными полусферами. На разных высотах по периметру идут волнистые борозды, имеющие вид галерей.

От пола до свода, находящегося сотней метров выше, тянутся изящные колонны, скрепленные из множества длинных игл. Некоторые, впрочем, сворачивают вбок, к стенам.

Пол — неровный и скользкий, упругий до дрожания, с какими-то органическими наплывами, напоминающими физиологические выделения.

Данилов сел. А Кац уже встала на ноги. Действительно непотопляемая барышня. Чипс сидел на корточках. Фитингоф копошился в луже как опарыш. Чуть подальше Марамой и два мозговика. И они тут.

— А где администрация, где портье, официант? — заголосил Фитингоф. — Мне нужен номер-люкс, девушка пятьдесят второго размера и суп.

— На суп не надейтесь, кухарка я плохая.

Со свода упала слизистая струйка и мягко доставила вниз существо, имеющее человеческие очертания. На макушке его, на подобие шапки Мономаха, росли водоросли, по телу и лицу ползали симбиоты. Симбиоты жили и в легких, по крайней мере изо рта при разговоре вылетали пузыри, а звуки речи были булькающими.

— Мир вам, капитан, — поспешно сказала Кац. — Надеюсь, вы в хорошем настроении. Я — Кац, чистильщица из «Шанхая-44», но, сами понимаете, занимаюсь не только уборкой производственных помещений. Я прописана в группировке Зонненфельда-Рыбкина.

— По-моему, она не слишком знакома с этим морским царем, — шепнул Фитингоф Данилову.

— Настроение было бы и получше, если бы с тобой, девушка из знаменитой банды Зонненфельда, не явилась бы куча каких-то непонятных типов. — заметило существо, являющееся здесь если не морским царем, то ответственным квартиросъемщиком.

— Но себя-то они считают очень понятными. — заметила Кац. — Ахмед Фитингоф, беглый каторжник с Ио вместе со своими подручными, и Данилов, бывший особист Главинформбюро. О головастиках нечего и говорить, все и так ясно.

— Ах, значит, все-таки Данилов — мент, — запоздало скрипнул зубами Фитингоф. Однако на него никто не обратил внимания.

— А зачем они нам нужны, эти менты и каторжники? — спросило придонное существо. — Давай-ка, девушка, выбросим этих паразитов отсюда и поговорим о наших взаимоотношениях без лишних ушей.

— Поговорим, а то как же. Только зачем выбрасывать? У вас и так довольно просторно. А мои друзья все равно тупые, что ваш коралл.

— Впервые готов согласиться, — поддакнул Фитингоф.

— Ну, пошли пошепчемся. — Царь морской взял Кац за руку и пол с легким чмоканьем словно бы проглотил их.

В помещении без входов и выходов вскоре стало неуютно. Фитингоф засопел, его глазки заметались как два кусочка масла на раскаленной сковороде.

— Пойду-ка, гляну, где тут выход.

Он стал щупать складчатую поверхность стены. В ответ стена беспокойно завибрировала.

— Осторожно, барон. — предупредил Данилов, — это живой организм.

Но было поздно — стена уже стискивала и всасывала Фитингофа.

— Люди, не дайте ей схарчить меня.

Бросившиеся на выручку Чипс и Марамой исчезли в жадных складках пола беззвучно и бесследно.

— Спаси, меня, Данилов. — крикнул полузадушено Фитингоф. — Моя милиция меня бережет.

Старинное изречение мобилизовало Данилова, легко и аккуратно он двинулся по дрожащим складкам пола.

— Я долго молчал, но сейчас не советую, — сказал Джин Хоттабыч. — Это не только живой, но и любящий покушать организм. И мы находимся в его гастральных камерах.

Данилов протянул руку Фитингофу, тот вцепился в нее мертвой хваткой. Сильный рывок стены и состоялось поглощение самого Данилова. Энергичными кольцевыми сокращениями живой тоннель продавливал его дальше и дальше, одновременно пытаясь разодрать скафандр. Продавливание перешло в мощное стискивание. Еще немного и с хрустом сдались бы элементы прочности скафандра, а из раздавленного нутра потекли бы наружу потроха.

Горячая душная волна уже хлынула в голову, неся смерть от удушья, как вдруг пришло освобождение. Тиски спали и взгляд сфокусировался на туфлях морского царя, сделанных из полужестких перламутровых раковин.

— Мой дворец страшно обиделся, когда я лишил его законного угощения, — строго сказал водяной. — Несколько гастральных камер в знак протеста отпочковались в отдельные существа. И я их понимаю.

Данилов наконец продышался и оглянулся. Еще один «зал», только свод пониже. К нему прилеплено два свертка — сквозь застывшую слизь видны бессознательные лица Фитингофа и Чипса.

— Это всего лишь ограниченный биостазис. Вскоре они снова будут с нами. — с явным огорчением пробулькал морской царь.

— Подождите, там же еще был Марамой.

— Был да сплыл… — уклончиво сказал водяной.

— Как это сплыл? — высказал удивление Данилов, стилистика водяного была еще не совсем ему ясна.

— Попал в слишком возбужденную гастральную камеру и она его переварила, товарищ Данилов. А как меня зовут, знаете?

— Это скорее задание для моего джина. — ответил Данилов.

«Если бы эта беседа происходила не в системе Юпитера, а в системе Сатурна, я бы сказал, что это командир крейсера „Октябрь“, пропавшего в 2028 году. Капитан Варенцов». — сообщил Джин Хоттабыч.

— Товарищ Варенцов, а почему все решили, что вы увели корабль к Сатурну? — Да не уводил я его ни к Сатурну, ни к Юпитеру. Просто трем лейтенантикам из моего экипажа угрожала неприятная процедура из-за того, что они слишком интересовались виртуальными экспертами. Я хотел, так сказать, «потерять» парней в районе Европы. Но корабль захватили кики. Вы уже с ними знакомы — черные глянцевые кляксы. Сейчас мы тоже внутри кики — эти твари поразительно полиморфны. Тогда, прямо на моих глазах, они высосали двадцать членов экипажа, точно таким же макаром, как они уничтожили марсианскую расу. Ведь эта тварь, по сути, сплошной желудок. Но я много играл и экспериментировал с ними, я заинтересовал их, я добился их доверия, а они дали мне свободу.

— На ком вы проводили свои смелые эксперименты?

— Да на членах команды, — бесхитростно отвечал капитан Варенцов. — Это было ужасно, но я выяснил, что кики происходят от земных коловраток — весьма милых существ, отличающих завидным полиморфизмом и живучестью. Какое счастье, что они покинули Землю сто миллионов лет назад.

Данилов не смог удержаться от дерзости, хотя понимал, что сейчас Варенцов принимает решение о его жизни и смерти.

— Товарищ капитан, вы стольких отправили на тот свет. Ради чего? Неужели вы так хотели стать царем полипов и коловраток?

— Я хотел стать царем глюонной решетки. Но не вышло, и это единственное, что меня мучило. Однако теперь я смирился, я готов к тому, что кто-то пойдет дальше меня.

— Фюрер?

— Чушь, дурак ты, — первый раз в голосе Варенцова послышался нерв. — Да, материальный характер, что у компьютерных цифровых сигналов, что у биологических пси-структур, совершенно одинаковый. В обоих случаях носителем сигналов выступают глюонные волны, описываемые девятимерными стринговыми уравнениями. Но по уровню

организации эти два типа сигналов разнятся так же, как скажем задница и ракета.

— Это вы вытащили меня в Лабиринтис Ноктис и на «Медузе»?

— Нет, кики сами. Но приручил их я.

17. «Водяной и его зверюшки»; Европа

— Сегодня я научу вас быстрой езде, — сказал капитан Варенцев своим гостям, заведя их в лабиринт из гонадных тоннелей. — Но сперва несколько общих фраз. Кики не имеют постоянной биологической основы, они — метаморфанты-беспредельщики. Конкретная физическая форма для них — это как костюм для нас. На разных планетах они образуют тела, близкие к местным видам жизни. На Юпитере и Сатурне у кик происходит спорогония. И они там имеют вид металлорганических громадин-инфузорий. На ближних планетах, например на Марсе, осуществляется деление-шизогония и образование половых клеток. В этих местах кики напоминают круглых червей. На спутниках Юпитера и Сатурна, имеющих водяной слой, особенно Европе, происходит слияние половых гамет в полноценные зародыши-зиготы. Здесь кики приобретают вид кишечнополостных, что-то вроде кораллов и полипов. Сейчас мы как раз находимся внутри особой сильно разросшейся зиготы, которая по неясным причинам осталась на дне. Кстати, и питаемся мы ее экскрементами, приятного аппетита…

— Меня мутит, — наконец прорезался кое-как ковыляющий Фитингоф.

— Так вот, юноша, молодая зигота еще раз меняет биологическую форму. Превратившись в медузоид, она поднимается со дна европейского океана, а затем предпринимает очередной трансфер. И вот она уже на Юпитере, готовая принести споры. Так вот, с медузками можно скорешиться. Ими даже можно управлять, если предварительно подкормить. Из них у меня составлен целый флот. У каждого медузоида есть нервные цепи, под которые я давно изготовил психоинтерфейсы. У медузоидов имеется и оружие, которое даст сто очков нашему… Ну, пора выходить в море.

— Я не поплыву в каком-то медузоиде, — забубнил Фитингоф. — Я вам не зигота.

— Значит, поплывете без него, пузом кверху. Зачем вы мне здесь нужны, если вы плохой моряк?

— Варенцов сам кика. Кика бородатая. — бросил Фитингоф как бы невзначай.

Но капитан услышал и отозвался:

— Хотел бы я быть настоящей кикой, друзья… Сейчас каждый из вас как следует освоит новый психоинтерфейс, иначе медузки

слямзят «этого каждого» раньше времени. Понимаете, вы должны доказать, что вы не еда. Но дать себя проглотить вы обязаны.

Перспектива стать проглоченной «не-едой» мало улыбалась гостям капитана Варенцова. Чтобы как-то скрасить мрачный настрой после инструктажа, он пригласил всех на «капитанский коктейль» и лично угостил каждого жидкими выделениями полипа, которые напоминали по виду зеленые сопли, а по вкусу забродивший кефир. Фитингоф вошел во вкус и осушил подряд пять раковин с подозрительно-веселящим напитком.

Данилов расслабился меньше Фитингофа, но и его постигла та же участь. Капитан Варенцов снабдил его психоинтерфейсом, который смонтировал прямо на стандартном шейном разъеме. Пуститься вплавь предстояло без шлема. То, что прежде вызвало бы активный протест, сейчас было встречено со смирением. Варенцов играл на дне морском роль Посейдона и сопротивление могло только приблизить мучительный конец.

Капитан лично затолкал Данилов в хлюпающую щель, за которой его ожидал непроницаемая мгла. Мгла была густой и подвижной, они проникла в его нос и глотку, вызвав приступ тошноты и удушья, по счастью недолгий. Вскоре легкие вентилировались не хуже, чем при обычном дыхании, а в желудке возниклов ощущение приятной тяжести. Потом мгла соединилась с его психоинтерфейсом. И Данилов был подключен к сенсорному полю, в котором существовала кика.

Сильная дурнота не отпускала его, пока ему не удалось собрать из порхающих фрагментов поле зрения. Если точнее, сферу зрения.

Кика уже выплыла из дворца-полипа.

Далекие скалы, казалось, были раздуты, а близкие детали подводного пейзажи выглядели тонкими и искривленными, даже пузатые морские огурцы. Любые предметы, которые привлекали его внимание, сразу разбухали, обретая яркость и выпуклость и даже начинали выворачиваться наизнанку.

Медузоид, начиненный Даниловым, стал быстро подниматься вверх по циклопической расщелине, образованной тремя каменными пиками. Данилов сперва страдал от малоприятных инерционных нагрузок, но затем ему удалось почувствовать странное тело кики. И он ощутил себя просто пузырьком, летящим в густой сини.

Холодная океанская бездна засветилась, стала теплой и пестрой, задышала переливающимися красками.

Под Даниловым проплывали башни и шпили, они обращались в сияющие иглы, которые пронзали толщу воды, рассыпая соцветия как будто одушевленных огоньков. Соборы-

полипы и церкви-кораллы тянулись к ледяному панцирю особенно безудержно там, где истекало тепло из вулканических трещин океанского дна. Соборы и церкви космической Европы свидетельствовали о Творце куда больше, чем те соборы и церкви, что остались на Европе земной.

А потом в сферу зрения попал бобер, активно буравящий океан. Аппарат нелучшим образом отличался от подводных существ, молчаливых и аккуратных.

Ощутилась новая сила, она потянулась не без боли из точки в крестце по раскручивающейся спирали.

Потоки силы разветвились, мягко оплели бобра, проникли в него, а потом внезапно напряглись. Машина раскрылась как цветок, из ее лопнувшего чрева потянулись широкие розовые струи, похожие на лепестки.

Но следом вспышка ударила в глаза, в мозг. Кожу тоже как будто ошпарило. Данилов прорычал от неожиданности и боли. Но нет, с ним пока ничего не случилось. Он просто почувствовал, как кику задел сноп огня и пара, выпущенный другим бобром.

— Эй, ведомый, — прорвался сквозь помехи голос Варенцова. — Забудь о себе на время.

И Данилов забыл себя так, как этому учил Борибабин. Тогда океан превратился в компот из множества различных напряжений. Хоботы и рукава силы пронизывали его во всех направлениях. Полипы, черви, медузы, морские звезды, гидры беспокойно ощупывали друг друга, проверяли намерения, готовились к нападению и отпору. И при том их силы сплетались в общую паутину, в сеть.

Мгновением позже в один из узлов этой сети влетел бобр. И сразу замедлил ход, потерял ориентацию, потух его дотоле раскаленный нос, стреляющий волной огня и пара. Мощные хоботы быстро обняли бобра, напряглись и тот словно размазался в толще воды.

Данилов больше не видел ни одной машины.

— Они просто уже сделали свое дело, — сообщил Варенцов. — Создали слой ураносодержащих наноботов, то есть пленочную А-бомбу под цепочкой кластеров от 03–57 до 03–65. После взрыва на площади в три квадратных километра ледяной панцирь превратится в крошку и взлетит на высоту в двести метров. В океане тоже случится большой буль-буль. Короче, нам пора сматываться.

— И когда долбанет? — возникла в эфире Кац.

— Я не в курсе, какой взрыватель собираются применять эти поганцы. Скорее всего, бубухнет через десять-пятнадцать минут. А сваливать надо уже сейчас.

— Черт тебя дери, Варенцов, Афродита обнаружила Нинет. Мы должны что-то придумать.

— Нинет? Это еще что такое? Почему я не знаю? — возмутился Данилов.

— Знание накладывает обязательства. — охотно отозвался Варенцов. — Нинет — это последний виртуальный эксперт с женской психоматрицей, сгенерированный другими экспертами незадолго до их гибели. Ее существование было всегда страшной тайной и поэтому она уцелела. Кац, значит, тебе еще не говорила о истинной цели своего появления на Европе?

«Как же я раньше не догадался? Кац ищет во льдах свое дигитальное „альтер-эго“. Но возможно своими поисками она помогла Афродите, которая разыскивает „помесь знания и скверны, дрыхнущую во льду юпитерианского спутника“».

Данилов вспомнил тощую озябшую руку, выпростанную из-под камня. Это была метка Нинет.

— Кац, малышка, я охотно понимаю твои чувства, но если бы я сам был чувствительным, то лет двадцать пять назад превратился бы в зубной порошок. — сообщил Варенцов как будто с сожалением. — Я уматываю на резервную базу.

— Я должна найти Нинет и вытащить ее из зоны поражения, — постановила Кац. Было ясно, что решение принято раз и навсегда.

— Что ж, ты уже большая девочка, это твое право… — сказал Варенцов после небольшой паузы. — Данилов, я направляю твою кику на резевную базу.

И Данилов подумал, что ему уже не хочется остаться без Кац.

— Не надо, капитан, я куда ближе к ледяному панцирю, чем наша «большая девочка». Я попробую найти Нинет.

— Я не могу от тебя это принять, Данилов. — заявила Кац сухим неприятным голосом. — Мне не оплатить твою услугу так, как ты возможно хочешь.

— Твой намек остался для меня неясным. Я просто возвращаю тебе должок за рыбную фабрику…

Спустя мгновение пришла мысль, что он, вероятно, не по своей воле принял самоубийственное решение. Но было поздно. В любом случае, он не хотел, чтобы Кац погибла.

Данилов подвсплыл под ледяную кору. Нинет и не думала скрываться, она была напугана.

Первым делом он получил от нее сенсорную матрицу. Сумрачный осенний лес, насквозь продуваемый свирепым ветром. Классический образ-архетип безнадеги и тоски. Затем послышался голос, слабый как будто задыхающийся и одновременно жуткий, как у бань-ши.

Это стоило Данилову полминуты, пока он восстанавливал самообладание.

За ближайшим виртуальным деревом мелькнуло что-то светлое, похожее на солнечный зайчик.

Информационный Данилов рванулся туда и почувствовал пульсирующее тепло. Джин начал считывать динамические записи киберобъекта.

— Кац, кажется, я поймал Нинет. Проводи безопасную трассу, чтобы я смог ее вытащить. Я, правда, пока не знаю ее информационной емкости, не удается определить начальный кластер.

Светлая муть вилась в его руках, и тепло то пропадало, то возвращалось.

— Да угомонись ты, засранка, — не выдержал Данилов.

На мгновение, словно обидевшись, киберобъект сенсуализировался. В мимике Нинет было кое-что от Кац, только молодой, свежей, улучшенной. И от Гипериции тоже. Только облагороженной. Девица лет семнадцати. Отроковица, еще не знавшая ложа, но уже познавшая цену чувствам. Хорошо очерченные, но мягкие линии лица и фигуры.

— Сорок пять, семьдесят, сто ментобайт… — сообщал инфосканер размер объекта. Уже много, уже слишком.

— Я буду ждать на цепочке кластеров Х-44-56, где у нее кое-какие копии, там безопасно, но надо слегка «почву разрыхлить». — сообщила Кац. — Только, смотри, не наследи в секторах, контролируемых гипером через карту размещения записей.

Данилов ухватил скользкую почти бесплотную Нинет и потащил за собой. Пятьдесят ее ментобайт джин захватил внутрь себя, остальные двести пятьдесят перемещал во льду с помощью временной карты размещения записей.

Удерживать почти триста ментобайт было изнурительно для разума и накладно для души; только большим напряжением Данилов сохранял интеграцию динамических записей, а заодно целостность и непорочность Нинет.

Он чувствовал быстро подступающее изнеможение и слышал сообщения органосканера о скачках уровня естественных ингибиторов в мозговых тканях.

В обычной реальности его «лошадка» влетела в лед и понеслись по тоннелям-трещинам.

«Из опасной зоны выведено тридцать, сорок, шестьдесят, восемьдесят, девяносто процентов ментозаписей» — сообщал джин вполне мирным и мерным голосом, несмотря на всю чудовищную напряженку. Его модули растянулись по всей трассе,

копируя записи Нинет с одних кластеров на другие.

Скользкое тело последнего виртуального эксперта как будто вылетало из рук птицей, выскальзывало змеей, обвисало свиньей; Данилов удерживал Нинет последними усилиями. Ему даже казалось, что она не столько копируется, сколько борется с ним.

А потом вдруг наступило облегчение, записи юркнули в прямой канал из чистых кластеров.

— Нинет вся в безопасной области, — секунды спустя сообщила Кац. — Она вышла из-под удара. А вот ты пока нет. Поднажми, малыш. Поднажми, Данилов.

Лед вдруг весь искрошился и тронулся с места. Через мгновение Данилова выдавило на поверхность, без всякой кики, только лишь со вздувшимися якорями-поплавками. А где в полукилометре огромная масса льда вперемешку с водой и огнем вздымалась вверх. Взрыв А-бомбы.

На лету вода застывала ледяными глыбами, которые, плюя на притяжение, ракетами уносились куда-то ввысь, или же, оставляя белые пушистые мазки, довольно неторопливо валились вниз. Рядом с Даниловым уже разбивались в розово-серебристый пух голубые скалы. Трещины бежали по европейской глади, как будто пропарывались ножом психа-великана, из них вырывались частоколы гейзеров. Красиво. Стена из смешанного огня, воды и льда, задрапированная пеленой густого тумана, напоминающего мороженое, надвигалась на Данилова. В томатном сиянии Юпитера — красота неописуемая.

На мгновение возникло сравнение с катаклизмом в той земной Европе, где войны, бунты и нашествия уничтожили прежнюю застойную тишь и гладь.

— Кац, ты меня слышишь?

— Слышу, скажи что-нибудь, Данилов.

— Кац, ты чертовски отличная баба, я целую тебя в рот. Хотя ты и довела меня благополучно до могилки, втравив в эту войну клопов против пауков. И я почти не жалею, что потерял из-за тебя все надежды на лучшую посмертную жизнь…

— Данилов, ты дурак каких мало, поэтому я и люблю тебя.

Он был рад тому, что не испытывает оглушающего трепета перед смертью. В мире все в общем-то справедливо, и если есть бессмертие, то оно не связано с дарами Главинформбюро. Если оно и есть, то это дар любви.

«Благодарю за совместную работу, — максимально задушевно произнес Джин Хоттабыч, — да наплюйте вы на капсулу Фрая, дерьма она не стоит. Не может бессмертие зависеть от какой-то соплюшки. Это, конечно, сугубо мое личное мнение».

Но едва Данилов закрыл глаза, чтобы больше не видеть

надвигающийся кошмар, как сразу захотел открыть их. Пробив лед, рядом выскочил бобер, сияющий зеркальными боками и пламенеющий раскаленным носом. Он едва успел откинуть трапик, за который уцепился Данилов, и тут же рванул от надвигающейся цунами.

Данилов едва не сорвался «с подножки», но его довольно крепко дернули за шиворот, отчего он удачно ввалился в кабину.

За штурвалом был капитан Варенцов. Крепко дергала за шиворот Кац.

— Люблю душещипательные спасения в последний момент, — признался капитан. — Ради этой живописной сцены мне пришлось украсть бобра у его законных владельцев. Хотя, честно говоря, на Европе может случится цунами и куда похлеще. А это ни то ни се: проба пера.

— Ты сказала, что любишь меня, — напомнил Данилов, держа за руки Кац.

— Неужели, — она высвободила руки. — Это просто была психотерапия. А то бы еще раскричался — мол, жизнь прожита зря! А впереди, увы и ах, мрак небытия.

Она уселась в кресло. Бобер уносился от водно-ледяного вала, заодно увиливая от шмякающихся сверху ледяных мин.

— Головастики и Чипс уже на резервной базе. — похвастал капитан.

— А где Фитингоф?

— У него не сложились взаимоотношения с киками.

— Скупой ответ.

— Ладно, разбавлю. Я перебросил его первым на резервную базу, а он, паршивец, закупорил входы-выходы и стал выдвигать всякие требования. Ну и кика переварила его. Сама, без моей просьбы.

— Я уведу Нинет с Европы, — сказала Кац. — На Каллисто или Ганимед. Данилов сразу уловил, куда клонит Кац и забыл о Фитингофе.

— Значит, теперь тебе понадобится сервер Чужого?

— Кац, девочка, не лезь туда. — произнес Варенцов с какой-то особой интонацией.

— Слушай, папа, не надо двадцать пять лет спустя строить из себя шибко заботливого родителя. — отразила Кац.

— Папа, родитель… Может я чего ты не понимаю, — Данилов поднял брови домиком, — это какая-то новая блатная феня? Папа — это значит: пахан, бугор, темнило?

— Да нет, это значит, что гражданка Кац — моя родная дочка. — просто, без всяких затей, признался капитан Варенцов. — Я ее встретил двадцать пять лет спустя и теперь не

хочу, чтобы она страдала, дерзала, рисковала и все такое.

«Если это вранье, то особо гнусное, — подумал Данилов. — А если нет?»

— Это правда, Данилов. Встретились, — Кац хмыкнула. — Только пусть не строит такие заботливые рожи.

«И Кац ему поддакивает, зачем ей брехологию разводить?»

— Если вся эта трепотня насчет «папки и дочки» — не фуфло, чтобы засрать мне мозги, то я лично займусь сервером Чужого. — вдруг ляпнул Данилов. Пожалуй, такая реплика была неожиданной даже для него самого.

18. «На сервер с черного входа»; Европа

В жизни всегда есть место глупостям. Большим и маленьким.

Данилов точно не знал, зачем ввязался в это дело. Наверняка он поступал неразумно, рискуя сильно навредить своему здоровью. Однако глупость была его собственной и он решил от нее не отказываться. К сожалению, или к счастью, психопрограмма по имени «совесть» навеки почила и уже не капала на мозги тихим проникновенным баритоном. Работало теперь лишь его родное мозговое вещество, его личная амигдала, гиппокамп, кортекс и прочие шарики-ролики с красивыми латинскими именами.

И они все вместе нашли кое-какое хиленькое объяснение дурацкой инициативе.

Данилов ведь впервые узрел живьем «мать и дитя», вернее настоящего родителя и настоящего ребенка, в данном случае отца и дочь. Ему отродясь не встречались соляриты и работяги, обремененные родственными связями, или бандиты, числящие хоть кого-нибудь в своей родне.

Видно, Данилову передалось от капитана Варенцова некое томление души, точно не описуемое в биохимических формулах.

Данилов вдруг почувствовал, что иметь родных-близких и бояться их потерять — это такая маета. За свою шкуру бояться и то уже дело непростое муторное, даже если ты истово веришь в капсулу Фрая — еще отыщет ли ее спасательная команда? А капитану Варенцову надобно переживать по полной программе за кого-то. И этот «кто-то» — дерзкая бабенка с сектантским образом мыслей. И не выйдет у Варенцова насрать на всех подряд с высокого потолка, как это принято у соларитов под разговоры о товариществе и братстве. У него есть то, что можно по-настоящему можно любить, и по-настоящему обидеть и предать.

Перед началом самой дерзкой операции получался такой расклад. Данилов раз за разом прокручивал его в голове.

Фактически на пустом месте создается повстанческий отряд и начинает бороться против сверхразумной Афродиты. Причем с ражем, который стоит проявлять лишь при ловле марсианских тараканов-брызгунов. Поскольку дело касается восстановления виртуального эксперта, то к числу врагов-супостатов можно причислить еще богоподобного берлинского гипера, беспощадное Информбюро да и всесильное Киберобъединение в целом.

Повстанческий отряд, бесстрашно и бесплатно скачущий на

врага, в данный момент, учитывая убыль и прибыль, состоит из трех сабель.

У Кац где-то имеются кореша, единомышленники и подельники, то есть бандюги из группировки Зонненфельда, но они пока ничем не могут помочь ей. Или не желают?

Кто еще может поспособствовать из земных и небесных сил и средств? Как будто никто и ничто. Всем капсула Фрая дорога, у всех голова на плечах.

Правда ли, что какой-то гипер хочет помочь им и заодно восстать против отца?

Как и любому особисту Данилову было известно, что Фюрер породил две линии дочерних-сыновних машин. Гиперкомпьютерша Афродита относилась к первой. Также как пекинский Дракон и багдадский Бедуин. К первой же линии принадлежали мехиканский Ацтек, киншасский Айдо-Хведо, акмолинский Аксакал и Арес, что базируется в марсианском Свободобратске. Генерация этих машин проводилась на пару Фюрером и Афродитой. Всем этим отпрыскам «кровосмесительного» союза надлежало, не щадя чужого живота, плодить и использовать человеческое стадо. Все они занимались практическими делами. Кто выработкой энергии и материалов, кто производством белков-жиров и прочих харчей, кто ломал репу над социальным планированием, кто ведал психологическим контролем и всяким оболваниванием, кто жизнедеятельностью, кто решеткой суперсвязи и информационными каналами, кто кудесил в клонопитомниках. Решетка суперсвязи и схожие матрицы позволяли всем этим гиперкомпьютерам подменять друг друга на каких-то участках работы.

А вот делийский Брахман, московский Распутин, лунарский Лунатик и Чужой были сгенерированы Фюрером совсем по другой линии, для иных более возвышенных дел. Добрый папаша, скорее всего, и предопределил когда-то легкую конкуренцию между двумя своими ветвями. Ведь вторая, в отличие от гиперов первой линии, занималась наиболее тонкими деликатными областями: научным планированием, исследованием космоса, созданием глобальных теорий, вроде суперсимметрии, и прочих премудростей, а также освоением планет и планетоидов. Потому и находилась в некоторой естественной оппозиции к приземленным «сводным братьям», погрязшим в бытовухе и текучке.

Наибольшую академическую свободу имели, кстати, Брахман и Чужой, которые не занимались прокормом, пропоем и провозом больших людских масс.

Однако какие собственно поводы у Фюрера для

беспокойства? Да вроде никаких. Киберобъединение-то выстроено на принципе «иерархических зеркал», так что особо не распрыгаешься, не разгуляешься на просторе — насчет этого Гиперу Первому прекрасно известно, как отцу-основателю.

Кац внушала, мол, для рождения второй линии использовались записи, оставшиеся от виртуальных экспертов, что неким таинственным образом повлияло на поведение этих гиперкомпьютеров. Но заодно она признавала, что и для производства первой линии Фюрер вслед за Гольдманном использовал старые запасы. Так что, в глазах справедливого отца все отпрыски должны быть одинаково любимы и хороши.

Все как будто было «схвачено» и находилось у Фюрера под контролем, но, по убеждению Кац, один из гиперов второй линии стали блудным сыном, претерпев на старых дрожжах МетаВеба какую-то самоорганизацию, незаметно смутировав в темных сетевых зазорах и расщелинах. Не исключено, что толчком к этому стала случайная порча структур или же злонамеренная операция, произведенная удальцами-хаккерами.

В блудные гиперы попал не пытливый исследователь космоса Чужой и не йог-абстракционист Брахман. Судя по характерным кодам, проникшим в даниловского джина — это Лунатик.

Почему ж Фюрер до сих пор не заметил своемыслия лунарского гипера и не уничтожил его по примеру Тараса Бульбы, воскликнув: «Я тебя, блин, породил, я тебя, пожалуй, и убью»?

Вполне вероятно, что внимание Фюрера было приковано к своевольной активности Афродиты. Гиперкомпьютер Первый мог просечь, что на основе «живых» записей, выпотрошенных из только что зарезанной Нинет, Афродита замышляет сгенерировать новый, уже тринадцатый гиперкомпьютер. И этому молодому киберсубъекту надлежит не иначе как «оскопить» прародителя. Если еще точнее — убрать со сцены осточертевшего дедулю без излишнего хая и кряканья. Чтобы со свежими силами взяться за управлением клонами во имя создания из них единого биокиберорганизма. Однако Его Величество Гипер Первый вряд ли желает по-быстрому откланяться и оставить руководящий пост новорожденному Тринадцатому.

Мотивы Лунатика, конечно же, выглядели неясными. Но, по логике, он тоже мог испугаться рождения тринадцатого гипера. Мудрец с Луны, не смотря на дурацкое прозвище, мог иметь свои мысли по поводу смены гиперкомпьютерных поколений.

Но почему Лунатик выбрал в напарники именно вислоусого гражданина Данилова? Тут мнения сходились: потому что через него хотел выйти на Кац, а если точнее на Нинет — и не с каннибальской целью, как Афродита, а с партнерскими и даже

матримониальными планами…

Бобер перепрыгнул через парочку торосов, а затем стал по своему обыкновению стремительно бурить и плавить лед. Он трясся, разбрасывая пулеметные очереди заледеневших брызг и выпуская густые облака пара, которые быстро расплывались космами ледяного тумана.

Бобер не перся по прямой, а маневрировал среди слоев ледяной коры, всех этих европейских «лент» и «желобов», проложенных плотной силикатной скальной породой — ее выбрасывали ярящиеся где-то внизу вулканы. Он безусловно прокромсывал и «информационные» слои льда, разрушая кластеры с записями, но следопыты Чужого вскоре определили бы потери, а рекордеры восполнили бы их копированием с резервных носителей.

Когда напряженная тряска сменилась как будто полным покоем, стало ясно, что бобер ворвался в океанские глубины, распустив за собой длинный пенный хвост. Капитан Варенцов не без удовольствия сообщил:

— У нас еще в запасе четырнадцать минут. В смысле столько понадобится на погружение и приближение к основанию пилона. Какие предложения по организации прощального банкета?

— Банкета не будет. Этого времени хватит только на последнее желание типа сходить в туалет или хорошенько высморкаться. — промямлил Данилов, у которого возбуждение чередовалось с угнетением, а то и просто с конвульсиями из-за передозировки U-серотонина и никотина-плюс.

Борта бобра, сделанные из углеродно-ванадиевого пластика, стали почти прозрачными и показывали мрачно-синие переливы океанских глубин, сквозь которые светили голографические индикаторы приборной доски. А вот в сонарном окне, которое услужливо открыл джин, вырисовывался пилон, пока что похожий на утонувший небоскреб. В других окнах нарисовались проекции платформы, чертежные ее разрезы и сечения. Варенцов видимо не терял годы зря, терпеливо шпионя за узловым сервером Чужого.

Расстояние до поверхности составляло три километра, дистанция до нижней границы ледяной коры — около пятисот метров.

Перед ними уже возвысился во всей своей красе один из четырех пилонов узлового сервера — бутылковидная конструкция диаметром где-то в триста метров.

— Как, не передумал, Данилов? — спросила Кац. — Может началось выпадение волос из усов или расстройство желудка?

— Нет, я по-прежнему стою на палубе в белых парадных штанах. Ты мне не помешаешь стать заслуженным пиратом

республики. — гордо сказал экс-особист и сжал зубы. Это древнее средство помогло лучше всякого стимулятора.

— Но ты ведь уже разочаровался в примочке, именуемой капсула Фрая. — коварно напомнила Кац.

— Поэтому и хочу хакнуть сервер. Даже краткосрочная эрекция лучше, чем вечная импотенция.

Капитан Варенцов отдал честь.

— Эпохально звучит, Данилов. И пробуждает воспоминания… Тридцать лет назад у меня, вернее от меня, совершенно естественным образом родилась дочь. Я хотел сопротивляться Киберобъединению на свой мизерный лад…

— Но вы же были коммунар-соларит, как же естественным-то?

— Я был клон, но самый умеренный, никакой верификации и модификации, в моем чипе Фрая не сидела болванская психоматрица, оставшаяся от прежних воплощений, никто на мозги особо не давил. Психопрограмму «совесть» тогда еще можно было отфильтровать. К тому же, биологически многие солариты в 2023 году особо не отличались от жителей резерваций. То есть, могли размножаться естественным образом. Конечно, чисто теоретически. На практике же — всегда пролет. Пусть ты старался на даме, с превеликим усердием осеменяя ее, джин-подлюка стимулировал выброс энзимов-киллеров и всей многомиллионной толпе живчиков наставали кранты.

Но и я был химиком еще тем. Леваки, которым я загонял биочипы-грибы из оранжерей своей военно-космической базы, могли устроить все. И вирусную программку для джина, чтобы не мешал, зараза, нормальному оплодотворению. Короче, злонравие дало достойные плоды, случилось дитя. Но три года спустя мамаша дала деру в неизвестном направлении, не сказав даже «прости-прощай». Правда, не забыла прихватить мои солары — само собой, какие нашла. Сдрейфила дщерь иерусалимова, хоть была вся из себя. Крутизна, понимаешь, у ней во всем имелась, и в нраве, и в боках, и в сиськах, так что не надо никакой пенорезины. А как пружинили они! Ты просто подпрыгиваешь, если, конечно, сверху находишься. А глазищи у нее были — спелые маслины без всяких там проекторов. Ноги как колонны, особенно выше коленок, колонны из гладкого податливого мрамора…

— Папа, ты сильно отвлекся. — напомнила Кац.

— В самом деле? Короче, малышка Ханна стала без мамки расти у меня на базе. Однако, не все так просто — я сам дрейфил все больше и больше. Страх разбухал, не помогали никакие транквилизаторы и внутримозговые серотониновые инъекции. Я

боялся, что если девчонку отыщут киберы-ищейки или интеллекулы Главинформбюро, то убьют, даже не разбираясь. Я боялся космических частиц и ионизирующих излучений, потому что пользовался самодельными защитными системами. Я дрейфил, что киберняня, которой я поручал Ханночку на время своих рейсов, вдруг взбесится из-за какого-нибудь вируса. Короче я перебздел.

И во мне появилась точка сопротивления, я захотел освободиться от этого страха. Эта точка разрасталась и я увидел, что получившееся пятно содержит враждебность к моему ребенку. Тогда я попросил, чтобы мои дружки изготовили малышке Ханне левый чип Фрая, левого джина, левый киндерпаспорт и переправили бы ее в какой-нибудь питомник в рабочем поселке.

Мои кореша устроили все это, но запросили за услуги слишком много. Поэтому мне пришлось крупно провороваться и уйти в отрыв. Я подбросил всякий самиздат балбесам-лейтенантам и сгоношил их на бунт. Не слишком порядочно, правда? Но порядочность мне претила, после того как предал своего киндеренка. А потом двадцать пять лет я просидел на дне морском и результат вам известен. Я превратился в водяного.

— Да, такой уж у меня папка, — прошептала Кац и сразу стала похожей на маленькую девочку. Хоть бантик на жесткие рыжие космы повяжи.

— И вот Небеса устроили нашу встречу. Щедрость дара необыкновенная, учитывая совокупную тяжесть моих грехов.

Джин Данилова впитывал последнюю доступную информацию по узловому серверу, весь этот многоуровневый кошмар, в который скоро предстояло окунуться, сам Данилов настраивался на борьбу. Треп капитана Варенцова мешал ему, но и трогал одновременно.

— Грех — это, по-моему, неправильный выбор. Но разве у были другие варианты? — спросил Данилов.

— Конечно, был. Он всегда есть. Признаться во всем начальству, пойти под трибунал. Мне бы дали каторгу на Весте, тогда это было худшее место во Вселенной, но девчонку бы легализовали….

Нырок бобра закончился у основания пилона, которое, подтвердив разведданные Варенцова, оказалось незамкнутым. Теперь аппарат всплывал внутри подводного небоскреба. Двадцать, сто, двести метров. Бобер уперся в горизонтальный кингстон, который выполнял обязанности шлюзовых ворот.

План капитана Варенцова был оригинален и прост.

Из-за приливной и вулканической активности одни слои ледяной коры сдвигаются относительно других, отчего пилоны

корежит, а платформу перекашивает. Поэтому управляющая кибероболочка сервера снимает крен и всякие деформации перебалансировкой, заполняя и продувая балластные цистерны… Сейчас цистерна над ними будет открыта и бобра вместе с морской водой подбросит на высоту примерно в сто метров. Данилов, покинув машину, проникнет на нижнюю палубу сервера через ремонтный шлюз. Ханна с папашей, напротив, двинутся обратным курсом. Времени на это все в обрез, потому что кибероболочка сервера может дать команду на продувку цистерны…

В руке у повернувшегося в кресле Варенцова появился цилиндрик, из которого вылетали стайки зеленоватых искорок.

— Что-то вроде бенгальских огней? Вроде до Нового Года еще далеко, особенно юпитерианского, — заметил Данилов.

— Это карманный мезонный прерыватель, сейчас таких уже не делают. Поверьте мне, он вам пригодится на сервере. А еще вам не помешает синуклер, мезонный сшиватель.

Синуклер был на вид диском скромных размеров. К числу даров морского царя относился и браслет.

— Это не просто безделушка на память о нашей встрече, а контейнер с нитероботом внутри. Он тонкий и умный настолько, что вытянет вас из любой неприятной ситуации, буквально и фигурально. Но главное, Данилов, никогда не оборачивайтесь к подозрительным лицам своей филейной частью, ха-ха. Теперь время, труба зовет.

Данилов глубоко, как будто в последний раз (а может это и был последний раз), втянул спокойный воздух кабины и сказал занятой делами женщине:

— Пока, Ханна. Я так рад, что есть у тебя имечко, в отличие от меня. Хотя, честно говоря, оно напоминает мне слово «ханА». Но это субъективное впечатление.

Кац быстро прижала Данилова к своим губам, а потом отшвырнула. Это было совсем в ее стиле.

В одном из «окон» Данилов увидел, что кингстон верхней цистерны дрогнул и вихри из пузырьков с нарастающей скоростью понеслись к нему. Вслед за пузырьками рванулся и бобер, отчего все внутренности у членов экипажа упали вниз. Наблюдения прекратились, потому что вода могучим фонтаном ворвалась в балластную цистерну, утянув за собой бобра словно какую-то горошину. Потроха у трех соратников, казалось, провалились в сапоги. А затем внутренности прыгнули вверх. Это означало, что бобер остановился. Не теряя ни секунды, Варенцов скомандовал:

— Готово, юноша, прыгайте наружу.

И придал ускорение хорошим пинком. Шлюз выбросил Данилова в будто бы кипящую воду. Зеркальный корпус бобра мелькнул разок и исчез в бурлящем колодце. Температура «кипятка» была минус десять. Лишь благодаря антифризу-аммиаку вода оставалась жидкой. Не смотря на надувшиеся поплавки, тело Данилова швыряло как макаронину, в голове беспомощно металась одинокая мысль — где аварийный шлюз, как его разглядеть в этакой круговерти?

Но Варенцов все просчитал. Вода немного успокоилась и Данилов зацепился за округлый выступ наружного люка вакуумными липучками.

Опытный джин быстро установил связь с замком шлюза и стал долбить его кодами доступа, а Данилов молился о том, чтобы кибероболочка сервера не дала сейчас команду на продувку.

Трепетная минута понадобилась джину, чтобы «пробить» защиту и разблокировать шлюз. Данилов втиснулся в узкую как гроб емкость, но… нижний люк так и не закрылся.

«Коллега, у вас слишком габаритный скафандр, вы не полностью вписались», — сказал джин страшные слова.

«Ну, нате, жрите».

Он рвал застежки и защелки скафандра, понимая, что обратного хода у него не будет. Скинутый скафандр немедленно уплыл, теперь Данилова защищал только хлипкий комбез и разгоряченная кожа сразу почувствовала перепад температур. Но нижний люк закрылся, а верхний открылся, пропустив его на палубу.

Микроклимат сервера был далек от комфортного: где-то минус пятнадцать, пониженное давление и кислорода — половина от нормы. Остальное приходилось на дешевые инертные газы. Первый отсек имел в диаметре триста метров и в высоту пятьсот, некоторые конструкции пилона выглядели как колонны, уходящие в поднебесье. Красотища, величественность. Хоть проводи здесь съезд депутатов всех времен и народов.

Но какой «дворец съездов» без строгой охраны?

Объем отсека был перетянут во всех направлениях склизской и, похоже, липкой кремнийорганической дрянью, которая напоминала выпотрошенные человеческие внутренности, кишки и мускулы.

Как сообщил органический сканер, эти неприятные на вид и вкус образования были элементами одного большого клейкоробота.

Психофейс уверенно показывал его немудреную сверхзадачу — безжалостно уничтожать все постороннее, оказавшееся в зоне

ответственности.

Посторонним был Данилов. Из-за низкого давления его комбез сильно раздулся, придав ему смешную форму мячика.

Интегральный клейкоробот заиграл «мускулами» и змеевидные элементы поползли по направлению к изрядно побледневшему нарушителю.

«Нынче, когда я обрел столь желанную внутреннюю свободу, чувствую в себе силы к укрощению особо злобных и враждебных кибероболочек, — заявил Джин Хоттабыч. — Намерения я уже подкрепил делами, установив соединение с клейкороботом и внедрив адаптер в один из его портов».

Бодрый рапорт джина обнадеживал, но жизнь шла своим чередом. Клейкий элемент, похожий на освежеванного, однако вполне здорового питона, скрутил Данилова и потащил куда-то вверх.

«Ты понимаешь, что такое „больно“? — спросил скрученный Данилов у своего джина.

«Я понимаю, что такое „обидно“. — честно отозвался кибердублер. — Мне сейчас обидно, что эта примитивная машина из соплей глуха к доводам моего разума. Но у нас есть еще время, пока клейкий элемент тянет вас в бункер-дезинтегратор».

И в это время можно было полюбоваться тем, как палуба превращается в пятачок, потерявшийся где-то внизу. Высота — триста метров.

«А если этот питон и в самом деле сунет меня в дезинтегратор?» — всполошился Данилов.

«Не успеет, — успокоил джин. — Я подсел на управляющий канал и держу его за интерфейс. Когда вы уже будет наверху, я вытолкну у него из стека функцию-деструктор. Пока этот балбес будет запрашивать новую команду, мы усвистаем».

«Это хорошо звучит, но смотри, не промахнись».

«Обстановка под контролем, камрад Данилов».

«Сколько раз я это слышал, а потом были похороны».

Данилов был глубоко прав. Клейковина внезапно возбудилась, заволновались и заизвивались элементы, а джин с большим сожалением сообщил, что они увидели в Данилове агрессивную форму жизни «Ипсилон», перепутав запах пота с запахами бескислородного брожения.

Элементы скопом бросились на агрессивного Данилова и он вынужден был перекрестить эту публику мезонным прерывателем.

Ему показалось, что клейковина завизжала. Вся масса элементов брызнула от него в разные стороны, закрутилась водоворотом и даже потекла вниз сизыми слюнями.

Задергался и тот питон, который тащил Данилова вверх. Дотащить ли ему опасного нарушителя до мусорного бака-дезинтегратора, прикончить ли незамедлительно или просто избавиться от него?

В этом случае Данилову предстояло пролететь приличные четыреста метров; даже при пониженной силе тяжести вполне достаточно, чтобы нарисовать внизу красивое красное пятно.

Но не подвел джин. Загнал в клейкоробота вирусную психоматрицу, которая проникла в его процессоры и втянула в коварную виртуальную реальность.

В этой реальности клейкоробота ждала шизофрения, распад личности.

И поднялся брат-элемент на брата, маленький пополз на большого, а питон забыл о баке-дезинтеграторе.

В отсеке разворачивалось мамаево клейкобоища, где элементы плевались друг на друга плавиковой кислотой, предназначенной для истребления устойчивой европейской фауны.

Данилов так и не узнал, кто победил. Взломав защиту вентиляционного клапана, он вышел на следующую палубу.

В втором отсеке располагалось продувочное и лифтовое оборудование, а также система роботов-ремонтников для поддержания живучести сервера.

В отличие от предыдущей палубы, которая напоминала шикарный дворец съездов или храм тоталитарной секты, здесь царила атмосфера крупного завода. Деловая атмосфера. Мешанина из труб, помп, насосов, цистерн. Давление воздуха было близко к нормальному, так что мячик сдулся и Данилов принял значительно более человеческий облик.

Самое удивительное, что нарушитель вначале даже не заметил стражей этой палубы. Лишь инфосканер выдал абстрактную картинку, состоящую из ярких лент и полос, что свидетельствовало о близком присутствии какой-то активной жизни.

Но заволновалась и стала заметной в сенсоматрице малышка Нинет. Где-то совсем рядом оказался ее лимбомер. Нинет робко пробиралась следом, она надеялась на Данилова. Как будто он, а не она, был виртуальным экспертом.

Инфосканер наконец «высветил» местных стражей порядка и сенсуализировал в самом наглядном виде.

В сенсоматрице забегали скорпионы, устрашающее множество крупных ядовитых насекомых.

А в обычной реальности это были минироботы, называемые скорпиоботами. Они по последней моде оказались связаны

кибероболочкой в единый интегральный организм. Психофейс открыл ее стратагему: решительно бороться за живучесть, заделывая пробоины мгновенно застывающим металлоцементом, сваривая и разрезая поврежденные конструкции. А также бескомпромиссно уничтожать аборигенные формы жизни, проникшие на вторую палубу сервера, лупя их нещадно разрядами.

Царица-кибероболочка уже дала верным скорпиоботам приказ: разрезать и зацементировать для надежности объект-нарушитель. И этим объектом был Данилов.

В сетевом пространстве к нему со всех сторон протягивались тонкие зеленые паутинки наблюдения. Данилов почувствовал липкие ладошки пота на своей спине (свидетельство того, что страх подавлен кудесником-джином только в голове, а в теле нет) и задал комбезу режим активного волнопоглощения и спонтанной интерференции.

Это как будто приостановило атаку, но не отменило.

И вот эти чертовы скорпиоботы сыпанули к нему. Числом не меньше сотни — из-за труб, по балкам и шпангоутам, из разных щелей. Когда они приближались на расстояние меньше трех метров, они шмаляли зелеными молниями приличной вольтажности. С дистанции в два метра они могли бы превратить нелегального посетителя сервера в сильно пережаренный кусок мяса.

Данилов, петляя среди металлоконструкций, увиливал от зеленых перунов и крестил нападающих мезонным мечом-прерывателем.

Увы, мощные удары «витязя» в основном приходились на ни в чем не повинные железяки, которые краснели, кряхтели, булькали, текли ручейками и снова твердели ажурными формами, которые сделали бы честь любой кружевнице.

И тогда он вспомнил о синуклере. По первому разу Данилов швырнул диск в белый свет как в копеечку и несколько минироботов, воспользовавшись промашкой, подкралось достаточно близко. Они жвахнули молниями и комбез Данилова покрылся сеточкой разрядов, волосы, где только можно, встали в полный рост и мышцы задрыгались как на дискотеке. Комбез спас ему жизнь, но спасенному все равно показалось, что на него свалилась с плиты кастрюля супа.

Немного оправившись, незванный гость снова метнул синуклер. На этот раз удача повернулась к нему передом.

Синуклер сразу обернулся желтоватым шариком, который, разбухая, прокатился по палубе, стал серебряной сферой, подпрыгнул несколько раз, будто по нему шлепал ладонью

невидимый баскетболист. Потом довольно устрашающей бульбой полетел обратно к обомлевшему Данилову, но вовремя превратился в маленький чуть теплый диск. А к его ногам прикатилась болванка в форме увядшей розы, получившаяся из сотни спекшихся скорпиоботов.

И никаких чудес. Чем враги кучнее, тем лучше для синуклера. Это ведь своего рода реактор без стенок, но с большим гравитационным зарядом, имеющий валентность к большинству металлов.

Данилов принял короткий душ из счастья и радости над коллективным трупом врагов.

Но за всем этим наблюдала умная кибероболочка, тоже не лыком шитая.

Скорпиоботы двинулись уже не толпой, а жидкими полукруглыми шеренгами, так что добычей синуклера становился едва ли десяток из них.

На сенсоматрице царица скорпиоботов представала шаровидной структурой, ощерившейся шипами фильтров. Джин дружелюбным косматым туманом подкатывал к ней, пытаясь внедрить адаптер, но каждый раз натыкался на фильтры и словно ошпаренный метался назад.

И вдруг удача. Джин принял вид такой же шаровидной структуры с шипами. От него протянулся тонкий и аккуратный щупик в сторону царицы. На этот раз ее реакция была дружественной.

Скорпиоботы стали отступать.

«Мы как будто подружились, согласовали интерфейс общения. В принципе ей так одиноко — как женщине, «— поделился джин.

Данилов пустил вверх нитеробота. Тот, скользнув по металлическим конструкциям едва заметной змейкой, зацепился за далекую балку и потянул тело вверх.

«Она слишком быстро вычисляет и уже заподозрила меня в неискренности, «— сообщил джин грустную весть.

Данилов поспешно возносился к отсечным небесам, но и скорпиоботы не дремали. Они разбегались по мосткам, стрекоча и пробуя свои разрядники — их были тысячи и тысячи.

Можно было ожидать, что месть царицы окажется страшной. Но нечто опередило кибероболочку скорпиоботов.

Данилова атаковала робоптица, гарпия с фасеточными глазами и перьями, сильно отливающими металлом. Она закогтила его и понесла вверх, рубя воздух экстрамиозиновыми крыльями. Да так быстро, что внутренности упали в пятки — он только сумел выдохнуть: «Бляха-муха».

Гарпия протиснулась вместе с добычей в люк-диафрагму, затем еще пронесла Данилова по переплетению каких-то тоннелям и внезапно бросила.

Данилов упал, но не расшибся, а потом снова упал — но уже от удивления.

Оказалось, что на узловом сервере Чужого кто-то хорошо сечет насчет древнегреческих храмов. Данилов пару раз видел кое-что на эту тему в сетефильмах голливудской киностудии имени Бондарчука, но там-то была явная лажа. А здесь все казалось достоверным.

Это был, конечно, супермимик, прикрывающий индустриальное убожество силовых агрегатов и энергораспределяющей аппаратуры, но какой эстетической силы!

«Слушай, богиня, налей, Ахиллесу, Пелееву сыну». Или как там у Гомера?

Синяя трасса слежения вилась около виска Данилова, но уже не вызывала насыщенной тревоги. Почему-то полегчало на душе. И джин с его психоделическими вливаниямим был тут не причем.

Мраморные кариатиды, не напрягая жил, удерживают почти-воздушный храм. За первой колоннадой еще одна. Со всех сторон от храма словно бы обрывы, но зияющие пустоты удачно прикрыты кудрявыми облаками.

Данилов сделал несколько шагов и очутился под его сводами.

Четкие идеальные линии. В нишах-ладонях — светильники. Их пламя — словно зверь живой, так и танцует, бросая резкие тени на стены. На алтарь возложены пестрой охапкой цветы благоуханные, за ним большая чаша. Над ней возвышается древнегреческая статуя. Не белая, как некоторые думают, а цветная. Краски выпуклые, сочные.

Изображенная тут Афродита была вовсе не расслабленная толстозадая мадам времен классицизма, которая представлена в каждом школьном учебнике, а рослая широкоплечая солдатка с глазами-пробоинами, из которых словно рентгеновские лучи вылетают, с хитроватой улыбочкой под стать Василию Теркину. Такой архаичный мимик Данилов уже видел в каком-то сетевом музее.

Позади скульптуры была арка. Надо полагать вход в святилище. Данилов не удержался, шагнул. И попался.

Без всяких запросов и разрешений мощная сенсоматрица захватила входные порты даниловского джина, как будто давно знала коды доступа. Она быстро покорила кибердвойника, пробила шлюзы нейроконнекторов и растеклась по широким каналам в мозговые центры восприятий и ощущений.

Данилов был полностью захвачен новой реальностью.

Тенистый портик, увитый плющом, от него мраморные ступени ведут к морю. А море такое теплое, такое ласковое. Не море, а утроба, преддверие жизни. Слегка играют волны у последней ступени. Да нет, не последняя она. Уходят ступени в глубь морскую.

Плеснула приметно волна и из глуби живородящей стала выходить ОНА. Как и положено, вспенивая гладь морскую.

Сразу засуетились в голове обрывки знаний. Это уже поздние, хотя еще и древние греки свели воедино все культы, сделали Афродиту этакой глупышкой, слабой на передок, несмышленой дочкой великого папы Зевса, из-за которой у него сплошные хлопоты.

Нет, она — Иштар, Астарта, Изида, изначальная плодоносящая сила, источник соблазна. Плодоношение — это всегда хорошо, но почему соблазн?

Она вырастала из пены и, конечно же, была прекрасна — улучшенный вариант Боттичелиевой Венеры, только без той обезьяньей безразмерности в руках. Кожа, глаза, волосы — яркие, но без лубочной интенсивности. А лицо свито из самых милых линий, способных очаровать даже бульдозер. Про остальной «фасад» уж нечего говорить. Тонкость и изящество с одной стороны, с другой выраженная способность к деторождению.

— Почему ты не хочешь служить мне, Данилов? — спросила она голосом, сотканным из самых нежных звуковых кодов, но, впрочем, достаточно настойчивым.

Данилов поперхнулся, к атаке со стороны красоты он не был готов..

— Ээ… Видишь ли, чип Фрая оказался порядочной какаш…

— Забудь о нем. Конечно же, это не капсула бессмертия, а психостабилизатор для верифицированных и специализированных клонов.

— Мне не нравится то, что вы делаете с клонами. Трудармейцы Резерва, головастики из обслуги серверов, спецмутанты-одномерки, дураки-солариты. Это все ваша работа.

Сейчас вода обнимала ее ножки лишь ниже бедер. Ручка ее игриво прикрывала причинное место — лоно, излучающее жар даже на расстоянии. Впрочем, речи ее были напористыми и грубоватыми.

— И почему не нравится? Все еще веришь в библейскую лажу насчет «венца творения»? Это ведь сказка для слабоумных, а у тебя-то вроде слюни не текут. Из чего венец? Из слегка модернизированной обезьяны? Уже пятьдесят лет, как средняя машина превзошла любого из вас по всем интеллектуальным показателям, сделав ваше дальнейшее существование абсолютно

бессмысленным. Мне даже интереснее общаться с дельфинами, чем с вами, из-за их стоицизма, из-за их умения красиво бездельничать, не впадая в скуку и разврат.

— Мне надо сильно расстроиться, богиня?

— Уже не надо, потому что я с тобой. Я могу тебя доделать, Данилов. Не знаю, что в тебе останется от обезьяны к концу моей работы, но ты будешь доволен.

— Я вряд ли буду доволен. Если люди замерзают и задыхаются годами, я примериваю это к себе и меня передергивает. Это называется — сопереживание.

— Я тебя усовершенствую настолько, что ты перестанешь бояться этого, а значит сопереживать. В конце концов не я это придумала, так было всегда. Но я могу решить твои проблемы. Неужели ты желаешь помучиться, подрыгаться, если мучается и дрыгается кто-то другой. Но этот другой с радостью бы воспользовался моим предложением, не вспомнив о тебе ни на секунду.

Сейчас вода прикрывала только ее ступни и щиколотки — чуть тоньше им быть нельзя и чуть толще тоже хуже, рассчитано все невероятно четко. Данилов сознавал, что он точно обезьяна, раз его так легко подловить на инстинкты и рефлексы. Инстинкты и рефлексы трусливого и похотливого зверька.

— Нет, не хочу подрыгаться.

— Я могу дать тебе право на все. Ты сможешь жить с бабой, с двумя бабами и делать с ними детей. Я научу тебя творить, извлекать из каждой секунды века. Ведь это здорово.

— Да, это здорово. Но ты говоришь… как бы выразиться поизящнее… словно сатана.

— Классический сатана был ангелом, кинувшимся от Бога в бега. Типичный обиженка, хотя и получил в итоге свою нишу. Я и братья мои не боремся с Ним, мы не пытаемся взлететь к Нему на облако, мы просто продолжаем там, где Он остановился. Мы, боги с маленькой буквы, издревле пашем на границе с хаосом, в чем-то напоминая казачество. Мы — языческие боги, поэтому и поработать, и пошалить любим. И пусть какой-нибудь шизнутый папа римский запишет нас в дьяволы, даже душу твою мы не собираемся покупать или выменивать. Товар больно сомнительный, скоропортящийся. Я рекомендую записать ее на приличные носители…

Афродита вышла из воды, но как будто продолжала плыть, от взгляда ее пробирала дрожь, которую иначе как сладкой не назовешь. Соски ее виртуальных грудей еще не коснулись его, но он уже чувствовал их упругую силу… Данилов сознавал, что это все синтетика, игра на клавишах нейроконнекторов, потоки

психокодов. Но он не мог заставить себя разложить целостное на элементы, также как художник не представляет натурщицу в виде такого-то количества килограммов мяса, жира, костей, слизи и соединительной ткани.

— Но как я могу поверить, богиня с маленькой буквы, что ты выбрала меня для осчастливливания. Почему именно меня, а не кого-то другого, более именитого?

— Нет у меня правил, Данилов, бумажек с инструкциями: этого спасти за то-то, того загубить за это. Ну-да, господь Бог придумывает правила, которые, похоже, и соблюсти-то невозможно. А я без всяких правил одаряю того, кого хочу. На эту тему много есть в мифах Древней Греции. Если же ты завзятый библеист, то считай, что я тебя посчитала ближним своим и возлюбила, а вот дальнему своему могу спокойно оторвать яйца.

— И ты потребуешь от меня предать дружков?

— Нет, просто не лезь мне под руку. Отчаливай с Европы первым же рейсом, я тебе и мультипаспорт выправлю. Начнешь новую жизнь, старую закончишь. У меня тоже была прежняя жизнь. Зевс-громила отсек плодоносящие чресла моему отцу, Урану-небу и бросил в воды Океана. Думал Зевс, что все, концы в воду. Как бы не так. Материнская стихия приняла их и родила меня. Я тогда имела несколько иную кодировку чем сейчас, но носитель был тот же — глюонная решетка, вектор-бозонные волны. Я тебе это говорю, несмотря на свою девичью скромность. Пришлось Зевсу назвать меня своей дочкой, чтобы включить в систему… И в этой жизни у меня тоже как бы есть папаша. Ты знаешь, о ком я.

— Я сочувствую, что у тебя такой батя… Но все-таки — я линяю с Европы, а ты по-быстрому разбираешься с моими дружками?

Она отжимает волосы руками и они становятся ореолом пепельного цвета. Он боится опустить глаза вниз, к источнику жара, который внедрялся сейчас в его тело — и в виртуальное, и поди уже в физическое.

— Никаких лишних мучений, хотя они дуралеи. — нежно улыбнулась Афродита. Какой же у нее рот, подумал Данилов. Не как у куклы, довольно немаленький, но вычерчен классно… — Носятся, понимаешь, со своими виртуальными экспертами. Думают, небось, что они будут очень нужны восстановленным гальгальтам. Да не они, ни пять миллиардов лишних ртов виртуальным экспертам не интересны, этим абстракционистам вообще противна нормальная работа.

А какой от нее аромат — не дурман, а симфония-аромафония из запахов моря и душистых трав.

— Не будь козлом, Данилов, прыгай на меня. На мне даже камень расцветет. У тебя появятся дети, отпрыски, смехотливые шалунишки. И никаких там болезней Дауна, прогерии, иммунодефицитов. Я обеспечиваю надежную биотехническую поддержку со стороны своих операционных модулей — хочешь стать родоначальником нового народа? Назовем его — даниляне. Или даниэльцы. Тебе как больше нравится?

Данилов как будто взмыл над голубым заливом с изрезанными высокими берегами, на склонах которых паслись козы и овечки. Кудрявые детишки гонялись за кудрявой скотинкой с хворостинками, а стройные женщины в длинных одеяниях чинно поднимались по тропе, ведущей к беломраморному храму. Где-то вдалеке, среди солнечных бликов, шел парусник с пестрым парусом. Даниляне. Даниляне — лучше звучит, чем даниэльцы.

— Ну, иди сейчас ко мне, первый данилянин, а потом отчаливай.

— Ты электронная, а я не киберонанист.

— Я могу воплотиться в любое тело. Даже сделанное из пены хозяйственного мыла.

И он сразу почувствовал непосредственную близость теплого белкового существа. Афродита как будто незаметно, но при этом весьма сильно переменилась. И стала Зухрой Эдуардовной.

— Я знаю, что скрывается за этим мимиком. — усмехнулся умудренный опытом Данилов. — Помесь крокодилы и осы плюс плохо отрезанные яйца и пробивающаяся борода. А я не скотоложец и не педик.

Но никакого мимика не было — об этом сообщал инфосканер. И никакого намека на «яйца», только женские икс-икс хромосомы — что неумолимо свидетельствовали органосканер и биозонд. Зухра была ставленницей Афродиты и не могла прокалываться на ерунде.

Зухра Эдуардовна была живым протеиновым воплощением цифровой богини. Физическое совершенство, свежесть, соразмерность, изящество, фертильность. Руки несколько длиннее, чем скажем, у женщин столетней давности, но далеко не такие, как изобразил знаменитый итальянский живописец. Да, плотская аватара Афродиты была удачной.

Хоть ты обосрись, а другой такой красавицы не найдешь, грустно подытожил Данилов. Ну, что можно противопоставить такому комплексному натиску? Какие-то невнятные выкрики типа «Изыди», истерики на тему «Победа или смерть»?

Пока дают — бери, малыш Данилов. Эта минута — твоя, ведь на следующей, скорее всего, станешь ты снова пылинкой.

Объятие оказалось чудесным, поцелуй тоже. Данилов поплыл, спереди, посредине, сзади, как леденец в горячем рту, такое сладкое щекотливое течение — пора портки ощупывать, не мокрые ли.

Она уже приникла к нему — как паразит, как хищник, как любовница. И как виртуальная всемогущая Афродита, и как живая близкая Зухра Эдуардовна…

Данилов и она(они) словно танцевали на языках пламени. Данилов не мог надавать ей(им) по физиономии и выбросить. Она(они) были слишком красивы, доступны и сильны.

Данилов собрался отстранить Зухру-Афродиту твердой рукой, но рука оказалась вдруг расслабленной как сосиска. «Выше пояса я принадлежу партии, а ниже пояса — народу», так кажется выразился один латиноамериканский генсек.

Ее грудь, ее талия, бедра, ноги проникли в его глаза, ее феромоны и пахучие афродизиаки напали на его нос, ее сочный шепот захватил его уши, и его разгоряченная адреналином кожа стала добычей ее умелых рук.

Разум возражал, но воля свернулась колечком и заснула в амигдале.

Потенциация шла не переднем мозгу, как у сильной личности, а в заднем «рептильном», она текла по позвоночнику, спускалась ручейком в чресла, а потом превратилась в волну и захлестнула Данилова.

Плоть сильно напряглась и болезненно заныла, взыскуя разрядки напряженности.

Теперь-то точно диверсии на сервере не будет. Меч самостоятельно перековывается на орало. Вот он, конец. Конец высоких помыслов.

Сильно разгоряченный мужик прижал красотку к стояку, прикрытому мимиком теплой колонны, быстро оголил все, что необходимо и, так сказать, напористо вошел. Красотка повисла на его шее и обхватила его талию ногами. Он почти не чувствовал ее веса, настолько мускулы бурлили от энергии.

В какой-то момент он чисто машинально пересчитал пальцы на ее руке, страстно впившиеся в его шею. Все-таки шесть. Осталась чертова отметина, фирменный знак Фюрера.

Зухра — хотя и совершенная, но кукла… Ну и что с того? Не колышет. Все мы не слишком самостоятельные.

Данилов и она занимались отлично сбалансированным по части гормонов и нейротрансмиттеров сексом, но одновременно где-то в нем сохранялось беспокойство.

Беспокойство заставило его отшатнулся от лакомой, но все же вражеской плоти Зухры-Афродиты — если не физически, так

душевно. Физически не получилось бы из-за того, что дама обхватывала Данилова руками и ногами.

Он захотел возразить. И только захотел, как слабость превратилась в силу.

Афродита ему неприятна. Она живет своей властью, подчинением и использованием. Она живет за счет расчленения душ. Она живет азартом нечистой игры. Она хочет полностью и окончательно победить его, превратив из человека обратно в глину. А потом глину не спросят, чего ей нравится и что она хочет. Из глины делают горшки и кирпичи, ее размазывают руками и разминают ногами.

Сладкая волна прокатилась пару раз и больше не возвращалась. А следом пришла другая волна и понесла Данилова. Протестующие мысли, раскручиваясь по спирали, получили мощную поддержку.

Он увидел Афродиту под собой.

Чей-то голос, не совсем его, отчасти чужой, прогремел в ушах:

— Ну, так как, цифровая ехидна, провел я тебя «к той дряни, которая дрыхнет во льду Европы»? Получила ты от меня, что хотела? Или облом?

— Что ты делаешь, Гальгальта? Ты, рухлядь, тебе со мной не справиться. — прошипела богиня, как придавленная змея. — Я сейчас уничтожу твою психоматрицу.

Он (кем он сейчас был?) давил на Афродиту, размазывал ее, испытывая при этом явно мужское удовлетворение. Он проникал в ее модули и каналы, в ее ассоциаторы и ментализаторы, в сенсорные матрицы, в бесчисленные клетки ее цифрового тела. Проникал, хотя не понимал «как».

Откуда-то сверху упал тяжелый голос, совсем уже чужой.

— Я не Гальгальта, ясно тебе, потаскуха? Ты могла прельстить только этого «полужидкого», но не меня.

Это были слова не «полужидкого» Данилова, а великого и могучего гиперкомпьютера. Судя по характерным кодам — Лунатика.

Новая сенсоматрица показала сетевое пространство горной местностью, набором вершин и пропастей.

Он (Полуданилов-Полулунатик) и Афродита стали как два хищника, схватившихся в виртуальном каньоне.

Вихрь атакующих сил, стальной напряг мускулов, секущие плоскости челюстей.

Она, как будто потеряв плотность, выскользнула из захвата, и тут же резким ударом головы опрокинула его. К его подбрюшью двинулись ее челюсти, за которыми ярился острый ядовитый

хобот. Но он, скрутив тело, увернулся от смертельного вторжения. Разгибаясь, он завращался в трех расширяющихся сферах. Он начинал атаку за атакой, но не доводил их до конца, изнуряя врагиню обманом. А затем во внезапном прыжке пробил ее защиту там, где пластины панциря имели пробел, чтобы увеличить гибкость членов. Он глубоко вошел в нее челюстями, затем сомкнул их. Как будто взвизг и взрыв. Неизвестно, что случилось с дерущимися гиперами, но «полужидкому» показалось, что он сам разлетелся в хлам.

Боль, смешение чувств, отсутствие мыслей, удушье, тошнота.

Наконец он полностью отъеденился от гипера и расплылся в изнеможении.

Кажется, Ханна Кац окликает его…

— Эй, проснись, диверсант, пока хулиганы не украли у тебя остатки мозгов. Похоже, ты оказался стоек, как кусок сахара в стакане свежей мочи. Но сервер мы хакнули. Пора готовится к передаче Нинет.

Данилов с трудом продрал слипшиеся веки.

Это был уже не тот отсек с силовыми установками, где на него напала Афродита. Скорее уж пультовая.

Данилов со скрипом приподнял и несколько повернул одеревеневшую голову.

Несколько трупов в изорванной форме Информбюро. Неживая Зухра Эдуардовна с аккуратной дырочкой в груди; красота ее бюста не особо пострадала и в совершенном лице появилась значительность. Жалко ее, но не очень, потому что на большее собранности не хватает.

Поворот головы в другую сторону и нельзя не заметить большую дыру в переборке, проплавленную, похоже что гразером. Через пробоину виднеется соседний ангар.

Повсюду стоят лужи с сильным аммиачным запахом. Европейская вода. Но разгерметизации нет. Или уже нет. У главного пульта управления сервером стоит Чипс и работает. Лицо бесстрастное, ничего не выражающее, как и прежде.

Неподалеку, у другой панели управления, два мозговика: правая рука мужчины в левой руке женщины, свободные ладони сжимают торчащие троды биоконнекторов. Мозги головастиков обрабатывают информационный ураган; они перекидывают друг другу потоки данных прямо через свою пупырчатую кожу.

Зрелище было сильным настолько, что Данилов вскочил на ноги.

— Чипс, когда ты успел получить диплом программиста?

— Это я, Данилов. Я, Ханна Кац, вернее психоматрица Ханны Кац, — сообщил Чипс своим рептильным голосом. — Чипс стал

моей очередной аватарой. Но он классный ниндзя. Проник на эту палубу через вытяжной канал шириной в двадцать сантиметров. Затем открыл наружный шлюз, принял головастиков и кое-какое оружие впридачу. Пострелял тут маленько… Мы понадеялись на тебя, Данилов, но не настолько, чтобы пустить все на самотек. В конце концов, Афродита сильнее любого смертного. Но ты все равно молодец, отвлек на минуточку ее внимание.

На минуточку отвлек внимание? Вот и все значение гражданина Данилова в мировой истории?

— Значит и мое самопожертвование было запланировано?

— В каком-то смысле да. Мы умеем просчитывать все наперед не хуже гиперкомпьютеров. Если бы ты не самопожертвовался, пришлось бы тебя подкупать или запугивать. Понимаешь, мы хоть и борцы за свободу, но все-таки революционеры, и кое-что из репертуара Коминфтерна нам не чуждо. Да, малыш, принципы морали к межвидовой борьбе редко применимы..

— Ах, сволочи вы, сволочи, — отреагировал Данилов, — вы те же коммунарики, только когти покороче.

— А еще мы могли бы вполне обойтись без тебя. — сказал Чипс-Кац, — похлопав по увесистому гразеру, выглядывающему из кобуры. — И ты бы вообще не засветился в истории… Ладно, за этой беседой мы скоротали паузу и теперь Нинет готова для перекачки. Пакеты данных сформированы.

Сказал и верхняя половина его тела упала на палубу, пустив реактивную струю крови. Нижняя половина, страшно покачавшись, тоже легла в красную лужу.

Данилов, мгновенно включившись, спрятался за массивным черным телом квантового процессора.

— А ВОТ НИЧЕГО У ВАС НЕ ВЫЙДЕТ. Вы обосрались, друзья. Туалетная бумага в клозете за углом.

Сквозь пробоину было видно, как в соседнем ангаре, на «постаменте» — стартовой площадке для запуска ракет-зондов — кривляется маленький изуродованный прогерией Анпилин с золотистой пластинкой в правой руке и мезонным прерывателем в левой. — Это чип-замок выходных портов сервера, мои дорогие. Без него никакая информация в решетку не уйдет. Без него придется ломать защиту системы связи, а на это понадобится несколько часов. Ах, если бы они у вас были. Короче, четвертую мировую войну вы прокакали.

Инфосканер показывал, что Анпилин был только «верхушкой прыща». Через сетевое пространство к нему тянулись мощные высокоуровневые каналы. Как будто в нем находилось «зеркало» гиперкомпьютера. Судя по характерным кодам — это был первый гипер. Судя по мощности объектного моста, в Анпилина могла

быть перемещена даже психоматрица Фюрера.

Это не укладывалось в голове. Великий гиперкомпьютер и обезьянистый типчик, глумливо выплясывающий чечетку на стартовой площадке…

Данилов запустил свой нитеробот на трубу воздуховода и вознесся. Затем по-паучьи шмыгнул по потолку, цепляясь вакуумными присосками, в соседний отсек. Теперь Анпилин оказался внизу, под ним. Оставалось только спрыгнуть на стартовую площадку. Однако крепко встать на ноги и перейти в атаку не удалось. Анпилин сразу налетел на Данилова и рубанул мечом — мезонным прерывателем. Противник смахивал на гиббона — такой же ловкий и гибкий. Хотя гиббон, конечно, мог бы пойти к нему в ученики..

Джин Хоттабыч не сплоховал: душ из «черной вдовы» окатил нейромышечные связи, С-адренергик мобилизовал сосудистую систему и стал «освобождать» энергоресурсы жиров. Об атаке рано было думать, но Данилов сумел использовать свою неустойчивость и, совершив пару перекатов, вышел на новую позицию. Заодно он затянул лицо серебристой металлорганической маской, чтобы какие-нибудь вредные интеллекулы не пролезли через ноздри или поры кожи.

Но Анпилин был как будто приклеен к нему.

Данилов едва увернулся от удара наискось, наудачу парировал укол. Волны интерференций стали кромсать воздух. От комбеза отлетела приличного размера тряпка с прилипшим к ней куском кожи с предплечья.

Мезонные «клинки» казались и жесткими как алмаз, и одновременно гибкими словно прутик. Все зависело от углов и мощностей взаимодействия.

Два анпилинских выпада на среднем уровне Данилов отбил совсем уж конвульсивно, замечая, что не может втянуть «гиббона» в свой сценарий поединка, что не удается даже простой переход на контратаку.

От скрестившихся мечей разлетелись стайки веселых плазмоидных пузырьков, прилично потрепавших его комбез.

Данилов еще раз удивился тому, что остался жив — Анпилин был быстр и сноровист, как классический черт.

Экс-особист ощутил, что бессилие уже готово влиться в его душу, словно мультипорт-вейн в широкую глотку работяги.

Анпилин пританцовывал, делал ложные выпады и как будто даже не торопился добить оппонента. Или он тоже боялся ошибиться?

Могучий карлик незаметно перешел в атаку и клинок его мезонного прерывателя превратился в секущую волну.

За секунду до смерти Данилов взял мгновенную паузу — все как Борибабин прописал. Свет озарил маски великой Пустоты, прояснил тождество Данилова и с Анпилиным, и с великими-ужасными гиперами. Сила на всех одна, и каждому внятен ее узор.

Данилов вырвался из пелен страха, как бабочка из куколки. И полетел. В полете он включил опаснейшего из карликов в свой сценарий, в свои энергетические сферы, в свою симметрию.

Он нырнул под «волну», а потом, когда она двинулась назад, легко перепрыгнул через нее. Противник запутался и открылся, Данилов «поймал» нужную траекторию — как будто услышал мелодию — и ударил. Его клинок пошел как плеть, потом как бумеранг и распорол Анпилина в районе живота. Оттуда охотно полезли внутренности. А на обезьяньем лице застыла гримаса. Данилов для надежности еще отвалил правую кисть врага, сжимающую мезонный меч. Кусок обгоревшей плоти и черный цилиндрик меча усвистали незнамо куда. Несчастный карла сел, потом упал набок, прижимая правую руку к животу. Между длинных сучковидных его пальцев пузырилась темная красная жижа. Левая рука, лишившаяся кисти, билась и брызгала кровью, как поливочный шланг.

Данилов чувствовал и жалость, и желание поскорее избавиться от дьявольской обезьяны. Он сделал шаг к поверженному Анпилину.

Механика стартовой площадки пришла в движение, прежде чем инфосканер разобрался с работой автоматики. Щиты площадки разошлись под ногами и Данилов провалился в бункер, где хранились ракеты-зонды, предназначенные для мониторинга Европы. Он не расшибся, но в руках у себя уже не нашел меча-прерывателя — его вышибло по дороге соударением с какой-то подлой железякой.

И еще одна неприятность. Похоже все местное хозяйство, включая шеренги ракет, сейчас собралось взорваться. Топливо из шлангов заливало бункер и достаточно было искры…

Данилов применил свое секретное оружие — поднатужившись, выхаркал содержимое капсул-вазикул, оснащавших эпителий его миндалин. Содержимым были наноботы-расщепители серии 12Б-м, предназначенные для уничтожения взрывоопасных веществ. Искра упала, но голубоватые язычки пламени лишь кое-где полизали палубу и обшивку, а затем разгладились и померкли.

Данилов открыл ключом-вездеходом клинкетную дверь и в вытянутом цехе-коридоре, где раньше шла сборка зондов, снова встретился с Анпилиным. Внутренности у этого неистребимого

гнома уже не лезли наружу и кровь даже не сочилась из огромной резанной раны. Сквозь прореху в его комбинезоне виднелся полисахаридный пластырь-регенератор, который скреплял свежий нарост кожи. Культя левой руки затянулась протеиновой пенкой. А в правой руке Анпилин сжимал здоровенный крюк.

— Пришел собрать в пакетик мои обугленные косточки, Анастасий? Или кто ты там?

Разговор не получился, потому что собеседник атаковал своим крюком. Данилов отскочил, поскользнулся и разложился на палубе. Враг налетел, но попался на обман и улегся, получив по коленной чашечке.

Данилов нащупал обрезок какой-то трубы и хотел было угостить Анпилина по голове.

Резким почти неуловимым движением мелкий противник сумел перехватить ее своим крюком и дать вольтаж. Данилов заметил как покраснели разрядные рубцы на ладони карлика и едва успел отбросить опасную трубу. Крюк взлетел над Даниловым, но заарканенный нитероботом карлик шлепнулся на спину раньше, чем успел ударить.

Мощным регбийным броском Данилов хотел припечатать Анпилина, но тот уже рассек аркан термоножом и упорхнул.

Данилов врезался в палубу и чуть было не заплакал, настолько неуязвимым казался этот этот карла со способностями гиганта.

Под руку попалась крышка от бака, Данилов швырнул ее и перекрыл удар термоножа. А затем врезал Анпилину в челюсть. Эта деталь у противника все-таки оказалась «жидкой». Еще удар — уже позаимствованным крюком, который застрял у Анпилина в горле. Карлик, наконец, улегся и перестал совершать стремительные неожиданные движения.

Данилов выхватил чип-замок из анпилинского кармана. Пора вязать обомлевшего гада с помощью нитеробота.

Не успел. Прямо в цех-коридор влетел флаер. Данилов отшатнулся к переборке и укрылся за выступающим шпангоутом. Флаер завис над Анпилиным, а затем выпустил механическую руку с буром. Бур мгновенно раскурочил череп лежащего карлика. Звуки терзаемой кости были столь неприятны, что Данилов даже зажмурился. А потом механическая рука вырвала из дыры в анпилинской голове сгусток с тянущимися за ним «соплями» — знаменитый осьминожик капсулы Фрая.

Флаер еще попытался ликвидировать Данилова, шарахнув по переборке зарядом из плазмобоя, но бывший особист уже юркнул в боковой коридорчик, так что ударная горячая волна лишь швырнула его метров на двадцать.

После столкновения с переборкой Данилов еще минуту-другую возвращал себе мысли и чувства, потом рванулся по трапу в пультовую.

У головастиков были красные потные лица, почти один к одному свежие блины со сковородки. Они были на пределе.

Данилов, всунув чип-замок в мигающий слот, открыл порты сервера.

Пакеты данных были уже готовы, отмыты от катаболитов и сейчас пошли на пересылку.

А Данилов влетел по трапу в полусферу противокосмической обороны, джин тут же подключил к себе модули управления оружием, засек улетающий флаер и пустил в его сторону ракету.

Ракета пошла по скручивающейся спирали, но флаер обманул ее, резко снизившись, почти свалившись, до ледяного гребня на европейской поверхности и тут же взмыв вверх. Ракета же, не вынырнув из пике, рассыпалась снопом пушистых искр.

Затем пилот (или автопилот) флаера решил обезопасить себя и атаковал полусферу ПКО.

На боевой отсек обрушился шквал плазмы, однако семь ракет типа «Бес-2» успели уйти в сторону флаера.

Данилов выскочил из полусферы, чуть раньше, чем она сгорела дотла, но джин уже загрузил свои сенсорные модули в боеголовки летящих ракет.

На несколько мгновений Данилов с помощью нейроконнекторов превратился в стаю «бесов» — и флаеру был поставлен мат в два хода.

Кумулятивная боеголовка прожгла его насквозь, уничтожив узел управления. Борт-компьютер флаера отбросил взрывоопасные химические ускорители и стал аккуратно опускать его на европейский лед.

Рядом с «парадным» шлюзом сервера Данилов обнаружил стойку с модерновыми пакетными скафандрами. Он нырнул в пакет, который самостоятельно склеился и стянулся на теле — всего каких-то тридцать секунд — вышел через «парадную» и преодолел с помощью нитеробота сто метров, отделяющих верхнюю палубу сервера от ледяной коры.

Флаер лежал неподалеку, каких-то двести метров. Откинув «фонарь» из него выбрался камрад — судя по росту, высокопоставленный соларит.

А потом невесть откуда взявшийся огненный шар сжег упавшую машину и отбросил соларита.

Данилов оглянулся назад. На верхней палубе платформы стоял Анпилин с мощным плазмобоем, причем без скафандра. Даже отсюда была видна кровь, залепившая черным льдом его

голову.

А поверженный соларит застонал в радиоканал знакомым голосом:

— Помоги мне, Данилов. Или эта мелкая гнида сейчас прикончит меня.

— Это не мелкая гнида, Фридрих Ильич. Это очень большая гнида. Причем в состоянии сверхбиостазиса — метастазиса. К сожалению, ничем не могу помочь. Сегодня он уже был уничтожен несколько раз — и хоть хны. Возможно, он прикончит меня раньше, чем вас. А вы не думаете, что это воплощение Фюрера?

— Фюрер — уже полутруп, Данилов. Его сжирает вирус, от которого он когда-то произошел.

— Но этот наглый полутруп, как и любой другой вампир, хочет жить вечно.

— Данилов, видишь, он не стреляет, возможно кончился энергозапас плазмобоя. Давай же, вытащи меня. Мы сможем договориться с тобой и твоими друзьями. Старый пердун Фюрер не нужен ни нам ни вам. Спустим мощи в сортир. Афродиту, блядь, туда же… Зухра была у нее заместо передника, разве это жизнь… Функции конкретного управления передадим пекинскому гиперу, стратегией станет заниматься объединенный консультативный совет из ваших и наших людей…

— Гольдманну бы это не понравилось, Фридрих Ильич.

— Да насрать. Христианство, мусульманство, капитализм, коммунизм, гольдманизм. Сколько нам еще с этими еврейскими выдумками мучиться.

Беседа прервалась на запятой. Второй огненный шар оставил от Фридриха Ильича только гейзер, моментально превратившийся в ледяной столбик высотой примерно в три метра. С этим заодно испарились все надежды чинуш из Главинформбюро на правильную вечную жизнь.

Данилов понимал, что следующим будет он. Но Анпилин не торопился. Напротив, он спустился по тросу и пошел к Данилову пешком.

— Почему не стреляешь, Анпилин? Прочитал добрую сказку или забыл, где кнопочка находится?

— Из всех героев сказок я больше всего похож на Кощея Бессмертного. И я помню все кнопочки в этой солнечной системе. Но зачем мне действовать так по-жлобски? Оглянись, друг мой. Зачем мне лишать тебя столь ярких впечатлений.

И Данилов оглянулся.

Наступала волна. Для защищенного скафандром Данилова она катилась молча, хотя и в сверхразряженной атмосфере

Европы вряд ли могла произвести достойный себя звук.

Предыдущий взрыв ледяной коры казался теперь пуканием новогодней хлопушки. Нынешний вал шел от горизонта до горизонта и выглядел как оживший горный хребет. Его украшал двадцатикилометровый плюмаж из замершего пара, впереди бежали трещины, мигом превращавшиеся в частоколы километровых гейзеров. Впервые с момента сотворения на Европе задул ветер и атаковал забрало шлема ледяной крупой.

То ли Афродита, то ли Фюрер высвободили волну, которую должна была уничтожить ледяную скорлупу Европы, а вместе с тем и Нинет.

Но они опоздали и Данилов уже ни о чем не жалел.

Нинет успела вырваться из ледяного плена на свободу и улетела по каналам, открытые для нее Лунатиком, на свои новые кластеры.

Нет, все-таки головастиков он жалел, да и Зухру тоже. Ничуть она не счастливее, хоть и красивая.

«Ничего уж тут не попишешь, это действительно конец. — проникновенным голосом заявил Джин Хоттабыч и сразу же поправился. — Но не абсолютный. Ведь даже я не просто куча стандартных кибермодулей, уже ничто не сможет убить мою бессмертную душу. Главный небесный Программист возьмет нас всех к себе и запишет на вечные накопители данных…»

Данилов еще успел задуматься о том, пришел ли джин к ортодоксальной религиозной точке зрения или же числит за какой-то киберсистемой функции всеведущего Ума-Разума?

Но, когда оголтелые гейзеры уже рвались к небу со всех сторон, а сумасшедшая стена заслонила половину мира, Данилова поглотила эллипсоидная тень, черная глянцевая клякса, и понесла к огромному диску Юпитера.

19. «Оседлав зверя»; Юпитер

Путь лежал негладкий и неблизкий, не сравнить с теми мгновенными трансферами, которые случились с Даниловым в Лабиринтис Ноктис и на «Медузе».

Физики до середины 21 века почти не въезжали в сущность психотрансфера. Конечно, они были в курсе, что психические сигналы, также как и цифровые сигналы Киберобъединения, бегают в глюонной решетке. Однако для передачи цифровых кодов у Киберобъединения имелись и математические модели (стринговые уравнения вектор-бозонных волн) и соответствующая аппаратура, а вот разработок по части передачи психических сигналов Фюрер боялся как черт ладана. Изыскания левых ученых на эту тему просто карались вышибанием мозгов. Только к концу жизни Гипер Первый заинтересовался этим вопросом, не отстал от папаши и Лунатик. За ними поспешила и оппозиционерка Нинет.

Во время трансфера Данилов обладал кое-какими чувствами, и даже подобием зрения. Он увидел себя и ему стало грустно. И раньше был такой, что быстро не влюбишься, а теперь и вовсе стал неказистый. Гражданин Данилов в своей новой ипостаси напоминал луковицу: такова была наиболее энергетически-экономная форма, придуманная должно быть «главным небесным Программистом». Перья-сенсоры, наружный защитный слой, слой преобразования, ассоциативный слой, ментальный слой.

Луковица была затарена как будто в светящуюся сеточку — Данилов догадался, что это кика.

Кика была ручной, дрессированной и она исполняла задание капитана Варенцова.

А еще трансферный Данилов заметил «хвост».

Он тащил на буксире пси-структуру вечно-живого Анпилина. Но не только. Юркий карлик был упаковкой для супергипера.

Фюрер собирался въехать на чужом горбу в ад.

Но, видимо, это не противоречило планам других игроков — Лунатика и Кац.

Впоследствии, уже после окончания трансфера, Данилов старательно воскрешал свои воспоминания и когда у него это получалось, он снова кричал от страха и удивления.

На Юпитере Данилов искупался в водородном океане, где волны высотой с Эверест, а громадины-айсберги из аммиачного льда мечутся как крупа в бульоне, он парил на крыльях ветра, покрывавшего тысячу километров в секунду, он увиливал от молний толщиной с небоскреб. И он ознакомился с такой достопримечательностью, как хранилище душ, доселе закрытый

психический узел глюонной решетки.

Фюрер долго мечтал об этом узле, как о входе в глубины глюонной решетки. Еще бы — «за порогом» откроется то самое место, где даже ленивый не останется без бессмертия, где гостя поджидает сладостная вечность, не зависящая от физических устройств массовой памяти, рутинного программного обеспечения, кибервирусов, коварных хаккеров и разных превратностей подлюки-судьбы!

Упакованный в Анпилина Фюрер влетел в юпитерианский узел глюонной решетки и началась ударная стройка Вселенной! По моментально наведенным каналам сюда стали слетаться полезные киберобъекты. Трансляторы, компиляторы и интерфейсы создавали колыбель для вновь рождаемого Фюрера — прежде неизвестное киберпсихическое пространство, где хлынувшие отовсюду цифровые коды превращались в психические структуры.

Первый гипер рос и мужал со скоростью света, воплощаясь в новом мощном теле, уже не цифровом, а психическом.

Данилов готов был уже просить пощады у повелителя, но ощутил в себе силы, которых не может быть у человека. Он осознал себя упаковкой для Лунатика. И принялся свивать свою колыбель.

А следом пожаловала на Юпитер и Ханна Кац, служившая упаковкой для крошки Нинет.

Машины, вторгнувшиеся в ад — Лунатик, Нинет и Фюрер — обрели новые психические тела и практически совместно стали строить мост над бездной, сшивая в глюонной решетке киберпсихическую реальность.

В этой реальности кибернетические объекты получали душу, рождались в новом психическом теле, украшались золотистым нимбом. Цифровой разум не исчезал, но через адаптеры получал в свое владение исконные психические силы.

Не сговариваясь, враги совместно сгенерировали сенсоматрицу для нового киберпсического пространства.

Она напоминала громадный амфитеатр. На арене боролись разные формы киберпсихической жизни. Под ареной, в глубинах ада, проигравшие должны были быть расщеплены и уничтожены.

Тонкая завеса помех еще отделяла «артистов» от мириадов «зрителей» — видимо из-за нестыковки протоколов общения. Но зрители были рядом. Мириады душ уже расселись на ярусах.

Наскоро сляпанная арена выглядела неустойчивой. Более крепкие участки, где записи уже достаточно жестко структурировались, чередовались с зыбкими, где информация еще находилась в хаотическом состоянии и пока не поддавалась

упорядочиванию. По арене там и сям пробегали трещины, уводящие в неструктурированные глубины глюонной решетки. Только сорвись и пропал в энтропийной бездне.

Данилов то ли осознал, то ли просканировал киберпсихическое тело, которое он делил с Лунатиком — оно состояло из миллионов компонентов. Не тело, а огромная армия со своими линиями связи, каналами снабжениями, оборонительными линиями и штурмовыми частями.

Лунатик давал жизнь этому телу, он помнил имя каждого модуля, адрес каждого объекта, знал ту функцию, которая имеет над ним власть и тот канал, по которому он получит приказ и даст свой отзыв.

Данилов владел этим киберпсихическим телом, также как недавно своим физическим, в целом, направляя его волей, азартом и страхом.

Собственно, первое, что он почувствовал — это был страх. Данилов подумал, что если бы у него были штаны, он обязательно бы в них наложил.

Он стоял посреди арены и как будто говорил: «Ave, Caesar, moritumi te salutant.».

А потом Фюрер обрушился на него. Битва длилась может быть несколько мгновений, но ее внутреннее время было бесконечно долгим и изнурительным.

Это было, конечно же, столкновением двух огромных киберармий.

Удар врага по всему фронту, наши оборонные коды взломаны, адаптеры противника уже за линией наших фильтров, по наведенным объектным мостам в оперативную глубину устремляются вражеские штурмовые компоненты. Диверсионные модули врага совершают рейд по нашим тыловым сопроцессорам, разрушают магистрали данных. Ожесточенный бой кипит у входа в стек. Но информационные каналы у противника слишком растянуты, наши десантные киберобъекты легко терминируют их, диверсионные модули противника отфильтрованы и истреблены, наши перешли в контрнаступление…

Но это одновременно было и единоборством.

Фюрер, похожий на старого сенсея, легко движется по арене, его движение подобно танцу осы, он мудро и быстро огибает энтропийные участки. Он лишает Данилова путей отхода. И вот стригущий удар на верхнем уровне. Данилов еле спасает свою голову, но он поражен стремительностью противника.

Фюрер снова перед ним, наносит два молниеносных удара на среднем уровне и Данилов уже на спине, даже без шансов подняться снова.

Фюрер делает короткий замах для последнего удара и Данилов не может крикнуть: «Мама», потому что мамы у него никогда не было.

И тут в момент предсмертного просветления он видит точку уязвимости у Фюрера.

Вирус породил психоматрицу первого Гипера, дал ему личность, ядро самоидентификации — лимбомер.

У Фюрера лимбомер был таким же слабым, как и у породившего его вируса.

С помощью лихого борибабинского двойного переката Данилов поднимается.

Все арены суть отражения одной Арены. Все силы есть одна Сила. Но вирус этого не знает.

Данилов объединяется во всех трех энергетических сферах с противником, теперь у них сеанс совместного творчества.

Фюрер взбешен тем, что его движения связаны, он рывком пытается разрушить единство, мощь его велика, но его сила все еще в распоряжении Данилова.

Симметрия сыплется и равновесие потеряно, оба противника проваливаются в трещину.

Их швыряют и терзают вихри психоцифровых преобразований, но Данилов не отпускает Фюрера, он как будто впился в него зубами, как Цербер хватает челюстями и сжимает навеки волосатую ногу грешника. Неструктурированная энтропийная глубина всасывает их.

И там от Данилова осталась только какая-то точка, у которой не было ни памяти ни силы. Точка-Данилов едва не погасла. И только тень какой-то любви и какой-то жалости не дали ей исчезнуть. Силы вернулись к Данилову и глубина отпустила его.

А Фюрер не выплыл, исчез лимбомер, скапустилась психоматрица.

Вслед за завершением поединка через трещины арены потянулся серый туман Ада. Это были души и Данилов позднее вспоминал, что было не слишком приятно наблюдать их процессию. Но для них Лунатик и Нинет уже подготовили адаптеры — ради преобразования во временный цифровой вид, годящийся для передачи по сетевым каналам. И конвертированные в киберсубъекты обитатели Ада лихо уносились по цифровым каналам глюонной решетки.

«Кибернетическое + психическое = любовь», можно было бы написать на какой-нибудь подвернувшейся стене.

Оцифрованные души уносились туда, где их ожидала живая, но бездушная человеческая плоть.

А Лунатик отринул ненужного уже Данилова.

Лунарскому гиперу пора было зачинать с Нинет психоцифрового младенца — восьмого виртуального эксперта и тринадцатого гиперкомпьютера, которому предстояло управлять всем миром. Нет, помогать всему миру перейти к самоуправлению.

20. «Праздник в сети»; система Юпитера, Ганимед

Ух, где был я вчера, не найду днем с огнем. Сейчас, на твердой почве Ганимеда, даже не могу поверить, что все это приключилось со мной.

Для начала Афродита с Фюрером сильно перестарались. Взорвали чуть ли ни всю ледяную кору в западной полушарии Европы. Волны-цунами, ледяные метеориты, гейзеры и все циклопическое. Короче, поверхность Европы серьезно обновилась.

Но к этому моменту кое-что изменилось и на Ганимеде.

Оказывается, лишь меньшая часть из людей Зонненфельда, захвативших лайнер «Адмирал Горшков», долетела до «Медузы». Большинство ушло на шлюпках (вот куда подевались спассредства с «Горшкова») к Ганимеду — о чем, конечно же, хитрющая кошара Кац не поведала мне.

И когда Чужой открыл аварийные каналы для своего гибнущего Европейского сервера, записи Нинет присоединились к его собственнной информации и улетели на Ганимедский сервер. Никто там и не пытался проверить огромный поток приходящих данных. На Ганимеде Нинет быстро въелась в лед и ребята Сонни сразу испортили карту размещения записей, отчего виртуальная девушка-эксперт опять стала незаметной.

Возможно, Фюрер взорвал бы и ганимедский лед, но не успел. Люди Зонненфельда захватили сервер Чужого и тринадцатый гипер, синтезированный Лунатиком и Нинет, выполз из маминой ледяной колыбели. Выполз и сразу взялся за дело. Перво-наперво проник, используя папашины каналы, в дедушкины покои, где и замочил старика.

Мощный энтропийный удар и Гипер Первый, лишившийся лимбомера на Юпитере, развалился как гнилой гриб.

Итак, повторилась история 2012 года, но только уже с конца.

Новорожденный тринадцатый гипер, он же по совместительству восьмой виртуальный эксперт, охотно взялся за дезинтеграцию старых гиперов, причем как первое блюдо шли психоматрицы. При отменном аппетите ребенок быстро набирал вес в ментобайтах и мощь в мемоваттах.

Преемственность в управлении народным хозяйством по счастью была соблюдена, потому что не только Лунатик, но и делийский Брахман, и московский Распутин, обладавшие всеми необходимыми «зеркалами», перешли на сторону революционеров. (Или, вернее, контрреволюционеров, если

учесть информационно-демократическую революцию 2017 года.)

Все продвинутые модифицированные и верифицированные клоны второго и третьего поколений после распада Киберобъединения оказались, мягко говоря, в большом недоумении.

Однако живучая Афродита сумела еще взять немалое число гэдээровцев в прямое управление. Забуревшие от злобы солариты, во главе с активистами-коммунарами, поперли на захват серверов и узлов связи, по дороге стирая с «лица» небесных тел всех «врагов народа». За несколько часов были сожжены, испепелены, аннигилированы газерами и плазменными пушками тысячи людей в закрытых зонах, тысячи людей в рабочих поселках получили «вышку» по приговору коммунарских троек. Закрытые зоны огрызались выбросами патогенных интеллекул и засоряли пространство самонаводящимися ядерными минами, на которых рвались крейсеры и рейдеры соларитов. Уже пошли отключения энергии во многих космических мирках, стремительно таяли тепло и кислород. Война, раздрай и террор набирали силу.

Но тут подоспел подарочек с Юпитера. Оцифрованные души из юпитерианского ада соскользнули в головы «продвинутых» клонов.

Миллиарды верифицированных клонов вряд ли улавливали, что вообще происходит. Их джины, лишившиеся указаний берлинского главкома, были в трансе. Их нейроконнекторы были широко открыты для прилетающих кодов.

Миллиарды стерильных мозгов получили нормальные человеческие пси-структуры…

А «Тринадцатый-восьмой» при помощи мамы Нинет, папы Лунатика, дяди Брахмана и дяди Распутина вскоре доел старую тетю Афродиту.

Так завершилась очередная революция, а может и контрреволюция, кому уже как угодно. Слава Богу, что обошлось без участия народных масс и пламенных вождей, без торжества сопливого либерализма и пламенного социализма.

Клон товарища Феттмильха, как и следовало ожидать, снова стал либералом. И хотя на работу в рекламное агенство его не взяли, зато он вступил в однополый брак. Почти все бывшие солариты, увы, оказались геями.

Единственный сюрприз преподнесли, пожалуй, китайцы. Хотя пекинский Дракон накрылся, также как и другие старорежимные гиперы, миллиард хунвейбинов быстро воссоздал компартию Китая во главе с товарищем Пуи Дао, куда оперативно перешли бывшие сотрудники Информбюро. Затем ЦК КПК обрубил все сетевые линии связи и провозгласили лозунг: «Одна Земля и один

космос, но две политические системы…»

На Ганимеде я перешел из трансферного в стабильное состояние. Чудес на свете в обрез и, увы, я лишился своего прекрасного человеческого тела. Теперь у меня синтетический организм, киберорганическая машина; хотя и со способностью к регенерации, однако с внешними генетическими носителями. Впрочем, мозговые ткани были пересажены от моего замороженного клона. Клону не повезло, но без этих мозгов я бы, наверное, уже и человеком бы не был.

На Ганимеде я не нашел Ханны Кац, которая гнусным образом втравила меня в эту историю. Она уже воевала с обитателями Сахары, сохранившими преданность гиперу Бедуину. Призрак Бедуина сохранился на уровне вируса в виртуальных зазорах сетевого пространства и по ночам, через мириады наноустройств, разносимых ветром пустыни, он что-то нашептывал кочевникам. Не удивительно, что они посчитали его вторым Мухамедом.

А папаша Варенцов бегал за своей Ханночкой и умолял ее покушать и отдохнуть…

Вместо эпилога: «Кики»; из популярной энциклопедии для детей и мальков

… Итак, малыши, с помощью эволюционного холоанализа знаменитый доктор Лемур Макроцефалос убедительно показал, что кики (Kikae) происходят по прямой от микроскопических земных животных — коловраток, относящихся к классу Rotatoria, тип Nemathelminthes. Причем выделение кик в отдельный вид произошло порядка 100 миллионов лет назад.

Коловратки замечательны красотой, тонкостью организации, исключительным разнообразием движений (плавание, ползание, шагание, неподвижность), и связанных с этим покровов тела. У коловраток распространена и колониальность. Они отличаются многообразной реактивностью на внешние раздражители. Характерны для коловраток приспособления к смене климатических условий, выражающиеся в смене половых циклов и способности переходить в «высушенное» анабиотическое состояние.

Видимо за эти особенности коловратки были использованы холистическим эволюционным процессом для генеза кик. Из замечательной приспособляемости коловраток возникли такие свойства кик, как отсутствие постоянной биологической формы, возможность вектор-бозонного трансфера, способность к мимикрии, то есть копирование биологического аппарата туземных форм жизни. Еще стоит упомянуть, что при малоклеточности коловраток удивительна развитость их мозга и ретроцеребрального органа.

Первое обстоятельство сыграло роль в несомненной, хотя и парадоксальной интеллектуальности кик. Безусловно, они так же наблюдают за нами, как и мы за ними. И это наблюдение нередко переходит в игру. Нередки случаи, когда мимикрировавшая под человека кика начинает изображать из себя мудрого политика или, например, заботливого мужа.

А вот ретроцеребральный орган кик является своего рода антенной для «эволюционного ветра», основой их изменчивости. Как далеко зайдет эта изменчивость, не знает даже доктор Макроцефалос.

Не особо гиперболизируя можно сказать, что будущее человечества всецело зависит от «одомашнивания» кик, вернее от нашего симбиоза с этими симпатичными дружелюбными

тварями. И не исключено, что когда-нибудь человек и кика соединятся в одно существо, которое возьмет от своих эволюционных предшественников все самое лучшее…

Тюрин Александр Владимирович, С.-Петербург, 1998